

ПОСЛЕДНЕЕ
УБИЙСТВО,
И ОНА БУДЕТ
ПРИНАДЛЕЖАТЬ
ЕМУ

ДЖЕССИКА КЛЭР
ПОСЛЕДНИЙ
УДАР

Николай

С самого детства я был наемным убийцей. Долгие годы я наслаждался страхом, который вызывало мое имя, дрожью, вызванной видом моих татуировок. Звезды на коленях, отметины на пальцах, кинжал на шее, все сигнализировало об опасности. Если ты видел мои глаза, то это было последнее что ты видел. Я всегда был охотником и никогда добычей. С ней я просто тень, я готов лечь и позволить ей меня захватить. Я открываю ей свое израненное сердце, и это оживляет моих врагов. Я нанесу последний удар. Но если они причинят ей боль, я разрушу их мир.

Дэйзи

Всю свою жизнь я была защищена от внешнего мира. Выращенная дома, взрослеющая на ферме, я так наивна, что мой лучший друг называет меня Поллианна. Мне нравится верить в лучшее в людях. Николай стал частью моей новой жизни, но он пугает меня. Не потому, что его глаза холодны, и не потому что мой друг предостерегает меня от него, а потому что он единственный человек который видел настоящую меня. С ним мое сердце находится в опасности... и моя жизнь тоже.

Джессика Клер
ПОСЛЕДНИЙ УДАР

В тайне я планировала этот день последние шесть лет. Проснувшись, я потягиваюсь и чувствую обжигающую боль в животе. Наверное, это нервное.

Сегодня я исчезну.

День начинается так же, как и любой другой. Как будто мир не видит моего внутреннего волнения, настолько сильного, что меня практически трясёт в предвкушении.

Свобода уже так близка, что я могу попробовать её вкус. Я встаю с постели и в полной темноте надеваю юбку в пол и подходящую блузку. Сверху накидываю свитер, чтобы прикрыть каждый сантиметр тела. После этого я схожу к матрасу и вытаскиваю из-под него одноразовый телефон и небольшую пачку денег.

Семьсот долларов, которые я копила с шести лет. Их должно хватить. Я прячу деньги и телефон в лифчик.

Зайдя в ванную, собираю свои тёмные волосы в хвост и умываюсь. А затем всматриваюсь в своё отражение. Предательский румянец на бледном лице выдаёт меня. Я намачиваю салфетку и прижимаю её к щекам, надеясь, что это поможет избавиться от румянца. Когда я уже не могу медлить больше, выхожу из безопасности ванной.

В гостиной сидит мой отец. Комната походит на тёмную пещеру, куда не проходит никакой свет. Есть только телевизор, кресло и диван. Телевизор выключен, но я знаю, что он настроен так, чтобы показывать только счастливые, целомудренные программы, такие как религиозные или детские шоу. Если удача оказывается на моей стороне, мне удастся посмотреть PBS. Я хочу чего-то погорячее, но отец удалил все другие каналы и не позволяет мне трогать пульт.

Как обычно, единственный источник света в комнате — маленькая лампа рядом с его стулом. Отец сидит в ореоле света, как на острове, среди этой гнетущей темноты. Он читает Диккенса в твёрдом переплёте и закрывает массивную книгу, когда я вхожу в комнату. Отец одет в застёгнутую на все пуговицы рубашку и брюки, а волосы аккуратно причёсаны. Как это ни парадоксально, мой отец всегда аккуратно одевается, хотя никогда не выходит из дома и никто кроме меня его не видит. Если я спрошу об этом, он просто ответит, что внешний вид очень важен.

Весь наш дом походит на гостиную: тёмный, тяжелый, с толстыми стенами. Всё это день за днём высасывает из меня жизненные силы. Вот почему я должна сбежать.

— Сэр, — я приветствую отца и жду, сложив руки за спиной, изображая тем самым послушную дочь.

Он проходится взглядом по моей одежде и свитеру.

— Ты собираешься на улицу?

— Если погода позволит.

Я не смотрю на окна гостиной, которые не могут пропустить даже тоненького лучика света. Несмотря на идеальный внешний вид моего отца, наш дом выглядит как стройка.

Арочные окна, когда-то наполнявшие гостиную светом, сейчас заколочены фанерой, а по краям заделаны клейкой лентой. Отец превратил свою гостиную в крепость, дабы

защитить себя, но я выросла в ненависти к этой гнетущей темноте. Я чувствую себя летучей мышью в пещере, никогда не видевшей солнечного света.

Мне не терпится наконец убежать.

Он ворчит в ответ на мои слова и передаёт мне маленький ключ. Я беру его, прошептав «спасибо», и подхожу к компьютерному столику. У него есть рычажок, с помощью которого отец каждую ночь блокирует его. Конечно же, он не доверяет Интернету.

В нём полно плохих вещей, которые могут навредить молодым умам. Отец настроил фильтры в браузере так, чтобы я не могла посещать откровенные сайты, не то чтобы мне хотелось. Не в том случае, когда единственный компьютер в доме стоит в десяти метрах от его стула.

Я спокойно подхожу к компьютеру и ввожу адрес сайта погоды. Сегодняшний прогноз? Конечно же. Идеальный!

— Погода хорошая.

— Тогда ты выполнишь несколько поручений сегодня, — он тянется за очками и достаёт блокнот, просматривая его. Через секунду он вырывает листок и даёт его мне.

— Это список покупок. Также зайди на почту и купи марок.

Я дрожащими руками беру список. На сегодня два места.

— Могу ли я после зайти в библиотеку?

Он хмурится на мою просьбу.

Я задерживаю дыхание. Мне необходимо попасть в библиотеку. Но я не должна выглядеть слишком взволнованно.

— Я уже послал тебя в два места, Дэйзи.

— Я знаю, — отвечаю я, — но я хочу почитать новую книгу.

— О чём?

— Об астрономии, — ляпаю я. Мне позволено читать только научно-популярную литературу рядом с отцом. Тема космоса выглядит вполне безобидно. И если он станет расспрашивать, я могу сказать, что продолжаю своё образование, несмотря на то, что моё домашнее обучение закончилось год назад. Отец не может расслабить свою хватку вокруг меня и позволить мне пойти в колледж, так что я должна продолжать своё обучение так, как могу.

Он устремляет на меня долгий взгляд, и я волнуюсь, что он сможет заглянуть сквозь меня в мои планы.

— Хорошо, — говорит он вечность спустя. Затем проверяет часы. — Сейчас восемь тридцать. Ты вернёшься к половине одиннадцатого?

Не так уж много времени, чтобы зайти в продуктовый, на почту и в библиотеку. Я хмурюсь.

— Могу ли я вернуться в одиннадцать?

Его глаза сужаются.

— Ты можешь вернуться в десять тридцать, Дэйзи. Ты пойдёшь только в эти три места и никуда больше. Это не безопасно. Ты поняла меня?

— Да, сэр, — я выключаю компьютер, закрываю стол и возвращаю ему ключи.

Он хватается меня за руку и хмурится.

— Дэйзи, посмотри на меня.

О, нет. Я заставляю себя поднять на него виноватые глаза. Он наверняка уже знает, что я собираюсь сделать. Даже при том, что я была достаточно осторожна, он всё понял.

— Ты нарядилась?

И это всё?

— Нет, отец.

Он с упреком даёт мне пощёчину.

Мы оба в шоке смотрим друг на друга. Он никогда не бил меня до этого. Никогда.

Мой отец оправляется быстрее меня.

— Нет, *сэр*, — говорит он, поправляя меня. Я так долго смотрю на него, что мои глаза высыхают, и мне нужно моргнуть. Обида обжигает меня изнутри, и в течение долгого времени мне интересно, что бы сделал отец, если бы я ударила его в ответ. Или если бы я прошагала в подвал и сделала несколько выстрелов в противоударную стену из телефонных книг в его импровизированном (и вероятно, незаконном) тире.

Но я не могу так думать. Не сейчас. Я ещё не достаточно сильна. Поэтому просто проглатываю свой гнев.

— Нет, *сэр*, — повторяю я. Называть его «сэр» — это новое правило. Сейчас, когда мне 21, мне не позволено больше называть его «отец». Только «сэр». Моё сердце разрывается оттого, как же сильно он изменился — с каждым годом его тирания становится всё сильнее, и если я останусь здесь, он растопчет меня.

Он обхватывает моё лицо руками и разглядывает его, но я знаю, что сейчас слишком темно, чтобы он смог хорошо меня рассмотреть. Обида гнойными пузырями обжигает мой живот, но я терплю это. Это продлится недолго. После сегодняшнего дня мне не придётся больше общаться с ним снова.

Через секунду он облизывает палец и протирает им мою покрасневшую щеку, изучая его на свету. Косметики нет. Он издаёт хмыкающий звук.

— Хорошо. Ты можешь идти.

— Благодарю вас, *сэр*, — отвечаю я. Затем беру протянутый мне список вместе с деньгами и спешу к выходу.

На двери шесть замков и четыре засова. Моим дрожащим пальцам требуется некоторое время, чтобы отпереть их. И вот я получаю возможность выйти наружу.

Я выхожу.

И никогда больше не войду в этот дом снова.

Я тщательно закрываю дверь и жду. Моих ушей достигают звуки закрывающейся двери и запираения всех засовов. Хорошо. На мгновение я останавливаюсь на веранде и оглядываю двор. Наш маленький дом с покосившимся забором и сломанной калиткой, которую мы так и не починили. Трава по колено, потому что отец разрешает мне косить её только один раз в месяц. Наш дом окружают акры сельскохозяйственных угодий, которые мы отдали соседним фермам. Сами мы ничего не выращиваем, ведь это подразумевает нахождение снаружи.

И Миллерсы никогда не выходят на улицу, только это не помогло. Я знаю, что когда мне было восемь, отец видел убийство моей матери в магазине во время покупок. Я была слишком маленькой, чтобы хорошо её помнить, только улыбку, счастливое лицо, тёплые каштановые волосы и тёплые глаза, которые в один день исчезли. И я знаю, что отец сообщил об убийце в полицию, но тот оказался несовершеннолетним. Стечение обстоятельств, случайная стрельба в магазине, а моя мать стала её жертвой. Два года спустя убийцу выпустили, и в суде он сказал, что сделал это ради моего отца, чтобы испортить ему жизнь.

Я думаю, это была просто бравада, ничего кроме бахвальства маленького мальчика,

полного ярости. Но мой отец воспринял это слишком близко к сердцу. Он отказался покидать дом, убедив себя, что только там он в безопасности.

Я не могу ненавидеть его за это. Хочу, но не могу. Я знаю, на что походит жизнь, каждый день которой проводишь в страхе.

Я иду вниз по дороге, практически бегом пускаясь к автобусной остановке, так у меня будет больше времени, чтобы всё успеть. Автобус прибывает пару минут спустя, и я отправляюсь в местный продуктовый магазин. Беру тележку так просто, как будто это обычный день. И осторожно выбираю продукты из списка. Когда я подхожу к кассе, кассир хмурится. Он узнаёт моё лицо. В этом магазине все меня ненавидят, но мне плевать.

Упаковав свои покупки в пакеты, я сразу же отправляюсь к стойке обслуживания клиентов.

Я выкладываю два только что купленных товара — витамины и ибупрофен — на стойку. — Мне нужно обменять это.

Клерк за стойкой уже знает мой распорядок. Уверена, она считает меня сумасшедшей, но она просто машет рукой.

— Возьмите, что вам нужно, и вернитесь обратно.

Я выполняю это и пять минут спустя обмениваю дорогостоящие препараты на более дешёвые аналоги. После стольких лет изучения рецептов, я знаю, на каких из них не печатают наименования брендов, и всегда обмениваю на них. Это — единственная возможность сэкономить деньги, чтобы отец ничего не заметил.

Теперь у меня есть семьсот пятнадцать долларов.

Я беру продукты и иду на почту, чтобы купить марки, после чего направляюсь в библиотеку. Туда, конечно, нужно было зайти в первую очередь, потому что продуктовый магазин дальше, но сегодня мне всё равно.

Я шагаю к полке с романами и ищу книгу, которую читала. Здесь, в укромной безопасности других книг, её никто не возьмёт, пока я не закончу чтение. Я вытаскиваю книгу и стоя читаю главу номер семь. Мне бы хотелось взять книгу домой, но отец никогда не позволит мне держать дома такую литературу. Мне разрешено читать только классику.

Поэтому я прихожу в библиотеку так часто, как только могу, и прочитываю по одной главе за раз.

Несколько минут спустя я с мечтательным вдохом закрываю книгу. Герой только что поцеловал героиню, и его рука скользнула в её трусики. Я хочу продолжить чтение, но не могу себе этого позволить. Ещё столько всего нужно сделать. Я буду представлять, как он прикасается к ней. Я тоже хочу, чтобы ко мне кто-то прикоснулся.

Я тоже хочу героя. Большого, сильного, красивого принца, который придёт спасти меня от моей несчастной жизни. Но так как никто ко мне не пришёл, мне нужно спасти себя самостоятельно.

Я перемещаюсь в отдел научно-популярной литературы и беру книгу по астрономии.

Затем замираю и возвращаю книгу назад. Даже не знаю, почему до сих пор продолжаю притворяться. Я больше не вернусь домой к отцу. Не сегодня. Я возвращаюсь в отдел романтической литературы и забираю свой роман.

После этого иду к компьютеру и захожу в электронную почту, которую создала специально для себя. Если бы только отец узнал, что в библиотеке есть компьютеры с доступом в интернет, он никогда бы меня сюда не отпустил.

Там уже есть ответ на моё письмо. Я начинаю танцевать на стуле, пребывая в такой

взволнованности, что едва ли могу это вынести.

Дэйзи, я так рада, что ты нашла моё объявление! Ты уверена, что не хочешь посмотреть место, прежде чем переехать? Оно не идеальное, но там есть крыша над головой, да и оплата достаточно низкая. Приходи поздороваться, прежде чем решишь что-то.

Мы должны пообедать вместе. Целую-обнимаю.

Рейган.

В конце письма написан телефонный номер. Я распечатываю его вместе со списком объявлений о поиске квартир в Миннеаполисе. Расстроится ли она, если я пообедаю с ней, а потом просто-напросто никуда не уйду? Надеюсь, что нет.

Есть ещё и второе письмо. Подтверждение о собеседовании на работу. Сегодня, в десять тридцать. Идеальное время.

Также я распечатываю расписание автобусов. А потом проверяю свою книгу и отправляюсь домой. Автобус высадит меня за пятнадцать минут до того, как придёт человек, с которым я планирую встретиться. Я иду крайне медленно, наблюдая, как перед заколоченным домом моего отца останавливается машина.

Он показывается как раз вовремя, и я спешу встретиться с человеком, который выходит из машины. Это большой лысеющий мужчина средних лет. С серьёзным взглядом.

У него тёмная щетина и он хмурится, когда я выбегаю из-за кустов с полными сумками продуктов в руках.

— Я Дэйзи Миллер, — представляюсь я, задерживая дыхание, и протягиваю ему руку.

— Джон Итон, — отвечает он и бросает взгляд на наш заколоченный дом, заросший травой. — Здесь кто-то живёт?

— Мой отец, — на его скептический взгляд я добавляю: — Он агарофоб. Не выходит из дома. Вот почему окна заколочены.

Я хочу рассказать ему больше о сумасшествии и контроле моего отца, что с годами только ухудшалось, но не могу. Мне нужно идти.

На его лице появляется взгляд полный сочувствия.

— Я понимаю.

— Он будет нуждаться в помощнике два раза в неделю, — говорю я. — Вот почему я наняла вас, — мои слова выходят такими спокойными, несмотря на то, что внутри меня всё танцует. — Мне нужно, чтобы вы зашли и взглянули на его поручения, чтобы закончить это.

Проверьте всё, в чём он нуждается. Он не пользуется электронной почтой и не ответит на звонок, если вы позвоните один раз, поэтому сбросьте и позвоните ещё раз. Так он понимает, кто ему звонит.

Джон Итон таращится на меня как на сумасшедшую.

— Понимаю.

— Когда вы стучите в дверь, вам необходимо постучать четыре раза, — говорю я. — Причины те же.

— Хорошо, — говорит он.

— Войдём и поздороваемся?

Я протягиваю ему сумки с продуктами.

— Я не пойду.

— Извините?

— Я уйду, — отвечаю я и вручаю ему продуктовые пакеты. К моему облегчению, он их берёт. — Отец... хотел бы, чтобы я осталась. Но я не могу. Я не могу больше оставаться здесь, — на мои глаза наворачиваются слёзы, но я смаргиваю их. Я люблю своего отца, действительно люблю. Но не могу больше жить с ним. Выход в большой мир здесь, ожидает меня. — Я наняла вас, чтобы заботиться о нём. Его пособие по инвалидности переводится на счёт первого числа и автоматически списывается пятого числа каждого месяца. Мне просто нужен кто-то, кто сможет приходить и заботиться о нём, так как он не хочет покидать дом.

— Понимаю, — Джон не выглядит счастливым, он бросает взгляд на дом и затем на меня. — Ты убегаешь?

Мне двадцать один год. Могут ли взрослые по-настоящему убежать? Но я киваю.

— Просто я не могу больше этого выносить.

Вновь сочувствующий взгляд на его лице.

— Я понимаю. Есть ли номер, куда я могу позвонить, если возникнут вопросы? Или если что-то пойдёт не так?

Меня поражают его слова, вина сочится сквозь меня. Что-то... пойдёт не так? Я уйду от отца, оставляя его на этого человека. Незнакомца. Службу по уходу, которую не волнуют панические атаки отца при любом звуке выброса выхлопных газов автомобилей; которую не волнует, что отец каждый вечер плачет, укладываясь в постель; которую не волнует, что даже намёк на солнечный лучик в гостиной может вызвать истерику.

Но я не могу думать об этом, потому что, начав, в итоге останусь здесь. Я даю Джону номер своего одноразового телефона, хоть и знаю, что никогда ему не отвечу. Меня переполняет слишком сильное чувство вины. Я разобью отцу сердце и очень разозлю его своим уходом, не удосужившись даже попрощаться. Но я знаю отца. Если я попробую противостоять ему, он подавит меня. Не физически, но чувством вины.

Я должна идти. Просто должна.

Когда Джон делает пару шагов к дому, я впираюсь пальцами в бумажник и пускаюсь бегом. Слёзы текут по лицу, пока я иду, но это слёзы не печали.

Это слёзы радости.

Солнце светит мне, птицы на деревьях поют, впервые в жизни мир широко открыт для меня.

Я свободна.

* * *

Прижимая распечатанные листики к себе, я легко поднимаюсь на пятый этаж жилого дома.

Я только что выдержала шестичасовую поездку на автобусе в Миннеаполис, и сейчас мне приятно размять ноги. Мне бы чувствовать себя уставшей, но во мне полно сил. Я свободна. Я свободна. Я свободна.

Ранее я написала Рейган, что уже еду. Мы договорились встретиться в квартире, а потом пойти поужинать, чтобы узнать друг друга лучше и проверить, подходим ли мы для

совместного проживания. Меня не волнует, что она может оказаться неприятной девушкой, я двадцать один год жила со сложным и требовательным человеком. Ничего из того, что она скажет или сделает, не сможет быть настолько уж ужасным. Я всё ещё хочу переехать.

Здание выглядит грязным, но оно кипит жизнью. Люди шатаются в коридорах, разговаривают или просто сидят на улице. Я улыбаюсь им всем. Просто не могу остановиться. Я так рада находиться в реальной жизни. Нормальной жизни, как у всех в мои годы.

Я нахожу квартиру Рейган — 224 — в конце коридора. Я стучу, и через секунду она отвечает.

Дверь открывает весёлая блондинка. Высокая, статная и великолепная. На ней облегающая одежда, а волосы свободными волнами спадают по спине. При виде меня она озаряется.

— Ты Дэйзи Миллер?

Я провожу рукой по своему конскому хвосту, чувствуя себя простушкой рядом с ней.

— Это я. А ты, должно быть, Рейган Портер.

— Ты такая милая! Совсем не такая, как я представляла, — она рассматривает меня с возбуждённым выражением лица. — Но... Я ненавижу такое спрашивать. Ты точно не обманываешь меня насчёт своего возраста?

— Мне двадцать один год, — отвечаю я и протягиваю свою идентификационную карту. Это, конечно, не права, ведь отец ни за что не отпустил бы меня из дома на такой долгий срок. Я делаю себе мысленную пометку научиться водить машину в этой новой жизни.

Она берёт мою карту и кивает.

— Извини, я должна была тебя спросить. У тебя есть карта... но... я не знаю. Ты выглядишь гораздо моложе, чем я ожидала, — она косится на меня, — или просто милее, я думаю. В любом случае, как дела?

Её энтузиазм возвращается, и она махает мне рукой.

— Не стой столбом. Заходи!

Я вхожу в квартиру, прижимая бумажник к груди, и оглядываюсь. Квартирка крошечная, площадью равна едва ли четвёртой части дома моего отца. Стены грязные, с трещинами в углах, но на противоположной стене есть три огромных окна, и меня очень радует, что они широко распахнуты. Солнечный свет льётся в комнату и отливается в потёртых деревянных полах. На стенах расклеено несколько постеров из фильмов ужасов, а также здесь есть футон (прим. ред.: традиционный японский хлопчатобумажный матрас) для дивана и раскладное кресло с уродливым кофейным столиком.

Мне нравится всё.

— Знаю, здесь не то чтобы есть на что посмотреть, но я медленно докупаю мебель на распродажах недвижимости, — говорит Рейган с улыбкой. — И я всё куплю.

— Всё прекрасно, — отвечаю я с энтузиазмом. — Мне всё нравится.

Она смеётся.

— Ну, тебя не так уж сложно убедить. Буду называть тебя Поллианной. Мне нравится. Пошли. Покажу тебе оставшуюся часть квартиры.

Ванная комната немногим больше, чем шкаф с древнего вида ванной и унитазом. Моя комната небольшая, но есть кровать и старенький комод, любезно доставшийся мне от предыдущего жильца Рейган, а также тумбочка с лампой. А ещё есть окно. Я подхожу к нему и смотрю вниз. Из окна открывается вид на улицу и здание напротив. Но мне безразлично

качество вида, лишь бы он был.

— Ну, так что ты думаешь? Как я уже сказала, твоя часть оплаты четыреста, для начала, и это включая коммунальные услуги. Квартира, конечно, небольшая, зато почти в центре, что особенно хорошо, если у тебя нет машины. Или у тебя есть?

Я качаю головой.

— Нет.

— И, как я говорила в объявлении, мой парень проводит здесь много времени. Если тебя это беспокоит, то, наверное, эта квартира не для тебя. Моя последняя соседка не выдержала и съехала, — она пожимает плечами, как бы оправдываясь. — Просто хочу сразу обо всём предупредить, чтобы не было никаких недоразумений.

— Я не против.

Мне плевать будь у неё хоть три парня.

— В подвале есть прачечная, если захочешь постирать, — она с любопытством оглядывает меня. — Если ты не против, я всё-таки поинтересуюсь, где твоя одежда?

У меня нет с собой никаких сумок.

— Я... оставила их на ферме.

Знаю, должно быть, я кажусь ей странной.

— Новое начало?

Она похлопывает меня по плечу, а потом гладит руку.

— Я знаю, как это бывает.

Я киваю, чувствуя комок в горле. Это действительно новое начало.

Я переезжаю к Рейган и отдаю ей четыреста долларов из своей драгоценной записки.

Она, кажется, приняла мою историю и меня, она любит повеселиться. И хочет познакомить меня со своими друзьями.

— Ты должна прийти и потусоваться с нами, Поллианна.

Она называет меня Поллианной, потому что уже заметила, что я немного наивна. А у меня нет причин быть против. Я видела этот фильм, и мне понравилась Поллианна. Рейган собралась пойти за напитками для вечеринки с друзьями, но я не в состоянии вынести столько всего за один раз. Этот день был просто выматывающим, и я в таком изнеможении падаю на кровать, что даже не застилаю постель.

Всю следующую неделю я самостоятельно исследую город. Это ужасно и волнующе одновременно. Я рыскаю по секонд-хендам и дворовым распродажам в поисках одежды.

Каждый раз проходя мимо магазинов, на витринах которых красуется красивое кружевное бельё, меня одолевает желание зайти и прикупить пару комплектов. Но я иду к беспощинным будочкам в торговых центрах и приобретаю самые дешёвые товары. Они разных размеров и, возможно, не очень подходят мне, но меня это не волнует. Эта одежда чистая и моя, даже если и не очень красивая.

Очень скоро я понимаю, что деньги заканчиваются быстрее, чем я рассчитывала.

Через несколько дней я считаю, что у меня осталось. Семьдесят долларов потрачено на одежду. Шестьдесят на автобусные билеты по городу. Десять на ужин с Рейган. Четыреста на оплату аренды. У меня остаётся достаточное количество денег на покупку продуктов, но я должна найти работу.

Любую работу.

Я бы хотела пойти в колледж. Простой местный колледж, но для начала мне необходимо накопить денег. В городе есть несколько колледжей, я ездила на автобусе в кампус одного из них, просто чтобы посмотреть, что это такое. Моё сердце наполняется тоской, когда я думаю об этом. Во всём мире люди моего возраста, смеясь и болтая, спешат на занятия. И я хочу быть одной из них.

Но сначала мне нужно накопить денег.

После недели свободы я всё ещё чувствую себя немного не в своей тарелке. Во мне просыпаются беспокойство и тревога. Это новое пространство, вещи и места, к которым я не привыкла. Двадцать один год я провела в маленькой комнатке в доме отца, в однообразных четырёх стенах. А новая квартира совсем не такая. Хоть моя комната и маленькая, она очень приятная, а из окна можно разглядеть небо над крышами соседних зданий.

Здесь всегда душно, поэтому я использую это в качестве оправдания того, что мои окна часто открыты и моей кожи слегка касается прохладный ночной воздух. Сейчас я могу спать с открытыми окнами каждую ночь. И меня переполняет готовность держать их открытыми всегда. Я обожаю эти чувства неповиновения и свободы.

Я возвращаюсь в кровать, довольная ночным ветерком и видом из окна. Возможно, это немного успокоит мои нервы. С лёгким щелчком я выключаю свет, скидываю свои новые

джинсы и плохо сидящий бюстгальтер. Потом забираюсь в постель в одной старой футболке, позаимствованной у Рейган, и трусиках. Через секунду нерешительности я скидываю с себя одеяло. Сейчас ещё слишком жарко.

Я прижимаю руку ко лбу и вздыхаю.

Как будто в ответ на мой вздох, из соседней комнаты доносится стон и громкое «О, боже, я почти!»

Несмотря на темноту комнаты, я стыдливо закрываю лицо руками. Рейган занимается сексом с Майком, который действительно часто остаётся в квартире, как и говорила Рейган.

Большинство ночей он проводит здесь, и каждый раз, когда у них появляется возможность, они занимаются очень громким и шумным сексом. Меня это немного пугает и смущает.

Я всегда жила в невероятно защищённом мире, моим единственным контактом с сексом были любовные романы. И, тем не менее, я никогда не думала, что секс звучит именно так.

Через секунду включается музыка, заглушившая крики Рейган, что приносит долгожданное облегчение. Теперь я могу наслаждаться напряжением тяжёлого рока. Не то чтобы так будет легче заснуть, но по крайней мере менее тревожно. Всё же, эта интерлюдия немного раздражает меня.

Я знаю, что в моём беспокойстве и неловкости виновен не просто вид из окна.

Наверное, другие люди достаточно быстро адаптируются к изменениям в жизни, но я ведь просто робкая Дэйзи, боящаяся собственной тени. В этом абсолютно чуждом месте мне кажется, что я нахожусь в другой стране, а не просто городе или штате.

Как ни странно, вместо счастья я ощущаю одиночество.

Так много людей окружают меня сейчас... Больше, чем когда бы то ни было. Я улыбаюсь каждому — почтальону, водителю автобуса, покупателям в магазине. Я не могу перестать улыбаться. Чувство легкомысленного счастья наполняет меня, и мне кажется, что я больше никогда не буду хмуриться. Я слишком люблю жизнь. А мир открыт и полон возможностей.

Но в то же время я часто думаю об отце. Посчитал ли он меня предательницей? Вина гложет меня изнутри, но я стараюсь выбросить эти мысли из головы. Я оставила его потому, что хочу стать кем-то новым. Кем-то другим и живым.

Я всё ещё чувствую себя маленькой и напуганной Дэйзи. Несмотря на то, что я живу здесь уже неделю, меня просто несёт по течению. Я не знаю никого, кроме Рейган и её парня.

И я так и не познакомилась с её друзьями, памятуя об экономии денег.

Я изменилась, но недостаточно. Нужно больше.

Мои мысли возвращаются к парочке, занимающейся сексом в соседней комнате. И я думаю о своём любовном романе. По каким-то причинам, от этих мыслей мне становится жарко, и моё тело слегка напрягается, эта грань удивительно нова для меня.

Моя рука скользит вниз по животику к новым кружевным розовым трусикам. Мои пальцы погружаются в сладкое тепло между ног, и я забываюсь в новых ощущениях. Я касаюсь клитора и представляю мужчину, который бы делал это для меня. Круговыми движениями я ласкаю свой клитор, представляя его. Его руки на моём теле. Его пальцы внутри меня. Его нежные поцелуи, как он прижимает меня к себе. Я тереблю клитор всё сильнее, выгибаясь в экстазе.

Герой из моей мечты наклоняется, и я почти могу увидеть его лицо...

Почти.

Мои пальцы замирают. Растущее желание лопается, как мыльный пузырь.

Я ложусь на спину и замираю.

Совершенно разочарованная.

Всей этой свободы оказалось мало, я по-прежнему остаюсь той же, какой и была. И не могу представить, как мужчина касался бы меня, ведь я даже никогда не целовалась.

Внезапно чувство вины перед отцом превращается во вспышку ненависти к нему. Он сделал из меня социального уродя. Кто пригласит на свидание двадцатиоднолетнюю девушку, которая никогда не целовалась? Которая никогда не видела секс даже по телевизору, а только читала о нём в книгах.

На мгновение меня посещает мысль о том, чтобы прокрасться в комнату к Рейган и понаблюдать за ней и Майком, просто чтобы узнать и понять, что такое секс.

Если уж я не могу испытать это сама, то хотя бы посмотрю, как это делают другие.

Я хочу жёстко взять свою жизнь в руки, но даже не знаю, с чего начать.

Я тяжело вздыхаю и снова направляю свои пальцы в трусики, повторяя попытку.

НИКОЛАЙ

Я наблюдаю за ней через окно моей ванной. Я перенёс сюда один из четырёх арендованных стульев именно с этой целью. Я убеждаю себя, что это не гадко, как сказали бы американские девушки, что я наблюдаю за всеми. Но на самом деле я слежу только за ней.

Мне не всё видно. Я никогда не видел её обнаженной. Я никогда не видел её в душе.

Умно, что там нет окна. Но я могу видеть её в спальне, гостиной и через телескоп даже на кухне. Я знаю её расписание. Когда она просыпается, когда возвращается в квартиру. Если бы она была целью, я мог бы убить её уже дюжину раз и выпивать в баре.

Она бросает сумку на кровать и ложится рядом с ней. С огромным усилием улыбается, но чаще хмурится. Одно движение — и курок спущен. Я нагибаюсь к прицелу и навожу перекрестье прямо на её лоб. Паффф, мертва.

У неё есть соседка. Высокая блондинка, которая часто приводит домой одного мужчину. Он плох в постели. Я вижу, как соседка мастурбирует после того, как мужчина засыпает. Я перемещаю прицел на его сердце. Это было бы милосердное убийство.

Мужчина, который засыпает, не удовлетворив свою женщину, достоин наказания. Как он может спать, пока она удовлетворяет себя сама? Смерть — это слишком легко для него.

Но соседка меня не интересует, и я перемещаю прицел обратно, к комнате моей девушки.

Она всё ещё лежит на спине. С помощью сильного увеличения можно разглядеть даже складки у неё на лбу. Я обдумываю мысль о том, чтобы разместить в её квартире подслушивающие устройства, но останавливаю себя, ведь это было бы слишком глупо и агрессивно. «Она не моя цель», — напоминаю я себе, но всё-таки отсутствие звука слегка напрягает.

Я должен узнать, что стало причиной её хмурости, и по силам ли мне эту причину устранить. Я наблюдаю за тем, как она встаёт и выходит из комнаты. Но она не появляется

ни в гостиной, ни в спальне соседки. Наверное, пошла в ванную. Я открываю кейс, стоящий у моих ног, и изучаю содержимое. Здесь есть несколько приспособлений, которые я мог бы использовать. *«Нет, Николай, — говорю я себе. — Это неправильно».*

Из меня вырывается невесёлый смешок. Почему я проповедую мораль себе самому же? Я потерял на это право много лет назад. Ещё до того, как стал взрослым мужчиной.

Возможно даже, ещё в утробе матери. Я был рожден убийцей с обнажёнными зубами.

Определяющее убийство я совершил ещё до того, как сделал первый вдох. Но это была Украина. Мальчик на улице без мушки становился жертвой. Я никогда не был жертвой.

Всегда охотник.

Эта девушка из квартиры 224 такая незащищенная, невинная и сладкая. Я даже завидую ей. Впервые увидев квартиру, она не заметила трещин на потолке, облупившуюся краску, дешёвенький матрас на полу или расколотую столешницу. Для неё всё выглядело прекрасным. Я мог видеть её широко открытые от удивления глаза даже через свой телескоп.

Она такая искренняя и такая... радостная. Не могу подобрать слов для её описания. Каждая её эмоция — это предвкушение, как будто её жизнь только начинается.

Любопытно, что бы она подумала обо мне — я совсем не отличаюсь от её квартиры.

Потрескавшийся и облупившийся внутри. Она воспринимает эти трущобы как дворец, и каждое действие вызывает у неё восторг, от приготовления еды до сна в крысиной спальне.

Я бы хотел лечь рядом с ней в спальне так, чтобы её длинные тёмные волосы обняли меня, положить свои руки поверх её изгибов. Мои глаза расширяются, когда я представляю, как бы она выглядела. С широко открытыми невинными глазами? Возбуждёнными? Довольными? Я хочу их все. Моя рука устремляется вниз, к боли, возникшей между ног.

Резкий звук заполняет комнату. Телефон. Мелодия звонка подсказывает мне, что это по бизнесу. Выйдя из ванной, я иду во вторую спальню. Она тоже абсолютно пустая, за исключением арендованного стола. Я щелкаю выключатель, и свет наполняет комнату с противным жужжанием. Здесь нет никаких подслушивающих устройств; частота моей анти — подслушивающей техники убила бы любого. Я мрачно улыбаюсь, думая о болезненных реверберациях, от которых пострадал бы любой, кто осмелился подслушивать.

— Алло, — отвечаю я. Серия щелчков сообщает мне о том, что абонент пытается сделать свой звонок неотслеживаемым. Неважно, я записываю обратный след в любом случае. Всех можно отследить.

— *Добрый день, сэр.* Я звоню от имени Невшателя, — раздалось из трубки на французском.

— *Да,* — я тоже переключаюсь с русского на французский. Невшатель — это небольшой городок в Швейцарии. Значит, звонят от имени Часовщиков. Поэтому и они и сослались на Невшатель, этот городок вот уже шестьдесят лет славится производством часов ручной сборки, которая занимает около шести месяцев. Я получил одни такие часы в дополнение к оплате за хорошо выполненную работу. Либо Часовщики совсем не уважали меня, либо пытались затянуть в какую-то ловушку. Я выбросил эти часы в реку Ду — водную границу между Швейцарией и Францией.

— Невшателю требуются ваши услуги. Информация будет размещена в Императорском дворце в две тысячи сто часов.

— *Согласен,* — отвечаю я на французском. Императорский дворец — это торговая площадка в глубокой паутине, закопанная так далеко, что ни один обычный поисковый сервис её не найдет. Эти операции, как говорится, нелегальные, но если всё правильно

сделать, то можно анонимно торговать всем, чем пожелаешь, от убийств до наркотиков.

— Вы выполните эту работу? — спрашивает голос. Он либо испытывает меня, либо новенький. В любом случае, мой ответ такой же.

— *Не знаю*, — сперва я всегда предварительно изучаю свою цель. Хотя убийства являются моей жизнью с тех пор, как я себя помню, выйдя из *Братвы* Петровича, я стал искать оправдание каждому убийству. Любое оправдание, даже не самое убедительное.

Каждая работа оставляла на мне свой след. Я всегда знал, что времени, отпущенного мне на Земле, всё меньше, и торговался с самим собой. «*Этот человек, — говорил я себе, — должен быть убит*». И эти слова отдавались болью в груди. Я приношу добро людям вокруг моей цели. Именно эту ложь я использую, чтобы спать по ночам и без отвращения смотреть на себя в зеркало. Я должен убедить себя, что со смертью очередной жертвы мир становится лучше.

На том конце провода слышно только тяжёлое дыхание абонента, он обдумывает мои условия. Я жду. Самое мощное оружие убийцы — это терпение. И импровизация.

— *Хорошо, всё в порядке*, — наконец отвечают мне по-французски.

Я кладу трубку и устанавливаю будильник на две тысячи девяносто пять часов. Затем выхожу из второй спальни, и вдруг меня привлекает какое-то движение в окне напротив. *Она* вернулась. Я припадаю к своему телескопу. Она убирает свою сумку и садится на кровать, облакачиваясь о её спинку.

Её гибкое тело облачено в тонкую футболку. Я могу разглядеть слабые тёмные очертания её сосков под тканью. Мой взгляд опускается ниже. Тень от её лобковых волос тоже видна. Я чувствую, как учащается мой пульс, пока глаза изучают её тело.

Я волнуюсь, что мне, возможно, стоит проверить информацию, собранную о цели, и проверить маршрутизацию новой цели от Невшателя. Сделаю это позже. Стоит мне отойти от телескопа, как её движения будто арестовывают меня. Маленькая ручка с розовыми ноготками движется вниз к животу. Палец упирается в верхнюю полоску её кружевных трусиков. У меня перехватывает дыхание. Время останавливается.

До этого такого не случалось. Она никогда не прикасалась к себе. Никогда не приводила домой мужчину. Наверное, я бы выстрелил в него. Нет, это было бы нарушением.

Я думал, что она невинна, и мечтал разбудить в ней женщину. Но сейчас маленькие пальчики забираются всё глубже под хлопок. Я вижу, как неровные костяшки пальцев белеют на фоне розовых трусиков.

Её пальцы двигаются по кругу.

Я представляю, как мои собственные пальцы, более тёмные и грубые, делают с ней то же самое. Пальцы рефлекторно сжимаются, при мысли о прикосновениях к её киске. Я бы легко погладил её круговыми движениями, так, как ей, видимо, самой нравится. Я бы двигался от её клитора ниже к горячей киске. Она была бы такой мокрой. Мои пальцы были бы пропитаны её соком, и я бы ни за что не остановился и вылизал сладкий мёд каждой её складочки.

Мой член так сильно напряжён, что я боюсь, он может сломаться о грубую ткань джинсов. Я легонько щипаю себя за сосок, с трудом представляя, будто это её бывшие зубки тербят мою плоть. Я вспыхиваю и покрываюсь потом.

Её ноги напряжены, движения рук становятся более безумными. Я вижу, как тяжело вздымается её грудь. Её тело вытягивается струной и снова округляется в конце. Но выражение её лица скорее разочарованное, чем удивлённое. Она облизирует свои пухлые

губы, закрывает глаза и начинает ещё раз, но снова безуспешно.

Внутри меня разыгрывается война эмоций. Я расстроен, что она не может прийти к финалу, но в то же время меня наполняет чувство собственности, рождённое из идеи, которую я пытаюсь в себе подавить. Мне кажется, что только я могу довести её до оргазма и подарить долгожданное облегчение. Я могу научить её прикасаться к себе с удовольствием.

Я бы начал не с её киски. Нет, кожа — самая большая эрогенная зона. Я бы гладил каждый сантиметр её тела, начиная со лба. Мои губы и пальцы ласкали бы каждую её складочку. Я сжал бы руки кольцом вокруг её шеи, затем скользнул бы ниже к плечам и ещё ниже к запястьям.

Я бы тёрся об неё так, её тело насквозь пропахло бы мной. Чтобы когда она шла по городу, другие мужчины сторонились, понимая, что это моя собственность. Собственность Николая. Может, даже сделал бы татуировку на её шее, как ошейник.

Я касаюсь самодельной татуировки на груди. Слова до сих пор пылают, даже спустя столько лет. Она убежит в страхе, если увидит звёзды на моих коленях, кинжал на шее, паутину на одном плече и погоны на другом. Эта надпись. Я хочу швырнуть прицел в стену. Мне никогда не будет позволено прикоснуться к её девственной коже своими грязными пальцами и губами. Это осквернило бы её.

Но я не бросаю своё оружие. Инструменты убийцы — это его друзья, возможно, единственные. Я возвращаюсь на своё место. Она идёт в кухню, чтобы перекусить. По крайней мере, сейчас нас кое-что объединяет. Мы оба не удовлетворены.

Мысли о еде напоминают мне, что я и сам с утра ничего не ел. Это нехорошо. Я должен тщательно заботиться о своём теле, так же серьёзно, как отношусь к своей винтовке САКО и ножу ХК. Я стряпаю сэндвич с арахисовым маслом. Белок в орехах и зёрна пшеницы в хлебе дадут мне достаточно энергии до утра.

Я подхожу к турнику, висящему в дверях моей спальни. Глядя на суровое пространство вокруг, я понимаю, что не смог бы привести её сюда даже в темноте. Я несколько раз подтягиваюсь, но моё внимание сосредоточено на глухих стенах и почти полной пустоте квартиры.

Ничего здесь не имеет значения, кроме моих инструментов. Я мог бы упаковать их всех за две минуты. Эту жизнь я пытаюсь оставить позади, но старые привычки всё ещё контролируют меня. Завтра я куплю настоящую кровать, вместо пенопластового каремата (прим. ред.: туристический коврик) на полу. Прочную, деревянную кровать, которая не сдвинется с места, даже если на неё упадёт слон.

Я делаю восемь подходов по десять повторений. Бицепсы и мышцы спины отзываются приятной болью. Я ложусь на пол, чтобы продолжить тренировку отжиманием на одной руке. Четыре подхода по двадцать пять, а затем замираю на одной руке до тех пор, пока на лбу не выступают капельки пота. Мои дельтовидные мышцы, бицепсы, трицепсы и мышцы грудной клетки слишком слабы, чтобы удержать меня дольше.

Я лежу на полу и снова думаю о ней. Завтра, может быть, я поговорю с ней. Скажу ей, что она пахнет свежестью и широтой космоса, что её голубые глаза напоминают мне небо над Уральскими горами, и я хочу в них утонуть.

Снова звенит телефон. Судя по звонку, это Дэниел. Дэниел — другой киллер, с которым я сталкиваюсь снова и снова. У меня было всего несколько контактов с ним, потому что он очень опасный человек. Не нужно привлекать к себе внимание людей.

Я напоминаю себе, что называю его Дэниел, с коротким гласным звуком вместо

длинного «и», как я говорю по-русски. Однажды, я назвал его Даниил, и он предупредил меня, что моего неправильного произношения слишком много для того, чтобы стать врагами, и слишком мало, чтобы мы стали друзьями. Я не был уверен, чем это было, предупреждением или приглашением. В этом бизнесе ни у кого нет друзей, тем не менее, я никогда больше не называл его *Даниил*. Только *Дэниел*.

— Привет, — отвечаю я с максимально американским акцентом.

— Ник, — ответил Дэниел. Мы оба используем модуляторы голоса. Вполне возможно, что мы могли бы стоять рядом на улице и не узнать друг друга. Хотел бы я знать, был ли он солдатом с, возможно, очень бдительным взглядом и ухоженным телом.

— Дэниел, — отвечаю я, — что случилось?

Он кашляет в трубку, как будто сдерживая смех. Я удивляюсь, неужели я где-то допустил ошибку?

— *Вот*, что случилось. Ты слишком официален.

Поэтому я и не общаюсь с другими людьми. Менять акценты легко, но мой язык слишком высокопарен, чтобы сойти за родной. Этот мой главный недостаток и станет причиной моего краха, как говорит Александр. Поэтому, дабы уменьшить риск, мне приходится чаще молчать. Этот приём я применяю и сейчас. Жду, пока Дэниел продолжит. В конце концов, он единственный, кто со мной периодически связывается. Тишина между нами становится всё тяжелее, мы оба ждём, пока кто-нибудь сдастся. Я смотрю на часы. У него есть шестьдесят секунд, прежде чем я повешу трубку.

Дэниел сдаётся первым.

— У меня есть информация о смерти Александра.

Мои глаза закрываются с облегчением и тревогой. Я долго ждал этой информации.

Лишь по этой единственной причине человек, которого я называю мистер Браун, до сих пор жив.

— У тебя? — спрашиваю я. Почему Дэниел предлагает мне информацию об Александре? Я стараюсь казаться небрежным, но очень рад, что Дэниел не может меня видеть. Напряжение в мышцах меня выдаёт. Я стараюсь не барабанить пальцами и не стучать ногой, опасаясь, что Дэниел догадается о моих движениях даже через телефон.

— Ты не единственный, кто волнуется об Александре, — резкость его голоса удивляет меня. Он никогда не показывал ничего, кроме лаконичности, даже когда наносил удар. Однажды я подслушал его рассказ о том, что он не может убить цель до того, как выпьет свой утренний кофе. Глоток. Бам.

— Извини, Дэниел. Мой эгоизм не уместен, — говорю я. — Сколько?

Дэниел вздыхает. Шипение его дыхания через голосовой модулятор раздражает. Я убираю трубку телефона от уха, ожидая пока Дэниел заговорит.

— Это на халяву, приятель, потому что мне тоже не понравилось то, что произошло.

— Я не приемлю это, — никогда и никому не быть чем-то обязанным. Урок номер один от Александра.

— Хорошо, тогда я возьму твою винтовку САКО, — говорит Дэниел.

— Ты собирал мои пули? — единственный способ, которым можно было вычислить моё оружие — это экспертиза гильз и изучение маркировки винтовок. Дэниел показывает себя грозным соперником. Я сжимаю телефон крепче. Если Дэниел станет проблемой, то мне придётся использовать свои знания, приобретённые о нём, чтобы устранить его. Я знаю, что он использует винтовку с поворотным затвором Барретт М98 и пули 388 Лапуа Магнум,

содержащие порох, изготовленный преимущественно в южной части Американских штатов, Техасе или Аризоне.

Немного времени заняло бы прослушивание всех записей наших с ним разговоров, изучение маршрутных записей телефонных разговоров и следов от производителей пороха.

Но я не стану делать ни одну из этих вещей, потому что Дэниел никогда не был для меня угрозой. Я чувствую некое родство с ним. Возможно, он ужасный человек, убивший тысячи невинных людей. Возможно, его, как и меня, готовили к этой карьере потому, что у него не было других возможностей. А возможно, его утверждение было не предупреждением, а приветствием с открытой ладонью, но я отвернулся от него.

— Только парочку, мужик. Я не хотел, чтобы их нашёл Рамбаудис, — Дэниел возвращается к своей обычной лёгкой манере и насмехается надо мной.

— Понятно. Ещё одним долгом больше, — говорю я мрачно.

— Я занесу это в свой дневник.

Думаю, он просто шутит, но я уже составляю план. Определяю местонахождение Дэниела, на всякий случай. Перестраховка, ничего больше.

— Спасибо, мужик, — говорю я, пытаюсь использовать американский сленг. Я должен изучить своих соседей. Многие из них молоды, как щенки, но если бы я смог говорить, как они, я стал бы менее заметным. Наверняка люди считают меня глуповатым из-за неумелого использования их родного языка.

— Отличная попытка, — я слышу иронию в его голосе. Ко мне снова подступает мысль о том, что, возможно, эти поползновения Дэниела — просто приглашение к совместному доверию, но я гоню её прочь.

— Информация?

— Революция не может пройти без поддержки армии.

Меня охватывает озноб. Александр был оружием Братвы Петровича — одной из сильнейших преступных организаций в России. Он тренировал многих мальчиков, чтобы обеспечить защитой бизнес Братвы по всему миру. Некоторых, как меня, он выталкивал из гнезда, чтобы они самостоятельно встали на ноги. Наша кровь для него была недостаточно благородной, в отличие от Василия, стоящего по правую руку от него, или наши навыки недостаточно остры, в отличие от Юрия, стоящего по левую руку.

Хотя я мог бы занять место Юрия, когда мне было четырнадцать, я даже выполнил все задания, включая те, которые мне не нравились, но в итоге этого оказалось не достаточно.

Однажды я отказался от заказа, позволяя младшим загореться мстостью на их куратора. Конец истории был малоприятным, но мальчики нуждались в долгожданном отдыхе и осознании того, что монстр, преследовавший их на протяжении последних дней, наконец-то исчез и никогда не вернётся.

Для этого Александр отпустил меня из моего отряда и направил против моих же людей. В пятнадцать лет всем, что я знал, были убийства. Вот, чем я занимался и занимаюсь по сей день. Я человек, убивающий за деньги.

— Александр никогда бы не предал *Братву*.

— Может быть, и не предал. Но отказал в поддержке? Или показал своё разочарование? — возражает Дэниел. Я представляю, как он сидит на стуле, легко и беззаботно покачиваясь на двух ножках. Мгновение я обдумываю его слова. Совсем не этого я ожидал. Не знаю, что привело Сергея к таким действиям, но подстрекательство к мятежу?

Александр верил в братство больше, чем во что бы то ни было, вот почему я, его

ярчайший подопечный, был отпущен. Я поставил свои чувства выше нужд *Братвы*.

Ничего из этого Дэниел от меня не услышит.

— Это всё? — спрашиваю я.

— Сейчас да, — отвечает Дэниел и вешает трубку.

Я удивляюсь, почему Дэниел предлагает мне это. Его мотивы загадочны, и это делает его ещё более опасным. Неужели Дэниел чувствует некую эмоциональную связь с мастером убийства? Разве человек, подобравший с улицы нескольких мальчиков, превратив их в машины, заслуживает уважения и эмоций? Любви? Я не любил Александра. Уважал, но не любил. Мне не известно, что такое любовь. Лишь похоть и злость. Отчаяние и удовлетворение. Но любовь? Это не для меня.

В две тысячи девяносто пять часов я вхожу в сеть и начинаю ждать, когда будет создан приватный чат. В две тысячи сто часов я ввожу информацию и вхожу в контакт с Часовщиками. Появляется информация о цели. Я копирую её и вставляю в текстовый документ, не читая. Но прежде, чем выйти из сети, я замечаю последнее сообщение.

Если Вы выполните это задание, то информация, которую вы искали относительно вашего соотечественника Александра Крынкова, будет раскрыта в качестве бонуса.

«Попался», — восклицаю я, как если бы был Дэниелом, а не Николаем. Предложение о дополнительной информации выглядит как ловушка, потому что эти люди обычно предлагают такие маленькие бонусы, дабы связать семьи или организации крепче. Но для киллера семья не имеет никакого значения, я работаю один, с тех пор как в пятнадцатилетнем возрасте вышел из *Братвы* Петровича.

Я был взращён *Братвой* Петровича. За пределами России немногие знают, кто это, хотя только это имя обладает большой властью. Наркобароны с улиц отвечают перед *Братвой*. Сутёнеры, кидалы, воры, политики — все отвечают перед *Братвой* Петровича.

Никто даже не пискнет в преступном мире без ведома и разрешения *Братвы*.

Вас интересует что-то незаконное, опасное и неправомерное? *Братва* доставит это к вашей двери, но потом овладеет вами. Так же и с теми людьми, которые нанимают меня. Они хотят заполучить меня, но я сейчас не принадлежу никому. Только самому себе. Александр, человек который подобрал меня с улицы и обучил мастерству убийства, решил, что я потерял свою любовь к семье Петровича, и выгнал меня прочь. Для Александра преданность *Братве* Петровича была на первом месте. И это хорошая черта для генерала армии Петровича. Даже великолепная. Решение Сергея о том, что Александр должен умереть, невысказано. Но никто в *Братве* не стал бы мстить за Александра и переходить дорогу Сергею, эта задача досталась мне.

И учитывая, что все снаружи в курсе о моём желании отомстить за смерть Александра, знают и все внутри, включая Сергея, нового главу семьи Петровича. Новый король *Братвы*. Его молчание по этому поводу говорит о многом. Сергей для меня такая же угроза, как и я для него. Но сейчас я делаю вид, что спокойно отношусь к тому, что Сергей убил моего наставника.

Информация, предоставленная Часовщиками о новой цели, кажется вполне безобидной. Один человек, врач, живёт в Сиэтле. Так же здесь есть его имя, номер социального страхования, дата рождения и вид смерти, уготованной ему. Способ доставки простой, на моих условиях. Всё так, как предпочитаю я. Но что-то во всём этом меня беспокоит.

С помощью быстрого поиска в интернете я выясняю, что врач из Сиэтла — хирург — трансплантолог. Интересно, замешан ли он в торговле органами на чёрном рынке,

содействуя продажам для богатых покровителей. Интернет открывает мне мужчину с приятной улыбкой и его жену, похожую на пластмассовую куклу. Идеальная, хорошенькая, но пустая внутри. Идея о том, чтобы ехать в Сиэтл, мне не по душе. Не хочу уезжать от девушки из квартиры 224.

Я возвращаюсь в ванную, чтобы просмотреть видео с мистером Джоном Брауном, моей целью. Сергей нанял меня три месяца назад, чтобы найти мистера Брауна и вернуть его в Москву. Его настоящее имя Джордж Франклин, он бухгалтер из Чикаго. Мистер Браун отмывал деньги по незаконным транзакциям *Братвы*, и вместо того, чтобы сбежать в Мексику, Сингапур или ещё куда-нибудь, он просто скрылся из виду. Это весьма вдохновляющая идея, но у него была только одна попытка, чтобы спрятаться.

Я охочусь за людьми всю свою жизнь. Все оставляют след. Ошибкой мистера Брауна стала его собака, маленькая визжащая тварь. Ему нужно было оставить её дома, но мистер Браун везде брал собаку с собой. Он петлял кругами от Чикаго через маленькие городки штата Висконсин. Сейчас он в Миннеаполисе, штат Миннесота, не так уж и далеко от своего дома.

Но он везде покупал специальную еду для собаки.

Я могу абсолютно точно предсказать его перемещения в зависимости от того, где он покупал собачью еду. Я не убью мистера Брауна. Просто найду и верну его назад. Но планы меняются. Мистер Браун жив до сих пор лишь потому, что у него есть полезная информация.

На видео мистер Браун размазывает арахисовое масло по всему своему телу, а его собака слизывает его. Омерзительно. Я бы сделал миру одолжение, избавившись от него.

Я возвращаюсь к своему телескопу в квартиру 224 и переключаю его в режим ночного видения. Я могу видеть только контур её тела. Она выходит из квартиры с корзиной в руках.

Я прослеживаю её до прачечной в подвале. Когда я впервые заехал в дом, то сразу отметил это помещение. Сырое, затхлое, слабо освещённое и с отвратительным полом.

Девушка из квартиры 224 не должна стирать в этом месте свою одежду. Кто-то должен стирать её за неё, но я знаю, что она не может себе этого позволить. В её холодильнике слишком мало продуктов, и готовит она очень редко, что беспокоит меня, да и ест она в основном лапшу или другие дешёвые продукты. У её соседки денег не больше. Они обе бедные и, очевидно, молятся о чуде, чтобы выжить во взрослой жизни. В их жизни нет ни одного достойного мужчины.

Я снова наблюдаю за её очертаниями через увеличитель, когда она склоняется над стиральной машинкой. Она оставляет одежду внутри и выходит из прачечной. Возвращается в квартиру и отправляется в свою спальню. Уже слишком темно, чтобы понять, что она там делает. Трогает ли она себя снова? Сможет ли она заставить себя расслабиться? Я думаю, что, скорее всего, она читает книгу. Время бессмысленно тянется, пока я наблюдаю за ней.

Нет ничего более интересного для меня, чем смотреть на неё, даже если мне видны лишь её контуры. Я должен ещё столько всего сделать. Изучить свою потенциальную цель в Сиэтле.

Определить местоположение Дэниела. Найти слабые места среди советников Сергея. Вместо этого я очарован ею.

Во время наблюдения я замечаю, что её дыхание выравнивается, а голова откидывается в сторону. Видимо, она уснула. А её белье мокнет в сыром подвале. Прежде чем мой мозг успевает о чём-нибудь подумать, я уже выхожу из квартиры, слетаю вниз по ступенькам, перехожу улицу и направляюсь к задней двери здания напротив. Деверь заперта, но замок

настолько прост, что легко открывается пластиковой картой. Пара рывков, чтобы ослабить замок, и путь свободен. Я сбегая в подвал и открываю дверь.

Внутри я обнаруживаю какого-то мужчину, склонившегося над грудой белья. Он оглядывается, когда я вхожу и вижу, что он сжимает в руке что-то кружевное и розовое. Я оглядываюсь, оценивая помещение. Он крутится около стиральной машинки, которую использовала моя девушка. Мои ноздри мгновенно раздуваются, а кровь застилает глаза.

Этот *мудак* трогал её трусики.

Я с рёвом на него наступаю. Он отходит и поднимает руки в попытке защитить себя.

Я хватаю его запястья со сжатыми кулачками и ломаю его кости. Он кричит от боли, и это звучит как музыка для меня, моя ярость понемногу угасает. Розовый хлопок падает на пол, пока он пытается вырваться, его кроссовки скользят, и он падает. Одной рукой я придерживаю его запястья, а другой поднимаю с земли трусики и засовываю их в карман джинсов.

— Какого хрена ты тут делал? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

Его зубы стучат, и я едва могу разобрать его слова:

— Стирка. Я стирал.

Развратник и лжец. Я сжимаю его сломанные запястья крепче, и он снова кричит.

Другой рукой хватаюсь за футболку и подтягиваю его ближе к себе.

— Это не твоя одежда, вонючий ублюдок, — я устал от того, что моя девушка живет в окружении этих человеческих отбросов. Мистер Браун живёт по соседству со своими извращениями. Этот маленький человек пытается украсть чужие трусики. Как много женщин пострадало от его действий? Я должен убить его прямо сейчас. Моя рука отпускает футболку и сжимает его горло. Я могу выжать из него всю жизнь.

Но прежде, чем я успеваю произнести хотя бы слово, до меня доносятся шаги. Каким-то образом я знаю, что это она. Мы с вором переглядываемся. Я подталкиваю *ублюдка*, чтобы он вернул её одежду обратно в стиральную машинку. Мой взгляд падает на тёмный угол с небольшой лампочкой. Ударив рукой по горячей лампочке, я разбиваю её, обжигая кожу.

Эта часть прачечной погрузилась в темноту, создавая идеальное место, чтобы спрятать этот человека. Я заталкиваю его в угол.

— Ты много шумишь. Если ты хоть вздохнёшь слишком громко, это будет последний звук, который ты издашь.

Он понимающе кивает, прижимая к себе сломанное запястье. Я беру стул и ставлю его перед ним таким образом, чтобы частично видеть его, но чтобы выйти ему бы пришлось протиснуться мимо меня.

У меня нет с собой никакой книжки или журнала, поэтому достаю телефон и притворяюсь, что сижу в интернете. Я стараюсь контролировать своё дыхание, впервые мы будем находиться так близко друг к другу. Мои руки нетерпеливо дрожат. Я сжимаю телефон крепче, чтобы не выдать, какой эффект она на меня производит. Я не хочу её напугать, поэтому говорю «Алло», как только она поворачивает за угол.

Но я всё равно становлюсь для неё неожиданностью, она подпрыгивает и прижимает руку к груди. Она понятия не имеет, как сильно привлекает этим движением внимание к своей прекрасной груди. Я хочу увидеть эту грудь без одежды. Хочу прикоснуться к ней руками. Уткнуться лицом в ложбинку между грудями. Надавить большими пальцами на соски, вылизать каждый дюйм её груди, пока она не набухнет. Мой член напрягается от этих мыслей. К счастью, я наклоняюсь так, чтобы она не смогла увидеть моего возбуждения.

Возможно, хорошо, что я никогда до этого не был так близок к ней. Я бы кончил от одного её прикосновения к моему телу.

— Я-я не заметила вас там, — сладко бормочет она. Её голос такой чистый и мелодичный. Я абсолютно очарован.

— *Нет*, это моя вина. Прошу прощения, что напугал вас, — это выходит у меня так неуклюже. Да ещё и этот козёл позади меня, я даже встать не могу. Он и мой ноющий член мешают мне.

— Всё в порядке, — она улыбается мне, а я прикусываю щеку изнутри, чтобы удержать стон. — Я только что переехала и пока не знаю всех жильцов. Я Дейзи Миллер.

Дейзи. Я прокручиваю её имя на языке. Оно ей подходит, такое же мягкое, как её руки, и светлое, как её лицо. Женщины на Украине умывают лицо козьим молоком, чтобы сохранить идеальную кожу. Интересно, делает ли это она. Её кожа одновременно кремовая и золотистая, как будто она живёт на улице, а не в этом грязном кирпичном доме. Её густые ресницы опускаются на щёки, как тюлевые занавески.

— Дейзи Миллер, — повторяю я. — Как у Генри Джеймса? — та Дейзи Миллер из истории Генри Джеймса была лёгкой и нематериальной, красивой, но пустой внутри. Это совсем не подходит этой женщине.

Она хмурится на меня, явно не ожидая моей попытки продолжить разговор.

— Что, простите?

— Ничего.

Она протягивает мне руку для рукопожатия. Я хочу коснуться её, но не могу. Вместо этого, я немного поддвигаю кресло и протягиваю ей руку в ответ. Она нерешительно смотрит на меня, как на *болвана*, который не может сделать пары шагов. Я должен был избить этого человека до потери сознания, чтобы не беспокоиться о нём. Я медленно встаю и прислушиваюсь, чувствуя движение за спиной. Вставая, я задеваю стул ногой, и он падает, ударяя тело позади меня. Наверно, это его лодыжка. Я слышу сдавленный звук.

— Вы слышали что-нибудь? — Дейзи оглядывается, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы впихнуть стул поглубже. Звук осекается. Вор получил моё послание.

— Нет. Ник Андерс, — говорю я, подходя к ней. Моё имя Николай Андриюшко, но его я никому не раскрою. Я приподнимаю её тоненькую ладошку к своим губам. Она пахнет лимоном и моющим средством. Я едва касаюсь ртом её руки, поражённый, и стараюсь не напасть на неё и не накинуться, как животное. Чтобы не искушать себя больше, я отпускаю её руку. Она краснеет и другой рукой прикрывает свой ротик. Я провожу большим пальцем по покрасневшей щёчке. — Дейзи. Прекрасное имя.

— Спасибо.

Я слышу ещё звуки из угла.

— Кажется, эти звуки издают животные, живущие в стенах. Возможно, это не самое безопасное место для кого-то вроде тебя?

— Вроде меня? — она хмурится, ей не нравится это. Я пытаюсь придумать наилучший ответ.

— Для кого угодно. Для женщины, особенно одинокой. Пойдём, — я веду её к стиральной машине. — Давай закончим с этим.

— Хм, вы не должны ждать меня. Я просто закину всё это в сушилку и вернусь, когда она закончит.

— *Да*, я прослежу за этим, — предлагаю я. Мне хотелось бы подождать вместе с ней, но

у меня есть незаконченное дело, и я должен о нём позаботиться.

Она неуверенно смотрит на меня, и я подбадриваю её короткой улыбкой. Это срабатывает.

Она быстро передаёт мне вещи из машинки, хотя старается скрыть от меня нежные вещи.

Она замирает, оглядывается на меня и снова вспыхивает. Она смущена? Она не должна смущаться. Она должна знать, что деликатные вещи только делают её ещё более желанной. Я хмурюсь, думая, может ли этот шакал позади меня видеть её. Я расставляю ноги пошире и скрещиваю руки, перекрывая ему обзор. Я не хочу, чтобы кто бы то ни было видел её интимные вещи. Интересно, будет ли она их перестирывать.

Её беспокойство слишком очевидно, я должен оставить её. Не только из-за обеспокоенных взглядов, которые она бросает на меня, но и из-за того, что всё в ней противоречит моей жизни. Я едва могу дышать, стоя к ней так близко, наблюдая за ней вживую.

Её тонкие, но гибкие руки умело двигаются, перекладывая одежду. Тонкие ладони с элегантными пальцами идеально подходят к её телу. Я представляю, как эти пальцы обвились бы вокруг моего члена. У неё есть веснушки на щеках и на лбу. Стоя так близко, я могу заметить мельчайшие детали, которые не видел ни через телескоп, ни через очки ночного видения, ни в своём воображении. Дейзи не изобилует красками — каштановые волосы и голубые глаза. Её бледная кожа прекрасна даже в этом тусклом освещении.

Хорошо, что я пока не видел Дейзи при ярком солнечном свете. Возможно, я умру.

Ах, это будет счастливая смерть.

Он не уходит.

Комок нервов в моём желудке трепещет. Я должна сконцентрироваться на стиральной машинке, но я могу думать только о высоком и очаровательном мужчине рядом со мной.

Здесь, внизу в прачечной.

Он поцеловал мою руку. Прикоснулся к моей щеке. Это как в моём любовном романе.

Мне хочется хихикать, как школьнице, но он определённо посчитает меня глупой. Так что я прикусываю губу и тащу корзину с одеждой в сушилку. Мои пальцы не слушаются меня, когда я пытаюсь закинуть в сушилку четвертак. Рейган всё время жалуется, что владельцы злоупотребляют стоимостью стирки и сушки, но мне нравится чистая одежда, так что я рассматриваю это как неизбежное зло.

Я подмечаю его особенности. Он носит красивую одежду, по крайней мере, она лучше, чем у меня. Также замечаю татуировки на его пальцах, а когда они прикоснулись ко мне, я почувствовала, что они мозолистые. Его татуировки немного огорчают меня, но на улицах я видела много татуированных людей. Возможно, он ценит их художественную красоту.

Я достаю пару мокрых джинсов, и меня сковывает стыд. Они старые, мешковатые, и на одной из штанин проявилось пятно от отбеливателя. В корзине нет ничего, чтобы могло бы впечатлить такого мужчину, как он. Я смотрю на него из-под ресниц.

Он смотрит на меня.

Я моргаю и отвожу взгляд, торопливо засовывая свою старую подержанную одежду в сушилку. Я выгляжу как идиотка. *«Будь смелее, Дейзи! — говорю я сама себе. — Он поцеловал твою руку!»*

— Так тебя зовут Ник? — *м-да, Дейзи. Он же только что тебе сказал. Не могла придумать вопрос ещё глупее?*

— Да.

— Это прекрасное имя. Оно русское? Ты говоришь как иностранец, — о, боже.

Теперь я действительно выгляжу глупо. Рейган будет смеяться над моим поведением, вылитая Поллианна.

— Я украинец.

Я снова бросаю на него взгляд, он продолжает на меня смотреть, его пристальный взгляд как будто записывает все мои движения. У него не недружелюбный взгляд, хотя он и не улыбается. Пронзительные серые глаза, желающие узнать все твои секреты. Я снова улыбаюсь ему.

— Мне нравится твой акцент, — застенчиво говорю я. — Мне не доводилось слышать такого.

Никогда. Может, только у голосов на видео в интернете. Он звучит так, будто бы ласкает слоги языком, но я не сказала этого. Я не настолько смелая.

— Ты слишком добра. Я знаю несколько языков, но никак не могу избавиться от своих корней, — говорит он, его акцент учащает мой пульс.

Мне бы хотелось, чтобы он больше говорил. Кажется, он на пределе. Это потому, что я

пытаюсь флиртовать с ним, или я жалко выгляжу?

— С какого ты этажа?

Он сразу же отвечает.

— Второй.

Я начинаю сиять.

— Я тоже. Мы соседи, — я закончила складывать вещи в сушилку, и теперь мне нечего делать. Должна ли я продолжить разговор с ним? Но внезапно из моей головы вылетают все вопросы. Я беспомощно цепляюсь за корзину для белья. Он замирает с широко расставленными ногами, загораживая тёмный угол прачечной. — Я... думаю, раз мы живём на одном этаже, ещё увидимся?

Он наклоняет голову в мою сторону.

— Да, увидимся, — он опускает взгляд, будто смущаясь из-за чего-то. — Я бы этого хотел.

— Я тоже. Было приятно с тобой познакомиться, Ник, — я чувствую, как горят мои щёки. — Я живу в двести двадцать четвёртой квартире. Если когда-нибудь понадобится мое средство или ещё что-нибудь, дай мне знать.

Он снова наклоняет голову.

Я чувствую себя глупо, выдавая столько информации, но ничего не могу с собой поделаться.

— Ну, до свидания, — я поворачиваюсь к двери, чувствуя, что провалила свою первую возможность пофлиртовать с мужчиной.

Его взгляд падает на раскладушку, засунутую в мой карман.

— Дай мне свой номер телефона, — он складывает руки на груди. — Я дам тебе свой.

Позвонишь, если что-нибудь понадобится.

Мои щёки розовеют, пока я достаю свой маленький раскладной телефон. Он одноразовый, самая дешевая модель. Рейган отпускает саркастические комментарии о том, что мне нужен смартфон с GPS, чтобы не потеряться в «большом городе». Но я не могу потратить столько денег на что-то столь легкомысленное. По крайней мере, пока не найду работу. Но я вручаю ему телефон, стараясь не стыдиться того, как жалко он выглядит.

Он ничего не говорит, просто оценивает его взглядом, после чего открывает и начинает набирать цифры одним большим пальцем. Я разглядываю его татуированные пальцы. На каждом суставе нанесена удивительная маркировка. Кажется, было бы невежливо спрашивать, что они означают. Через секунду он закрывает телефон и возвращает его мне.

— Ты позвонишь мне, да? Если что-нибудь понадобится. Я позвоню тебе, если мне будет нужно... мое средство.

Я молча киваю и улыбаюсь ему, надеясь, что улыбка выглядит дружелюбной (а не напуганной), а затем исчезаю.

Кажется, теперь у меня есть два друга. Рейган и мой украинский сосед, который настолько невероятно красив, что я могла бы любоваться им целый день. Вцепившись в корзину белья, я ухожу, чувствуя на спине его взгляд. Благополучно вернувшись в квартиру, я достаю телефон и начинаю пролистывать крошечный список контактов, чтобы выяснить, как же он себя записал. Что-то личное? Или кокетливое?

Ник.

Просто Ник.

Конечно, мне не хватит мужества, чтобы позвонить ему, но я буду думать об этом день и

ночь. А когда буду ласкать себя сегодня вечером? Я буду представлять лицо Ника. А завтра возьму у Рейган ноутбук и найду всё, что смогу, об Украине. Я хочу узнать о нём всё.

Есть что-то особенное в этом Нике, что привлекает меня, заставляя таращиться на свой телефон, как на чудо. Я встретила несколько мужчин на прошлой неделе, с некоторыми даже немного поболтала. Но никто из них не пытался поцеловать мою руку или дать свой номер телефона.

Это очень личная связь, со мной не случилось такого до этого. Личная связь с высоким, таинственным и красивым мужчиной. Всё как в моих самых смелых мечтах.

Даже больше. Я ложусь на кровать, размышляя, что же такое особенное кроется в Нике. Через секунду я понимаю. В нём есть сила. Такая яркая, глубокая и *живая*, будто поющая изнутри. Меня тянет к ней, как мотылька к пламени. Не потому ли это, что мой отец всегда был тенью самого себя и сделал всё, чтобы сломать меня? Мне кажется, что Ник никогда не будет сломлен.

Мне нравится думать о нём.

НИКОЛАЙ

Дейзи. Она напоминает мне картины одной американской художницы из городка неподалёку отсюда. На её картинах изображены холмы с симметричными посевами озимой пшеницы. Они выглядят такими чистыми, мирными и благотворными. Даже её имя вызывает в воображении эти картины. Я же больше похож на тёмного мучителя, увиденного Данте, на гротескных картинах Иеронима Босха.

В пятнадцать мне было приказано убрать куратора, у которого пристрастился к американскому искусству и американским мальчикам. Эта работа принесла мне удовлетворение, я многое узнал об искусстве, пока следил за куратором. Но убрать его нужно было вовсе не из-за педофилии, а из-за денег. Всегда из-за денег.

Это была моя последняя работа под наблюдением Александра. Я до сих пор не знаю, было ли это задание причиной того, что Александр меня отпустил, или я просто стал слишком взрослым, чтобы он мог меня контролировать. Однако после двух недель наблюдения за куратором, я не смог просто выпустить пулю ему в башку. Я снова потираю надпись на своей груди. «Смерть — милосердие». Те мальчишки, которых он развращал, заслужили отмщения. Тем не менее, память об этом подсказывает мне, как сильно я похож на это разрушенное, облупившееся здание, наполненное мусором.

— Можно мне... Могу я встать?

Я поворачиваюсь к вору.

— Подымайся, — командую я.

Он пытается встать на ноги, но он покалечен. Его мужество впечатляет. Он не обмочился и, в общем-то, был тихим. Я решаю отпустить его с предупреждением.

— Номер твоей квартиры? — спрашиваю я.

— Сто двадцать вторая, — отвечает он. Он выглядит маленьким, несмотря на свой размер. Сейчас, когда у меня было время остыть, я могу рассмотреть его. Удивительно, но мы с ним практически одного роста, а он кажется таким слабым.

— Я предлагаю тебе найти новое место жительства. Меня не волнует, что ты будешь

делать с одеждой других женщин, но ты не будешь находиться рядом с ней, прикасаться или даже дышать с ней одним воздухом, — я всё ещё смотрю на сушилку. Мои губы искривляются при мысли о руках этого животного на её одежде. Я не могу позволить никому прикасаться к её телу. Я замечаю старую бутылку отбеливателя, вероятно, забытую кем-то.

Он испортит её одежду, но так я смогу купить ей новую. Не поношенную, из дорогой ткани, одежду, достойную её.

— Н-но-но, вы же даже не знали её до этого! — скулит вор.

Я подхожу и прижимаю его за горло к стиральной машинке напротив. Чувство снисхождения покидает меня. Я крепче сжимаю его.

— Мне не так уж редко приходится обрывать жизни, одной больше, одной меньше.

Съезжай и живи. Не съезжай и умри. Всё просто, — меня озадачивает непонимание этого человека. Возможно, нехватка кислорода повлияет на скорость его мышления и мою хватку.

— Не такой уж и сложный выбор, правильно? Есть куча других мусорных свалок, где ты сможешь жить.

— Но у меня оплачен залог, — откашливается он.

Деньги, всегда деньги. Всё ещё держа его за горло, я вытаскиваю из кармана две стодолларовые купюры.

— Достаточно? — я машу перед ним деньгами. Его глаза расширяются, и он энергично кивает. Он тянется к деньгам, но я отвожу их. — Хм, расскажи мне, что ты будешь делать.

— Я съеду.

— Когда?

— Сегодня.

— *Когда?*

— Сейчас, — задыхается он.

Я киваю и отпускаю его. Он выхватывает деньги и убегает. Позже я проверю, опустеет ли квартира 122. Если нет, то я исправлю это.

Теперь надо решить проблему с одеждой Дейзи, о которой она даже не подозревает.

У меня нет мелочи, так что мне приходится вставить в слот для монет две тонкие палочки и пластиковую карту от моей квартиры, чтобы машины поверила, что в неё упало две монеты.

Я не ворую. У меня нет одежды для стирки. Но если Дейзи вернётся, ожидая найти меня здесь, мне нужно придумать правдоподобная легенда.

Я ставлю машинку на длительную стирку и сажусь в ожидании её возвращения.

Спустя время сушилка Дейзи сигнализирует о завершении. Моё тело напрягается от мысли об её возвращении. У меня не было значительных контактов с такими девушками, как Дейзи.

Большинству знакомых мне женщин я платил. За деньги, которые я давал, они обращались со мной так, как мне того хотелось, в основном они обслуживали меня и ухаживали. Но меня не волнует, что обо мне думают шлюхи, а вот Дейзи... Дейзи волнует.

Увидев меня, она останавливается. Неожиданность сюрприза отражается в тонких чертах её лица. Я улыбаюсь ей, хотя мышцы лица начинают протестовать на это непривычное движение.

— Привет, ещё раз, — говорит она неопределённо.

— Твоя сушилка закончила, — отвечаю я. Выражение её лица меняется с удивлённого на настороженное. Не эту эмоцию я хочу у неё вызывать, хотя я даже сам не понимаю, чего

хочу. Желание, да. Страсть, да. Нежность, да... или нет. Я столкнулся с неопределённостью на неизведанной для меня территории, поэтому я реагирую так холодно и стойко, и это ещё больше её настораживает. Я вижу это.

Всё идет так быстро. «*Сделай уже что-нибудь, Николай*», — командуя я себе.

Я стремительно подхожу к ней и, взяв за руку, подвожу к её машине.

— Прости, я напугал тебя? Я просто жду, когда достраиваются мои вещи, — я жестом указываю на машинку, с которой манипулировал ранее.

— Нет, я просто не ожидала увидеть здесь кого-то ещё, — она стоит перед сушилкой, но не пытается достать свои вещи. Розовые пятнышки на её щеках становятся мне подсказкой. Она смущается. И я понятия не имею почему, поэтому отворачиваюсь и возвращаюсь к стулу. Её беспокойство огорчает меня, и я не знаю, как прогнать его прочь, кроме как оставить её одну. Я чувствую, как к горлу подступает комок. Может быть в следующий раз, когда я пойду к шлюхе, стоит заплатить ей за уроки флирта.

Мои собственные щёки горят, и я притворяюсь, что проверяю почту, пока Дейзи перекладывает вещи из сушилки в пластмассовую корзину со сломанной ручкой.

Испуганный крик рикошетом сметает меня со стула, но ей не угрожает никакая опасность.

Дейзи сверлит взглядом вещи в пятнах отбеливателя, который я долил в её машину. Меня накрывает вина, это труднее, чем я представлял.

— Что это? — спрашиваю я, притворяясь будто не знаю, что стало причиной испорченной одежды. Она склоняет голову, я не удивлюсь, если она начнёт плакать.

Пожалуйста, *котёнок*, пожалуйста, не плачь.

В конце концов, слёзы так не появляются, но её обреченность и отказ принятия этой потери заставляет меня чувствовать себя ещё хуже, как будто я физически оторвал от неё кусочек счастья.

Внезапно я снова встаю, и стул с грохотом падает на машинки.

— *Котёнок*, что случилось? — моя рука замирает над её склоненным плечом. Я хочу прикоснуться к ней, но чувство вины во мне слишком сильн о.

Она вздыхает и поворачивается ко мне, слегка покачивая головой.

— Похоже, мне как всегда не везёт. Должно быть, я засунула вещи в машинку с чьим — то отбеливателем, — в одной руке она держит джинсы слишком большого размера с дырявыми коленями. Они сильно линялые сзади. А в другой руке она держит блузку, выглядевшую примерно так же.

— Джинсы ещё ладно, но рубашка?

— Это был я, — заявляю я, сжимая в кулак рубашку и оттягивая её на себя. — Ты должна позволить мне исправить это.

— Нет. Что? — она пытается притянуть рубашку обратно, и изношенная ткань рвётся в наших руках.

Сейчас Дейзи выглядит *так*, будто вот-вот расплачется, кусая губы, чтобы сдержать слёзы. Я больше не могу себя сдерживать. Моя рука падает на её плечо, и я прижимаю её к себе.

— Это моя вина. Я не разбираюсь в том, как работают эти машины. Ты должна разрешить мне разобраться с этим.

Она наклоняется ко мне, и я прижимаю её крепче — руки только сверху на узких лопатках, как меня научила обнимать одна проститутка их Амстердама. Тогда мне не

понравилось обниматься. Я погладил её по спине несколько секунд и немного отпустил. И тут... удивительно. Маленькое тело Дейзи слегка прижимается ко мне. Я могу почувствовать каждый мускул на её спине, она достаточно сильная. Её острые лопатки и плечи под моими руками говорят о том, что Дейзи недостаточно ест. Я хочу посадить её к себе на колени и кормить одной рукой, а другой гладить её киску.

Через секунду она отталкивает меня и убирает волосы с лица.

— Это не твоя вина, — она качает головой. — Уверена, это моих рук дело.

— *Нет*, — я вытягиваю одежду из её рук. — Ты пойдешь со мной. Я не смогу заснуть, зная, что своим неумением испортил твою одежду.

Она пытается бороться за свои вещи, но я не позволяю.

— Подожди, — говорит она.

— Дейзи, — умоляю я. — Ты должна позволить мне сделать это, или я не смогу жить в ладу с самим собой.

Она смотрит мне в глаза. И я борюсь с желанием закрыть их, боясь, что она сможет заглянуть в них слишком глубоко, когда правда лежит на поверхности. Похоже, мой пристальный взгляд убеждает её.

— Семьдесят долларов, — в конце концов, произносит она.

Я улыбаюсь ей и киваю. Понятия не имею, что это значит, но принимаю это как согласие. Я вывожу её из прачечной и веду к задней двери.

— Куда мы идём?

— К моему мотоциклу, — говорю я. Моя рука всё ещё держит её. Я боюсь, что если я отпущу её, то она исчезнет.

Мой арендованный Дукати стоит нетронутым на парковке между нашими домами. У меня только один шлем, и я протягиваю его ей.

— Надень это, — говорю я, а затем, чтобы не быть *мудаком*, добавляю: — Пожалуйста.

— Я не могу взять твой единственный шлем, — она непослушно смотрит на меня. У меня нет машины, только этот мотоцикл и только один шлем.

— Наденешь его только до магазина мотоциклов? Он всего в нескольких километрах. Я буду ехать медленно и вдоль обочины.

Я предлагаю компромисс.

Она медленно кивает в знак согласия и надевает шлем. Сладкое согласие Дейзи поехать со мной прогоняет всё напряжение после драки с тем *говнюком*. Я закидываю ногу на мотоцикл и помогаю Дейзи усесться. Обернувшись, я опускаю стекло на шлеме.

— Держись крепче, даже если мы едем медленно, хорошо?

— Хорошо, — отвечает она. Её глаза блестят от любопытства, и я улыбаюсь ей. Это невероятное чувство.

Я не спеша еду по улицам, а Дейзи сзади цепляется за меня. Через тонкую ткань футболки я чувствую её грудь, кажется, она наслаждается острыми ощущениями. Я хочу верить в то, что её возбуждение обусловлено мной, но скорее всего в этом виновата вибрация мотоцикла под ней. Хотя на достаточно высоких скоростях вибрации хватило бы, чтобы завести её. Мне захотелось попробовать это. Интересно, если она намокнет между ножек, просочится ли влага через трусики к джинсам. Я немного покачиваюсь на сиденье и чувствую, как она инстинктивно вжимается в меня. Я издаю тихий стон, даже не пытаюсь скрыть его, уверенный, что ветер унесёт звук прочь. Мой член становится огромным при мысли о том, как она намокает позади меня.

Когда мы подъехали к магазину, где покупают и арендуют мотоциклы, я стремглав двигаюсь вперёд, стараясь думать о чём-то, что могло бы уменьшить мою эрекцию.

Неожиданно в голову пришла соседка Дейзи, и вот я уже могу стоять на ногах. Не желая привлечь внимание мужчин к Дейзи, я велю ей оставаться на мотоцикле в шлеме.

— Чтобы кто-нибудь не попытался его украсть.

Конечно же, это ложь, но Дейзи просто кивает.

В магазине я покупаю для Дейзи шлем и спрашиваю:

— Мне нужна одежда. Где можно её купить?

Жующая жвачку продавщица дарит мне голодный взгляд:

— О, милый, я могу приодеть тебя. Что тебе нужно? Её взгляд падает на мою промежность, но я не поддаюсь искушению прикрыться только что купленным шлемом.

— Для моей девушки, — говорю я. Она морщит нос, как будто плохо запахло.

— За поворотом на шоссе есть торговый центр, свернёте на улицу Линдэй. Не пропустите.

Она подчеркнула слова «*торговый центр*», как будто это имело особое значение.

Я киваю в качестве благодарности.

Выйдя на улицу, я встаю перед Дейзи, блокируя ей вид на магазин, и предлагаю новый шлем.

— Извини, что всё это превратилось в такое большое дело. Что ты собираешься делать с ещё одним шлемом? — она в смятении качает головой. — Я не подумала об этом.

Я пожимаю плечами:

— Он был мне нужен.

На самом деле мне нужен только один и только для неё.

Она смотрит на меня с сомнением, но я принимаю свой самый невозмутимый вид. Это срабатывает, она чувствует себя некомфортно и больше не может смотреть мне в глаза.

Внезапно я чувствую себя козлом из-за этого, но не знаю, как исправиться.

Я беру её за подбородок и приподнимаю лицо так, чтобы заглянуть ей в глаза:

— Он для тебя. И только для тебя. Ты можешь сохранить его, чтобы ездить со мной, а можешь просто выбросить.

Странные огоньки мерцают в её глазах, я не могу их поймать. И я пока не знаю, как её читать. Но я научусь. Огоньки быстро пропадают. Я не хочу ездить с Дейзи слишком поздно, когда много на дорогах появляется много опасных водителей. В одиночку я легко могу их избежать, но я волнуюсь за свой драгоценный груз.

Я надеваю на неё шлем, аккуратно пряча волосы, и затягивая ремешок под подбородком. После чего делаю то же и для себя. На этот раз Дейзи без каких-либо дополнительных инструкций прижимается ко мне и обнимает сзади. Я чувствую давление от её щеки где-то посередине спины. Её тонкие, сильные руки обёрнуты вокруг моей талии. Я бы мог часами кататься в таком положении, чувствуя её тело за спиной.

ДЕЙЗИ

Я веду себя как безрассудная дура.

Я встретила Ника два часа назад. В прачечной. Я позволила ему ослепить меня.

Позволила поцеловать мою руку и обнять, а теперь я сижу на мотоцикле позади него. В послеобеденных передачах, что позволял мне смотреть отец, меня называли бы глупой.

Хорошенькие молодые женщины не убегают с незнакомцами на мотоциклах.

Но... мне всё равно.

Я устала быть осторожной и защищённой. Я хочу быть дикой и безрассудной, и хочу провести с этим мужчиной больше времени. И если это кончится плохо, то я хочу увидеть это широко открытыми глазами.

Я не знаю, как правильно держаться на мотоцикле, это моя первая поездка. Я цепляюсь за него, прижимаясь всем телом. Моя грудь трётся об него и подсакивает на кочках, я задыхаюсь в этих ощущениях. Не слишком ли близко я прижимаюсь к нему? Мне всё равно. Если он спросит, я просто изображу незнание. Мне слишком нравится, как его большое тело давит на мои бёдра и живот.

Я злюсь на себя. Никогда раньше я так не злилась и никогда не понимала, кем хочу быть.

И ещё я не знала, насколько огромны торговые центры.

Он подъезжает к большой парковке, ровней в которой больше, чем в моём доме. Я вижу перед нами выдающееся здание. Оно выглядит как торговый центр. О, боже! Я и не подозревала, что они такие... громадные. Мои внутренности одолевает трепет волнения. Я никогда не была в торговом центре, тем более в таком, как этот, но я видела рекламу по телевизору. Мой отец ни за что бы меня не отпустил, сколько бы я не умоляла. Он сказал бы, что это слишком открытое и небезопасное пространство.

На мгновение я чувствую вспышку гнева, направленную на отца. Скольких же вещей он меня лишил? Мгновение я агрессивно радуюсь, что оставила его... но затем гнев сменяется виной.

Ник останавливает мотоцикл на одном из ближайших мест на парковке и снимает шлем, растрепав волосы. Он великолепен. Я разглядываю его из-под опущенного стекла. Его красоту можно впитывать вечно. Он очень красивый, особенно его накаченное жилистое тело и бледные, но сильные глаза. Он кладёт шлем и указывает, что я должна слезть с мотоцикла.

Я подчиняюсь, размахивая ногой над мотоциклом, чувствуя себя очень неуклюжей.

Мои старые мешковатые джинсы немного сползают, когда я встаю. Я незаметно их поправляю, пока он ставит на мотоцикл на подножку и встаёт.

Ещё до того, как я успеваю поднять руки, он снимает с меня только что купленный шлем. По какой-то причине я не чувствую контроля над собой с его стороны, скорее... нежность. Он такой мучительно сладкий, этот Ник, несмотря на его твёрдую и сильную внешность. Наверное, это потому, что я ему доверяю.

Снимая с меня шлем, он улыбается, как будто бы рад видеть моё лицо.

— Мы в торговом центре.

— Да, — говорю я, задыхаясь. — Спасибо, что подвёз меня.

Он наклоняет голову, будто пытается понять, что я имею в виду.

— Я поведу тебя по магазинам. Это справедливо.

Время от времени его акцент усиливается, как будто он забывает себя контролировать. Меня обескураживает мысль о том, что он пойдёт со мной по магазинам.

Среди испорченной одежды числятся трусики, бюстгалтеры, две рубашки и пара джинсов.

— Ты не должен. В этом нет необходимости.

— Нет. Это необходимо, — и он по-джентельменски предлагает мне руку, чтобы сопроводить меня в торговый центр.

Все мои протесты растворяются при виде этого элегантного жеста. Я проскальзываю рукой под его локоть, прижимаюсь ближе и позволяю ему вести меня.

Когда мы проходим сквозь стеклянные двери в торговый центр, я задыхаюсь от восторга.

Это место восхитительно.

— Это американские горки? — пишу я. В этом торговом центре минимум четыре этажа, насколько я могу видеть, и по ним разносились эхом звуки. Даже прищурившись, я не смогла разглядеть противоположного конца здания. Большие горшочные растения выстроены в линию вдоль огромной дорожки, сверху свисают красочные баннеры, рекламирующие скидки и специализированные магазины.

Всё такое ошеломляющее и невероятное.

— Ух, ты! — я поднимаю взгляд на Ника, чтобы понять, так же ли он впечатлён, но он просто смотрит на меня. Мои щёки заливают краска, я отвожу взгляд и начинаю разглядывать всё вокруг нас. Я понятия не имею, с чего начать, а все магазины выглядят такими дорогими.

— Ты не знаешь, какие магазины здесь самые дешёвые?

Он молчит. Я перевожу взгляд на него, и он хмурится.

— Зачем самые дешёвые, Дейзи?

Я краснею, когда он произносит моё имя, будто лаская его языком, прежде чем выпустить изо рта.

— Ну, мы собираемся потратить семьдесят долларов. И я хочу получить за свои деньги как можно больше одежды.

И тут я краснею ещё больше, потому что это не мои деньги, а его. А всё, что он мне должен — пара трусиков и штаны. Неправильно было бы пытаться обчистить его только потому, что мне нужна одежда.

— Дейзи, — тихо произносит он, — не волнуйся о деньгах. Покупай всю одежду, которая требуется. Я заплачу, *хорошо*? Не смотри на ценники.

Это предложение заставляет меня нахмуриться. Я не хочу спорить с Ником. Я хочу его целовать. Но для этого мне недостаёт смелости, поэтому я решаю выбрать несколько недорогих вещей и на этом остановиться.

— Хорошо.

Я вижу большой магазин с рекламой о футболках по пять долларов и иду туда, но Ник берёт меня за руку и тянет в широкий коридор, выложенный плиткой. Я изумленно разглядываю магазины, вертя головой из стороны в сторону. Кажется, завтра у меня будет болеть шея. Мы проходим мимо магазинов со всевозможными товарами: от магнитиков до шляп. Наконец, Ник останавливается перед большим магазином, отделанным чёрной мраморной плиткой, с золотыми буквами. Внутри находятся несколько высоких, суровых, одетых во всё чёрное людей, которые кажутся слишком красивыми, чтобы быть родом из Миннесоты. На ферме я никогда не видела таких красивых людей. В витринах стоят манекены в шелках и коже, в тоненьких трусиках и бюстгалтерах. Я шумно всасываю воздух, когда Ник сжимает мою руку и заходит в магазин.

Я даже не знаю, с чего начать поиски. Тогда я вычисляю указатель с надписью

«распродажа», выпутываюсь из рук Ника и иду туда.

Распродажные вещи оказываются либо слишком большими, либо не по сезону, либо некрасивыми. Я выбираю из них несколько таких, которые можно будет подшить и носить.

Ник терпеливо ждёт рядом, и когда я смотрю на него, то замечаю, как бдительно он осматривает помещение. Интересно, что же он ищет.

Я не могу найти ничего, что бы мне понравилось. Эти вещи такие дорогие, даже по распродаже. Пятьдесят долларов за лифчик? Это безумие. Но я знаю, что Ник не позволит мне уйти, не купив хоть чего-нибудь. Я хватаю простой лифчик за двадцать долларов и беру Ника под руку так, чтобы спрятать бельё от его глаз. По понятным причинам мне кажется странным, что Ник увидит моё бельё.

— Давай просто сделаем это.

Он долго смотрит на меня, затем бросает взгляд на лифчик, который я безуспешно пытаюсь спрятать. Но он берёт его и рассматривает этикетку. Затем он смотрит на меня.

— Ты взяла вещь с самой низкой ценой, Дейзи?

Его английский нуждается в проработке, но я понимаю, что он имеет в виду. Я пожимаю плечами, чувствуя себя глупо.

Ник забирает из моих рук бюстгальтер. Ох. Моё лицо становится ярко-красным. Я стараюсь скрыть, как сильно меня смущают щекотливые мысли, рождённые тем, что Ник прикасается к моему белью.

Он направляется к прилавку в нескольких шагах позади. Его голос звучит тихо и ровно, пока он разговаривает с одной из продавщиц, одетых в чёрное. Он передаёт ей лифчик, и через секунду она выходит из-за прилавка с измерительной лентой в руках.

— Милая, — говорит она, обращая ко мне, — я разговаривала с твоим парнем, и он обеспокоен тем, что ты выбрала неподходящий бюстгальтер. Давай измерим тебя, ладно?

Я отправляю Нику испуганный взгляд, но он смотрит на меня холодным взглядом, будто я осмелюсь запротестовать. Женщина кладёт руку на мою поясницу и ведёт меня в примерочную. Там она измеряет мою грудь, пока мои щёки пылают от смущения. Она говорит, что мой размер — 34С, и я выхожу из примерочной.

— Вы были правы, — говорит продавщица Нику. — Этот бюстгальтер был слишком большим. Мы найдём более подходящий.

Ник просто кивает, игнорируя мои возражающие взгляды, а продавец направляется в определённую часть магазина.

— Сейчас, — говорит она. — Здесь есть похожие на тот, что ты взяла, но более подходящего размера.

Она достаёт простой бежевый лифчик. Скучный, такой же, какой взяла я, но его стоимость равняется ценам всего остального красивого белья здесь.

И вдруг всё во мне противится этому. Я всю жизнь ношу скучную, обычную одежду.

Мой отец должен был одобрять весь мой гардероб, в результате чего за всю мою жизнь у меня не было ничего хотя бы намекавшего на смелость. Поэтому я качаю головой, глядя на протянутый мне бюстгальтер и иду к другой витрине.

Туда, где вывешено кружевное бельё с оборками. Один шёлковый бюстгальтер розового цвета с белым кружевом вдоль чашечек кажется мне невероятно красивым. И я с тоской прикасаюсь к нему.

Я смотрю на Ника в поисках одобрения.

Он кивает, и я могу поклясться, что он выглядит довольным.

— Думаю, я возьму этот.

— Отличный выбор, — восторгается продавец. — И тебе нужны подходящие трусики.

— Да, — говорит Ник издалека, прежде чем я успеваю отреагировать. — Ей нужно несколько комплектов. Лифчики и трусики. Блузки. Туфли. Платья.

Я стреляю в него взглядом, но он сосредотачивает своё внимание в телефоне, начиная листать там что-то. На меня он больше не смотрит.

— Не волнуйся о нём, милая, — продавец поглаживает меня по руке. — Он сказал, что ты должна получить всё, что захочешь.

Всё? Да я хочу все красивые вещи в этом магазине. Я подцепляю пальцем пару кружевных розовых подвязок и трусики, подходящие к бюстгальтеру, который я выбрала.

— Не уверена, насколько это уместно, позволить ему купить мне все эти вещи.

— Ты шутишь? — спрашивает продавщица со смехом. — Парни постоянно приходят сюда, чтобы сделать это для своих подружек.

Но я не девушка Ника, и я до сих пор не совсем уверена, что это правильно, но все эти симпатичные вещи кругом оказывают на меня расслабляющее действие. Будто почувствовав мои метания, продавщица складывает пояс с подвязками в кучу.

И я не говорю ей «нет».

Я продвигаюсь к следующей стойке с жёлтым и разноцветным бельём. Оно такое миленькое и хорошенькое, счастье уже даже просто смотреть на него. Когда я останавливаюсь возле него, женщина добавляет в мою кучу ещё один комплект из трусиков и бюстгальтера. Любопытно, не Ник ли попросил её быть такой напористой.

К тому моменту, как я говорю «хватит», её руки полны красивого белья всех цветов радуги из мягких приятных тканей. Ни одной обычной или заурядной, или даже практичной вещи. Все они пышут нежностью и знойностью.

И хотя я не должна позволять мужчине покупать мне всё это, при мысли об обладании такой красотой меня омывает легкомыслие.

Продавщица испытывает удовольствие, одевая меня. После того, как мы выбрали кучу белья, она ведёт меня к передним стойкам, где добавляет свитера, юбки и блузки в мои и так уже переполненные руки. Когда я отказываюсь, она смотрит на Ника, он одобрительно кивает, и она ведёт меня к следующему прилавку, где всё происходит по той же схеме.

Отказ, взгляд на Ника, куча вещей в моих руках.

Когда мы направляемся к кассе, я решаюсь сказать:

— Это слишком много.

— Нет, не много, — говорит Ник. — Ты заслуживаешь красивых вещей.

И его рука касается моей спины, глядя меня между лопаток.

Мне нравятся прикосновения. Я хочу больше, но не попрошу. Я оглядываюсь на зов продавщицы. В магазине появляется ещё одна пара, они держатся за руки, пока женщина разглядывает стойки. Я смотрю на их сцепленные руки с небольшой завистью. Будет ли Ник держать меня за руку, если я попрошу?

— Нет, — протестую я, но Ник просто открывает бумажник, и его татуированные пальцы отсчитывают несколько стодолларовых купюр. Я замечаю, что в кошельке денег намного больше.

Я в шоке. Он не бедный.

Не знаю почему, но внезапно я чувствую себя преданной. Как будто Ник соврал мне.

Наш дом старый, почти разрушенный. Зачем же он живёт в нем, если чисто случайно

таскает с собой такую сумму денег. Я хочу спросить его об этом, но это кажется грубым.

Вместо того чтобы чувствовать себя опозоренной, меня это возбуждает. Незнакомый мужчина купил мне трусики. Будто я стала участником благотворительной акции. Это уже не просто веселье или смелый каприз.

Теперь мне просто грустно.

Он делает это для всех? Находит женщин в нужде и обеспечивает их одеждой? Возможно. У него сильная внешность, но я чувствую доброе, одинокое сердце, спрятанное внутри. Я думала, мы с ним одинаково бедные.

Видя все эти деньги, я понимаю, что он не такой, как я. И чувствую себя ещё меньше.

Продавщица кладёт чек в пакет, и я беру его за ручки прежде Ника. Я сохраню чек, а потом верну все эти красивые вещи и отдам Нику деньги назад. Основываясь на его поведении в магазине, вместо большой ссоры сейчас я решаю позволить ему думать, что всё идет так, как он хочет. Я всё решила.

Это глупо, но сейчас, узнав, что он не такой бедный, как я, я снова чувствую себя абсолютно одинокой.

На выходе из магазина я опускаю голову, разглядывая блестящий мраморный пол торгового центра. Ник кладёт руку мне на плечи, направляя меня. Дружеское объятие.

Ничего больше.

Я такая глупая. Запутала себя в фантазиях и мечтах, будто могу понравиться такому мужчине, а он ведь всего лишь вежливый богач.

Мы проходим всего пару шагов, когда Ник останавливается. Я только успеваю заметить пропажу его руки с моего плеча, как он внезапно оказывается стоящим прямо передо мной.

— Дейзи, — бормочет он и касается пальцами моего подбородка, чтобы заглянуть мне в глаза. Эти сильные глаза пожирают меня. — Что не так?

Мои губы почему-то начинают дрожать:

— Я... ты не должен был покупать все эти вещи.

Его глаза сужаются.

— Почему? — из-за акцента это звучит скорее как «почему-у-у».

— Та женщина... она подумала, что ты мой парень.

Он успокаивается, но спрашивает тяжёлым голосом:

— У тебя есть парень? Он будет ревновать?

— Что? Нет, — я трясую головой. — У меня нет парня. Просто она не поняла, что ты был всего лишь добр ко мне.

На его лице появляется жёсткая усмешка.

— Дейзи, во мне есть много качеств, но доброта — не одно из них.

Это звучит странно. До этого он был исключительно добр ко мне.

— Но это такие большие деньги.

Мгновение он раздумывает, а затем тянется рукой к пакетам в моей руке. Я с небольшим разочарованием передаю ему их. Почему я так свихнулась на красивых шелковых трусиках? Возможно, дело даже не в самих предметах, а в том, что они собой олицетворяют.

Старая робкая Дейзи никогда бы не стала носить такие легкомысленные, миленькие, красочные трусики. А новая Дейзи хочет их больше всего на свете. И я хочу увидеть проблески одобрения в глазах Ника, когда он увидит их на мне.

Я хочу быть особенной для него. Интересно, понимает ли он, как я запуталась. Я уже привязываюсь к нему.

Я странный, нуждающийся маленький пакетик.

Ник берёт пакет, вытаскивает оттуда чек и, к моему удивлению, смяв его, выбрасывает в ближайшую урну. После чего протягивает мне пакеты обратно.

— Теперь у тебя нет другого выбора, кроме как принять мой подарок, да?

Я смотрю на него широко открытыми глазами.

— Но, Ник. А деньги...

Он наклоняется ко мне. Кажется, будто его бледные глаза ласкают моё лицо.

— Что тебя беспокоит больше, — спрашивает он через секунду, — деньги или то, что та женщина думает, что ты принадлежишь мне?

Я чувствую себя как в ловушке под его взглядом. Он смотрит на меня так, будто от моего ответа зависит судьба всего мира. И чувствую я себя так же. Мне нужно найти способ без смущения признаться в том, что я чувствую. Рейган бы нашла, что сказать в такой момент, подходящее и весёлое, но я чувствую себя очень глупо. Как будто это я запутала нас обоих и поставила в неловкое положение.

— Только деньги, — шепчу я. Мысль о том, чтобы принадлежать Нику, заставляет меня вспотеть. Почему-то мне кажется, что собственничество Ника совершенно отличается от гнетущего контроля отца. Ник позволил бы мне быть свободной. Дал бы мне достаточно, чтобы чувствовать себя свободной, но всегда был бы рядом, чтобы защитить.

Его рука касается моего лица. Так мягко, что его пальцы едва касаются моей кожи. Странные ощущения колочками пронзают моё тело, вызывая мурашки. Я должна оттолкнуть его руку.

Я должна.

Но нет.

Вместо этого я встречаюсь с ним взглядом. Такое маленькое простое касание просто завораживает меня. Он наклоняется, как будто хочет рассказать мне секрет или поцеловать, и если я тоже склонюсь, то мы встретимся губами. Эти мысли стремительно учащают мой пульс.

Пока он так стоит, я замечаю какую-то метку на его шее под отогнувшимся воротом.

Я поражена.

— Это татуировка?

Мне не стоило спрашивать об этом. Он застывает, его глаза становятся ледяными. Он отстраняется от меня, скрывая соблазнительный проблеск татуированной кожи. Он убирает руку от моего лица, и мне становится так холодно и одиноко, как никогда прежде.

— Так, — говорит он. — Одежда — это подарок.

Я обидела его. Это ужасно. Я должна извиниться. Но он даже не смотрит на меня, и я не могу подобрать слова. Вместо этого я хватаю пакет:

— Спасибо.

Мы идём к следующему магазину в абсолютной тишине, я вижу другую пару, держащуюся за руки. И вдруг я тоже так хочу. Если я предложу ему мою руку, возьмёт ли он её? Или проигнорирует?

Мне кажется, это даст мне понять, что он чувствует ко мне. Запутался ли он в своих ощущениях так же, как и я. Нормальная девушка не станет привязываться к мужчине так быстро... Но я не нормальная.

Я перекидываю пакеты в другую руку, оставляя одну свободной. Очень осторожно, я на ходу просовываю к нему свою руку.

Он оглядывается и, думаю, понимает, что я делаю. Я более предсказуема, чем думала.

Мне должно быть стыдно.

Пальцы Ника переплетаются с моими, и мы идём в следующий магазин, рука в руке.

Моё сердце бьётся в груди так сильно, будто танцует.

Сегодня лучший день в моей жизни.

Спустя три магазина и три огромных пакета с одеждой, я бросаю взгляд на настенные часы.

— Мне нужно идти. Не хочу возвращаться слишком поздно.

Это во-первых, а во-вторых, если я проведу с ним больше времени, он потратит на меня ещё больше денег.

Моё заявление делает его несчастным. Он свирепо хмурится, а его рука вцепляется в меня ещё сильнее. Он смотрит на свои часы.

— Да, уже почти вечер.

— Вот именно, — говорю я. — Рейган говорила, что болтаться на улице после наступления темноты небезопасно, поэтому я хочу вернуться пораньше, — Рейган знает о мире снаружи квартиры гораздо больше меня, поэтому, когда она говорит, я прислушиваюсь.

— Я провожу тебя до дверей.

— Ты не должен.

— Должен, — он хмурится на меня. — Я должен оберегать тебя.

— Конечно, — я сглатываю, не желая уходить. Мне нравится находиться рядом с ним.

Нравится негромко болтать обо всём. Пока мы ходили по магазинам, я рассказала ему о Рейган и о своей жизни. Столько, сколько не рассказывал никому. Я рассказала ему, что выросла на ферме, то же, что сказала и Рейган. Рассказала, что я сирота. И что здесь я хочу найти работу и поступить в колледж, по крайней мере, это было правдой.

Завтра я планирую пройтись по ближайшим магазинам в поисках работы. Я отчаянно нуждаюсь в работе. Но... Я хочу снова увидеть Ника. Я сжимаю его руку немного сильнее.

Увидимся ли мы снова после сегодняшнего дня? Я не могу каждый день стирать, в надежде, что он появится.

— Ты... Ты бы хотел пойти выпить со мной кофе завтра?

На мгновение он теряет свой холодный вид.

— Это... — он подбирает слово, — свидание?

С иностранным акцентом оно звучит странно, как будто он никогда не произносил это слово до этого.

— В этот раз угощаю я, — говорю ему. — В благодарность за одежду. Даже с моими скудными финансами я могу позволить себе пару чашек кофе и бутерброды, — и я хочу увидеть его снова.

— Не уверен по поводу времени, я очень занят... Но я хотел бы встретиться.

Ник кивает.

— Мы встретимся. Ты напишешь мне.

Мы подходим к его мотоциклу и укладываем мои сумки так, чтобы они не улетели, пристёгивая их ремнями. Затем он надевает на меня шлем, и мы готовы к поездке домой.

Я совсем не хочу возвращаться домой. Мне хочется остаться здесь, с ним, почувствовать холодок в животе, когда его пальцы касаются моих. Я хочу, чтобы так было всегда.

Мы едем домой в сумерках по близлежащим районам. Когда мы подъезжаем к переполненному дому, он по привычке едет на парковку, но затем останавливается возле

лифта.

Он молчит, пока мы идём к дому. Я тоже молчу. Мы поднимаемся на лифте на второй этаж и сразу направляемся к квартире Рейган. Мне кажется, что если он попросится войти ко мне, я не смогу отказать.

Потому что одно воспоминание о его руке на мне делает меня дикой и заставляет думать только о сексе. Мы поднимаемся на второй этаж, и я оглядываюсь.

— Какая квартира твоя?

Как же близко он был всё это время. Не могу поверить, что за две недели, что я здесь живу, я не встретила с ним раньше.

Он молчит так долго, что я начинаю беспокоиться о том, что снова обидела его или, что ещё хуже, он не хочет говорить мне.

— Всё нормально, — говорю я тихо и поворачиваюсь. — Это не так уж и важно. Мне просто было любопытно.

Его рука сжимает мою раньше, чем я могу её отпустить.

— *Нет*, Дейзи. Я... Я прошу прощения. Я не живу в этом доме.

— Не живёшь?

Я вспоминаю о произошедшем в подвале и хмурюсь.

— Мои стиральные машины сломаны. Какой-то *мудак* налил отбеливатель в сушилки, поэтому я пришел воспользоваться машинами здесь.

Я облегчённо смеюсь. Значит, он не живёт в этом доме и просто не хотел в этом признаваться. Я чувствую себя лучше.

— Дальше по коридору, — говорю я и жестом указываю на порог своей квартиры. Я тянусь за своими пакетами в его руках, ведь он настоял, что понесёт их. — Это моё.

— *Да*, — он держит пакеты чуть дольше, а потом передаёт их мне. Его пальцы касаются моих, когда мы перекидываем ручки из его пальцев в мои, и я не могу сдержать вздох от ощущений, пронзающих меня от этой короткой ласки. Мои соски твердеют, когда я думаю об этом.

Он стал моим первым опытом флирта с чувством возбуждения. За двадцать один год никто не прикасался ко мне так интимно. Я думаю о том, как был бы возмущён мой отец, увидев меня на мотоцикле с незнакомцем, или узнав, что я приглашаю кого-то выпить кофе в качестве свидания. Но я ничего не могу с собой поделать. Запретный плод сладок, а я Ева, стоящая перед яблоком.

Ник придаёт себе холодный вид и ждёт. Я понимаю, что он не хочет уходить, пока я не зайду внутрь, поэтому одариваю его дрожащей рассеянной улыбкой и, задыхаясь, влетаю в квартиру.

Рейган и Майк валяются на диване. Его руки находятся под её блузкой, и я почти уверена, что её джинсы расстёгнуты, учитывая, как они отвисают. Она нависает над Майком, расставив ноги с двух сторон от него, а её язык змеёй скользит по его губам. Она бросает на меня вялый взгляд остекленевшими от страсти глазами, махает пальцами и вновь переключается на Майка.

— Я просто иду в свою комнату, — вздохнув, я оставляю их одних. Обычно меня шокирует такое поведение Рейган, но сегодня мне всё равно. Я хочу пойти в свою комнату, где смогу думать о своём личном украинце.

Мой украинец. Одна только мысль отдаётся болью и сладкой пульсацией между ног, это восхитительно и пугающе одновременно.

Я захожу в комнату и бросаю пакеты на пол. Закрыв дверь, я плюхаюсь на кровать.

Долгое время я просто лежу и размышляю. Моё окно открыто, но сегодня я в него даже не взглянула. Сегодня я не скучаю по звёздам. Сегодня я думаю о своём украинце.

Мой украинец. Как будто он принадлежит мне. Как будто он, как и я, скрывает свою глупую влюблённость. Он держал меня за руку. Купил мне новые трусики, потому что испортил купленные мной. Что вовсе не делает его привлекательным. Я повторяю себе это снова и снова, но всё равно открываю свой телефон, чтобы написать ему.

На моём дешёвом страшеньком телефоне трудно набрать полное предложение, но я справляюсь:

Давай встретимся в кафе в конце улицы послезавтра вечером.

Если бы я предложила ему встретиться завтра, он бы подумал, что я навязчивая.

Поэтому я добавила ещё один день, чтобы казалось, будто я действительно чем-то занята. Я думаю ещё секунду и отправляю:

В 18.00, идёт?

Затем я ложусь на кровать и начинаю ждать, не в силах пошевелиться, боясь потерять свой мир и мечты.

Мой телефон жужжит скорее, чем я ожидала. Я хватаю его, открываю и читаю сообщение:

Это не очень хороший район. Моя квартира безопаснее. Ты придёшь ко мне?

Трепет волнения тает от острого чувства беспокойства. Прийти в его квартиру?

Теперь, когда у меня есть возможность отдышаться, я понимаю, что пойти означает то же, что и лечь в его постель с раздвинутыми ногами. Может, это было ошибкой? Просить его о кофе, как будто говоря «я хочу переспать с тобой»?

Я наивная, но не глупая. По какой-то причине это приглашение меня злит. И я мгновенно набираю:

Не важно.

Не важно? Я не встречался с тобой, однако пытаюсь быть хорошим. В твоей квартире?

Так хорошо, Дейзи?

Я столбенею от его ответа.

Боюсь, я вынуждена отказаться.

Тяжело набирать сообщения на моём дурацком телефоне. Я должна постоянно нажимать на кнопки, чтобы пролистать до нужной мне буквы, но лучше так, ведь сообщения безопаснее разговоров.

Он отвечает немедленно:

Прости. Кофе нормально?

Он знает, что обидел меня. Каким-то образом он выкачивает весь мой гнев и заставляет чувствовать себя глупо. Может, на Украине принято приглашать девушку к себе в квартиру. Может, это не такое уж большое дело, если вы встречаетесь. Но мы не встречаемся, и я знаю, какая я простушка. Поллианна, как называет меня Рейган. Но эта Поллианна, в отличие от героини фильма, будет осторожной.

Поэтому я тщательно обдумываю ответ.

Хорошо.

Кофейня очень милая, хорошо освещенная, и расположена как раз в центре между нашими домами. Я могу сказать Рейган где я, и она заберёт меня. Если что-то пойдёт не так, я попрошу её прийти и увести меня. Кофейня достаточно безопасна. Он присылает ответ:

Я увижу тебя через два дня.

У меня свидание. «Нет, не свидание», — говорю я своему затуманенному уму. Это просто благодарность. Он купил мне одежду и прокатил на мотоцикле. И ничего больше.

* * *

Весь следующий день оказывается сплошным разочарованием. Я надеваю скромный свитер поверх блузки с белым воротником и широкие брюки. Волосы затягиваю в конский хвост и крашусь. Я выгляжу так, будто готовлюсь идти в церковь. Я разношу своё резюме во все близлежащие офисы и заполняю анкеты во всех магазинах. В большинстве из них в работниках не нуждаются. Экономика в упадке и время года неподходящее, да и у меня ещё нет никакого опыта работы. Единственное, что выгодно меня отличает, это готовность работать в любое время и за любые деньги.

В конце концов, я нахожу место на заправке и в ресторане, где нужны люди для работы в вечернюю смену. Мне обещают позвонить.

Поиск работы окончен, я возвращаюсь домой и просиживаю в подавленном состоянии весь вечер. Жаль, что я не назначила встречу с Ником на сегодня, но мне нужно казаться сильной, независимой женщиной. Ненавижу это.

Следующий день проходит практически так же. Поиски работы до обеда, так как позже я уже не могу, потому что хочу прийти в кофейню пораньше и занять столик. В магазине на углу я покупаю новый блеск для губ, чтобы выглядеть для моего украинца лучше всех. Я занимаю столик в приватной кабинке в задней части кофейни, открываю газету в поисках объявлений о работе и начинаю ждать.

И ждать.

И ждать.

Стрелка часов почти доходит до половины шестого, когда я понимаю, что меня предали.

Я рад, что она отказалась от приглашения в мою квартиру. Оглядываясь вокруг, я понимаю, что мне нужно как можно скорее обставить эту квартиру мебелью, чтобы она выглядела презентабельно. Интересно, согласилась бы Дейзи помочь мне в этом или нет?

Расположение этой квартиры идеально, в угловой части второго этажа. Достаточно высоко, чтобы никто не смог в неё залезть, и достаточно низко, чтобы я смог спрыгнуть из окна без травм. Угловое расположение даёт мне большой обзор. К тому же, она достаточно близка к лестнице, чтобы я мог спуститься к противоположному дому. Я не проверял, беспокоясь, что меня могут увидеть, но это пространство можно пересечь с помощью ремня по стальному тросу.

Я заглядываю в квартиру напротив моей, на пролёт выше квартиры Дейзи. Внутри находятся два студента, живущих вместе. У них неопрятное жильё, наполненное пустыми пивными банками и коробками из-под пиццы. В перерывах между занятиями они играют в видеоигры. Мне интересен их интерьер. Сегодня вечером я хочу заказать доставку мебели.

Диван. Стол. Но кровать я хочу выбрать лично. Дейзи достойна только лучшей кровати. Я трясую головой. Из-за такого количества времени, проведённого в одиночестве, я начинаю бредить. Как будто Дейзи когда-нибудь окажется в моей кровати.

Рабочий телефон оповещает о входящем сообщении. Это не Дейзи. Ей я дал свой личный номер. А в личном мобильном у меня только три номера. Александр, Дениэл, а теперь и Дейзи.

Позвони мне.

Сообщение от Жуля Лоуренса, фальсификатора документов и компьютерного хакера, с которым я раньше работал. То, что он связался со мной, вызывает тревогу. Я перезваниваю.

— Алло, — говорю я, когда он берёт трубку.

— Николай, — пыхтит он мне в ухо. — Мне так стыдно, прости.

Он всхлипывает. Извинения — всё, что мне нужно, чтобы понять. Он продал меня.

— Они угрожали моей Саре. Я должен был рассказать им. Я должен был.

Я ничего не говорю. Моё молчание выводит его. Я знал это о нём, но думал, что у него есть честь. Мои губы кривятся в отвращении. Это не честь, а лишь собственная выгода.

— Это Братва Петровича. Они боятся тебя и хотят устранить до того, как ты их найдёшь. Они знают, что ты только спишь и видишь, как бы отомстить им за смерть Александра.

— Александра убили месяц назад, — мягко говорю я. — Раз я до сих пор ничего не сделал, с чего они решили, что я предприму что-то сейчас?

— Они уже заждались того момента, когда ты придёшь и убьёшь их. К тому же, они знают тебя. Они знают, что ты не оставишь смерть Александра без возмездия. То, что ты до сих пор ничего не сделал, лишь подогревает их страх.

«Хорошо», — размышляю я. Эти мудаки должно быть трясутся от ужаса.

— Я никому не предан, — говорю я Жулю. — Я просто решаю поставленную задачу и

двигаюсь дальше.

Жуль ахает, выдавая мне своё неверие, и снова извиняется.

— Прости. Я должен был рассказать.

— Почему ты звонишь? — вздыхаю я. Тут ничего не поделаешь. Я должен устранить угрозу и вернуться обратно.

— Просто я подумал, что, может быть, если я расскажу тебе, то...

Его голос стихает.

— Ты думал, я наврежу тебе? Должно быть, боишься меня?

Я почти вижу, как он кивает в трубку.

— Не бойся. Как ты говоришь, смерть — это спокойствие. Жизнь — вот что порождает террор.

Быстрый прерывистый вздох становится единственным ответом на мои слова, а затем следуют рыдания.

— Пожалуйста. Сара беременна. Я должен был это сделать.

— Я покажу тебе своё милосердие, Жуль, — я слышу, как он переводит дух. Хватит этого нелепого позёрства. Я приказываю:

— Говори.

— Они прилетят через западное побережье в надежде запутать тебя. Я пришлю тебе номера их посадочных билетов. Я отслеживаю их.

Он проглатывает очередной всхлип и продолжает:

— Это всё, что тебе нужно?

— Я думаю, ты был более чем полезен.

— Тогда ты позаботишься об этом?

В его голосе звучит надежда, но я не могу дать ему никаких гарантий.

— Я не знаю, — отвечаю я и кладу трубку.

Я смотрю на часы. Если убийцы из *Братвы* летят из России на западное побережье, то у меня остаётся меньше сорока восьми часов, чтобы задержать их. Мне придётся лететь прямо в Лос-Анджелес. Я быстро открываю расписание коммерческих полетов. Не хочу связываться с частными авиакомпаниями, которые обязаны предоставлять властям планы своих полётов. Для меня безопаснее летать под прикрытием, поэтому я использую одну из моих личностей — просто ещё один анонимный бизнесмен. Мой вечер с Дейзи придётся отложить. В порыве ярости, я тянусь к безопасной линии, чтобы лично высказать Сергею о том, что я думаю о его вмешательстве в эту ситуацию. Я выполню это задание тогда, когда буду готов и выберу время и способ. Но я заставляю себя остыть. В скором времени Сергей сам узнает, что я думаю о его действиях.

Но мне нужно связаться с Дейзи и перенести встречу. Она примет это за незаинтересованность или, что ещё хуже, за непостоянство. Тупая боль начинает пульсировать где-то за глазами. Я сжимаю переносицу пальцами до тех пор, пока боль не отступает. Это нарушение моих планов с Дейзи я также запишу на счёт Сергея. Он должен за многое заплатить. Если бы он только знал.

Позвонить ей или написать? Что бы сделал Дениэл? Думать, он бы написал.

Дейзи, неотложные дела, связанные с бизнесом, требуют моего отъезда на пару дней.

Прошу прощения, но я вынужден отложить нашу встречу. Можем ли мы

выпить кофе в другой день? Я вернусь через три дня.

Долгое время проходит без ответа. В нетерпении, я должен сосредоточиться на деталях передо мной. Я не могу позволить Братве приехать сюда.

Я достаю сумку из шкафа, складываю туда сменную одежду и ноутбук. Невзрачный костюм и подходящие к нему туфли. На лицо я надеваю латексную маску. Она не пропускает воздух, но округляет скулы и лоб, изменяя мою внешность. Высокий воротник рубашки скрывает конец маски и кинжал на шее, который заметила Дейзи. Теперь я мистер Джон Андерсон.

Я продеваю специально сконструированный ремень в несколько мешковатые штаны.

Металлические детали в верхней и нижней части снимаются так, чтобы получился удушающий обруч. В самолёт не получится пронести ничего опаснее себя. Я уже убивал голыми руками и сделаю это снова, если потребуется, но некоторые инструменты значительно упрощают выживание. А сейчас я собираюсь в Лос-Анджелес, где у меня есть тайник со всем необходимым.

Тридцать минут спустя я вхожу прямо в аэропорт. «Я собираюсь на очень важную деловую встречу», — говорю я себе. Вокруг меня крутится множество людей, но они не замечают меня. Для них я обычный пассажир, один из многих. На предполётном контроле я без лишних просьб снимаю ботинки и ремень. Никогда не стоит привлекать к себе внимание.

Мою ручную кладь и ноутбук сканируют и выпускают. Я задерживаю дыхание, когда работник контроля сосредотачивается на моём ремне, но его привлекает лишь металлическая золотая пряжка. Безвкусная безделушка для степенного бизнесмена, ничего страшного. Он кивает мне и желает приятного полёта.

— Спасибо, — отвечаю я.

— Путешествуете по работе или отдыхаете? — спрашивает работник контроля после того, как я прохожу сканирование тела с расставленными руками.

— По работе.

— Чем вы занимаетесь?

Я не понимаю, что это, часть проверки или простое любопытство.

— Продажа пластика.

Он кивает, но я уверен, что интерес потерян. На соседней стойке досмотра работница контроля осматривает грудастую женщину. Она проводит руками по груди и талии пассажирки. Работник передо мной начинает пялиться на них, облизывая губы. Я прохожу мимо, даже не заинтересовывая его. Слабак. Я беру ремень, туфли с сумкой и выхожу из зоны контроля прежде, чем тот приходит в себя.

Посадка в самолёт начинается незадолго до того, как я прохожу к выходу. Я достаю телефон и притворяюсь, будто проверяю сообщения, как все остальные пассажиры. Дейзи до сих пор не ответила. Я провожу пальцем по экрану, представляя, будто это её рука. Или щека, или её прекрасная грудь, которая так тесно прижималась ко мне, когда мы ехали вместе на мотоцикле.

Я закрываю телефон, думая о рыданиях Жуля о Саре. Сделал бы я всё, чтобы защитить кого-то, кто мне важен? Возмездие — вот что я готовлю Сергею за смерть Александра. Но если бы они угрожали Дейзи, предал бы я всех, кого знаю, чтобы спасти её?

Да. Даже учитывая, что я знаю её всего минутой, она слишком хороша, чтобы умереть.

Я бы предал всех в моей гнусной жизни, лишь бы она жила. Люди в моём мире не планируют долгую жизнь. Каждый сделанный вдох — уже подарок, которого мы не заслуживаем.

Когда я убиваю, мои цели — подонки и паразиты со всего мира. Однажды кто-нибудь схватит и меня, и по мне никто не будет горевать. Но если убьют Дейзи? Во всём мире погаснет свет. А я хочу кусочек этого света себе, хотя бы на чуть-чуть. Я знаю, что не заслуживаю этого.

Каждый разговор с ней является ложью, но я хочу иметь в своей богом забытой жизни нечто новое, чистое и красивое. Я бы отказался от многих вещей, чтобы попробовать это хотя бы раз. Даже если для достижения этой цели потребуются горы лжи, обмана и манипуляций, я сделаю это. Я ненавижу себя за это, но правда отвернет её от меня. Такие, как Дейзи, никогда и ни за что не будут с такими, как я. Даже просто стоять рядом с ней — уже бесценный подарок. А возможность прикоснуться к ней — чудо.

Даже если она не согласится увидеть меня снова, я найду её и буду умолять о втором шансе. На коленях, если потребуется. В нагрудном кармане начинает вибрировать рабочий телефон. Понимая, что буду выглядеть странно, если достану второй телефон, я игнорирую его. Перед посадкой у меня будет достаточно времени, чтобы прочитать информацию от Жуля.

Очередь из пассажиров продвигается достаточно быстро, и, учитывая, что у меня с собой только одна сумка, я сразу же направляюсь к своему месту. Я забронировал билеты на ещё два разных имени. Но эти люди не появятся. Не люблю сидеть рядом с незнакомыми людьми.

— Хотите, чтобы я убрала вашу ручную кладь, сэр? — говорит стюардесса, протягивая руку.

— Нет, спасибо. Я положу её под сиденье спереди.

Я кладу сумку и придавливаю её ногами.

Она рассеянно улыбается и проходит к следующему пассажиру. Как только она уходит, я достаю телефон и прочитываю сообщение:

LAX Singapore Air SQ21.

Я отвечаю:

На острове Чеджу хорошая погода.

Это предложение мира. Я даю ему возможность найти безопасное место подальше от меня.

Сара всегда хотела там побывать.

Облегчение в этом сообщении почти ощутимо.

Ты должен уехать как минимум на три месяца.

Больше я ему не напишу.

Спасибо.

Во время полёта я заставляю себя поспать. Возможно, в ближайшие сорок восемь часов мне не представится такой возможности.

Посадка проходит быстро, но ранним утром выбор машин, которые можно арендовать, не слишком большой. Я беру Форд Торес и через пятнадцать минут подъезжаю к своему тайнику в Brentwood. Окраины кричащего пригорода полны домов, похожих на маленькие картонные коробки, выставленных в ряд. Возможно, люди внутри более содержательны, чем их большие дома. Хотя люди с большими домами и деньгами никогда не бывают удовлетворены.

В тайнике, который я открыл, есть кое-что из оружия. Например, сорокамиллиметровый Glock двадцать третьего калибра, который я забрал у продавца наркотиков год назад. Мне нравится этот пистолет потому, что он принадлежал полицейскому, который отдал его наркодиллеру. Может, за дурь. Может, за девочек. После того, как я расправлюсь с парнями из *Братвы*, я оставлю пистолет. Будто им противостоял тот полицейский. Это будет мой добрый вклад в мировой баланс, хотя убийство этих двоих вряд ли можно назвать вкладом.

Я разбираю Glock. Ствол чистый и, несмотря на то, что его давно не использовали, выглядит он хорошо. Я прочищаю и просушиваю тринадцатизарядный магазин. Я улыбаюсь, пока пересчитываю пули. Обычному покупателю, не из правоохранительных органов, был бы доступен только десятизарядный магазин.

Всё в идеальном состоянии. Электрошокер я засовываю в носок, а пистолет в кобуру под курткой. Остальное оружие я складываю в сумку, лежащую на сиденье Тореса, и через двадцать минут возвращаюсь обратно в аэропорт.

Я приклеиваю к Торесу надпись «Городские автомобили Линкольна» и сменяю костюм, теперь он сто долларовый, плохо сидящий и помятый. В руках я держу табличку:

«Бен Нельсон». Для остальных людей я выгляжу простым бедным водителем, ожидающим пассажира.

Со временем жара усиливается, а постоянные передвижения людей заставляют меня всё время держаться в остром напряжении. Я подавляю желание достать пистолет и очистить пространство вокруг.

Я замечаю Богдана, высоко стоящего участника банды, и незнакомого мужчину, идущих к выдаче багажа. Богдан — лишённый воображения убийца, но очень преданный.

Ему нужно давать конкретные указания, потому что он не умеет импровизировать.

Интересно, что сказал Сергей Богдану. «*Иди и найди Николая в Миннеаполисе. Убей его, выследи цель и вернись*».

Пока они стоят у стойки выдачи багажа, я рассматриваю, что же они пронесли на свой коммерческий рейс. Они настолько глупы, что привезли всё с собой? Я проверяю часы и принимаю телефонный звонок, притворяясь, будто выбрал неправильный терминал. Я быстро выезжаю в город и слежу за своими целями. Как я и подозревал, они едут в Портофино. Они хотят оказаться на пляже не потому, что любят океан, а потому, что хотят поглазеть на женщин в бикини. Удивляюсь, почему Сергей не отправил Василия. Разве не я основной приемник Александра? По крайней мере, поединок с Василием был бы настоящим вызовом. Богдан и его друг — задание скорее для ученика, который способен держать в руках хотя бы палку.

Я оставляю машину на парковке и забираю свою сумку. В подвале гостиницы я снимаю костюм и выбрасываю его в мусоросжигатель. Затем из прачечной беру простую униформу. Я выбираю форму швейцара с удобными белыми перчатками и узкими брюками.

В прачечной также находятся багажные тележки и универсальные ключи. Я засовываю глок за заднюю часть брюк, прячу остальное оружие на дне тележки и иду наверх.

Я опускаю голову и дожидаясь приказа доставить багаж постояльца в комнату.

Сделав это, я отправляюсь в номер Богдана. Я не буду стучать. Они не откроют. Я достаю пистолет, взвожу курок и открываю дверь универсальным ключом. Богдан видит, как дверь распахивается. Я нажимаю на курок. Он падает. Перезарядив пистолет, я прицеливаюсь и стреляю.

Они оба лежат на полу в агонии. Я быстро вхожу, закрываю дверь и связываю их клейкой лентой. Моё любимое дело. На всё про всё уходит тридцать секунд. Второй мужчина, неизвестный мне, плюёт в меня, и до меня доносится скрежет его зубов. Богдан тоже, должно быть, слышит его, потому что не кричит. У второго мужчины начинает идти пена изо рта, и я отхожу от него.

— Цианид? — спрашиваю я Богдана. Он закрывает глаза и кивает.

— В его зубе, — говорит Богдан, опуская голову.

— Новобранец.

— Да. Они такие серьёзные.

Мы с Богданом наблюдаем за мужчиной. Яд, который он принял, быстродействующий. Это хорошо. Раньше Сергей выдавал своим пехотинцам диметилловую ртуть. Ей требовалось намного больше времени, чтобы убить. Это было больно. Как если бы Сергей хотел в последний раз наказать их за провал. Но недостатком такого яда было то, что от злости и боли солдат мог успеть выдать тайны. Этот же мужчина уже вошёл в бессознательное состояние. С ним ничего не поделаешь.

— Богдан, почему ты такой беспечный?

Он пожимает плечами. Он не знает. Я ему верю. Сергей никогда не окружает себя теми, кто умнее него. Такой человек в конце концов мог бы сбросить его. Я иду в спальню, где разрываю наволочки на полосы, и отдаю обрывки Богдану. Он одной рукой пытается перевязать рану, поэтому я помогаю ему.

— Заживёт, ты же знаешь.

— Мы были просто предупреждением, не хотели навредить, — скулит Богдан.

Я смотрю на мёртвое тело его товарища с явным недоверием.

Богдан пытается улыбнуться, но у него выходит гримаса. Улыбка всем нам даётся нелегко. Но только не Дейзи. Кажется, она всегда улыбается. Я трясую головой, чтобы выбросить её из мыслей. Делу время, потехе час.

— Почему вы убили Александра? — спрашиваю я прямо. Мне нужно услышать историю Богдана. Он скажет то, что сказала бы Братва.

— Он влюбился не в ту женщину.

Богдан языком нащупывает капсулу с ядом в зубе, будто насмехаясь надо мной. Я хочу ударить его за ложь, но жду. Терпение. Мы оба знаем, что если бы он собирался использовать яд, то сделал бы это в первые же секунды после того, как я выстрелил в него.

Никотиновая вонь от одежды Богдана перебивает смрад крови мёртвого мужчины на полу. Я шарюсь в одежде Богдана, пока не нахожу сигареты. Вставляю ему в рот одну и прикуриваю.

Он благодарно кивает, делает пару затяжек и начинает.

— Она пришла две недели назад. Злая. Сказала папе, что Александр *мудак*. Сергей ответил: «Что нового?»

Я киваю. Александр был сволочью. Мы все это знали.

— Она кричала на отца, что хочет выйти замуж за Александра, но он не хочет на ней жениться. Он хочет просто трахать её при любой возможности.

Тяжесть наваливается на меня. Александра убили из-за женщины. В этом больше смысла, чем в простой неверности Александра, но меня не покидает ощущение, что мне известна не вся история. Я снова думаю о Дейзи, о том, чтобы трахать её, и задаюсь вопросом, будет ли она злиться из-за того, что я не смогу на ней жениться. Я вижу её несчастное и заплаканное лицо. Дейзи. Я снова трясую головой. Я не должен думать о ней сейчас.

— Значит, Сергей решил убить Александра только потому, что так сказала она? — спрашиваю я.

Богдан неопределённо пожимает плечом.

— Сергей сказал своей дочери: «Я позабочусь об этом. Никто не трахнет *Братву*». А потом он исчез.

— Он сделал это не один.

Богдан трясёт головой:

— Я не знаю. Он взял с собой Дэниела. Может, Василия, а может, Григория.

Меня шокирует, что он назвал имя Дэниела. Он играет глубже, чем я подозревал, но с этим я разберусь позже. Мне нужно понять масштабы своей мести.

— Теперь она счастлива?

— Нет, она узнала об этом через два дня. Думаю, она хотела просто потрахать.

Богдан кривит губы вокруг сигареты. Я подавляю желание заставить его сожрать эту сигарету.

— Она ворвалась, как шторм, начала кричать и плакать. Драться с отцом. Нон-стоп.

Орала, что он разрушил её жизнь. А он сказал, что вправе защищать и мстить за неё. Она днями не выходила из своей комнаты, и он принёс ей свои извинения.

— А сейчас ты здесь, чтобы рассказать эту историю мне.

— Сергей знал, что тебе это не понравится.

— Тем не менее, он начал действовать.

Богдан отводит взгляд в сторону, тяжело дыша сквозь сигарету. Она уже почти истлела. А я и пальцем не шевелю, чтобы вытащить её из его рта. Со связанными за спиной руками Богдан не может двигаться свободно. Он выплёвывает сигарету на ковёр, а затем плюёт сверху, чтобы затушить. Ковёр всё же начинает загораться, и Богдан встаёт на колени и тушит сигарету, обжигаясь сквозь шерстяные штаны.

— Ты отпустишь меня? — с надеждой просит Богдан.

— Я не могу этого сделать.

Богдан наклоняется вперёд, возможно, он попытается атаковать меня с колен. Кому — то другому это могло бы удасться из этой позиции, но не Богдану. Я немного отхожу назад, и Богдан падает носом в ковёр.

— Тебе следует принять яд, Богдан. Кажется, он быстро действует.

Я встаю, готовый уйти.

— Стой, Николай. Не делай этого.

— Чего? — я поворачиваюсь и складываю руки на груди. В окне я вижу своё отражение с круглыми щеками и в красной форме швейцара. Я выгляжу, как клоун. Клоун с пистолетом и глушителем. Я опускаю руки. — Богдан, ты пришёл ко мне. У меня есть работа. Я её выполняю. Не вмешивайся.

— Ты никогда не сможешь выйти из дела, — рычит Богдан. — Ни один из нас не сможет.

— Это они мне и сказали, когда мне было шесть и я попал в команду Александра. Что я никогда не смогу выйти. Но я вышел.

Богдан выглядит так, будто разрывается между желанием ударить меня и заплакать.

Но он не делает ни того, ни другого. Вместо этого он умоляет:

— Не оставляй меня тут.

— Я не могу взять тебя с собой, Богдан. Я выполняю работу, которую ты, кстати, прервал.

Я разворачиваюсь, чтобы выйти отсюда.

— Возьми меня в свою сеть. Помоги исчезнуть. Пожалуйста.

Ненавижу, когда они умоляют. Сомнительная попытка манипулировать мной через чувства, хоть и знают, что у меня их нет.

— Я знаю, что ты работаешь с какой-то сетью. Я могу стать её частью, просто протяни мне руку помощи, — предлагает Богдан.

— Чушь, Богдан, — взрываюсь я, — ты всегда пытаешься что-то продать. При первых признаках опасности ты продаешь всё, что можешь. У тебя ещё есть что предложить? Какую информацию ты можешь мне предоставить?

— Любую, — Богдан начинает плакать. Вскоре он, без сомнения, обмочится. Номер уже пахнет, как туалет.

— Я не могу доверять тебе, Богдан. В тебе нет ни капли верности.

— Как и в тебе. Мы не такие уж и разные, — он плачет.

Независимо от наличия у меня сочувствия, Богдан должен исчезнуть. Я кривлю губы:

— Между нами нет ничего общего. Я никогда не предаю друга или партнёра ради того, чтобы выжить.

— Ты предашь ради девчонки.

На мгновение моё сердце останавливается. Откуда Богдан знает о Дейзи? Мне требуется несколько секунд, чтобы вернуть самоконтроль и не атаковать его. Я успокаиваю себя, ведь если я начну, то буду сдирать с него кожу, пока не получу все ответы. Я заставляю себя расслабиться.

— Девчонка, Богдан? Не смей меня. Где же эта шлюха, в которую я влюблён?

Богдан втягивает воздух одной ноздрей.

— Когда-нибудь появится.

Ха, Богдан ничего не знает. Я иду к выходу из номера, и сквозь меня сочится облегчение.

— Когда-нибудь, — кричит Богдан мне в спину. — Когда-нибудь, как и для Александра, какая-нибудь девчонка станет твоей погибелью.

Я останавливаюсь, задерживая руку в белой перчатке на ручке двери:

— Значит, тогда я буду жить для чего-то действительно важного.

— Тогда принеси мне успокоение, — просит Богдан. — Ты же знаешь, я не могу принять яд. Ты же знаешь.

Богдан католик. Он крестится перед каждым убийством, изнасилованием или нападением. Он верит, что если отравится, то попадёт в ад. Не за все свои злодеяния, а именно потому, что последним поступком в его жизни станет самоубийство. Я потираю надпись на своей груди, слушая хныканье и мольбы за спиной. Милосердие.

Я поворачиваюсь и стреляю.

По прибытии в аэропорт я выясняю, что мой рейс задерживается. Я немного торгуюсь в кассе, предлагая больше денег, чтобы улететь как можно быстрее. Телефон раздражающе молчит. Не знаю, пойдёт ли Дейзи в кафе без меня. Лишь бы она не решила, что больше не будет со мной разговаривать.

Дейзи не из тех, кто должен ждать. Если она придёт в кафе, вокруг неё там будут кружить дюжины волков, чувствуя её страдания, выжидая момента, чтобы напасть. Мои ноздри раздуваются, а рука агента по продаже билетов лихорадочно тянется к тревожной кнопке.

— Извините, — говорю я, чтобы успокоить её. *Дурак*. Идиот. Я одариваю её своим лучшим пристыженным взглядом, который перенял у Дейзи, когда она думала, что я потратил слишком много денег на неё в торговом центре. Она ещё не поняла, что я буду продолжать спускать на неё свой заработок, чтобы дать ей такую жизнь, которую она заслуживает. Я уже заказал ей кожаную куртку, которой она восхищалась в магазине, и её уже доставили в мою квартиру. Я отдам ей куртку после того, как испорчу её тоненькое пальто.

Это правильные мысли, поэтому агент одаряет меня улыбкой и убирает руку с тревожной кнопки.

— Есть один рейс через сорок минут, но, боюсь, вы не успеете дойти до выхода на посадку.

Я успею.

— Звучит прекрасно.

Я передаю ей свой билет, и она вносит изменения.

Я всё же успеваю к выходу и прибываю в Миннеаполис без лишнего промедления. Но я всё равно не успеваю на свидание с Дейзи, от которой до сих пор не приходит ответа. Хотя я и понимаю, что её уже нет в кафе, я всё равно мчусь туда. Глупо было надеяться, *что ей нравится это место и она может вернуться*. Конечно же, её там не оказывается.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Я ударяю кирпичную стену ресторана, но это не спасает от негодования. Две девушки, проходящие мимо, смотрят на меня в ужасе. Я хочу обнажить зубы и показать им, чего действительно стоит бояться. Закрыв глаза, я опираюсь головой о кирпичную стену. Ночной воздух должен освежать, но всё, о чём я могу думать, — лишь Дейзи, сидящая здесь в одиночестве, ожидая меня. Были ли ей холодно? Нуждалась ли она во мне? Чувствует ли она сейчас себя нежеланной? Я выпускаю низкий стон отчаяния.

Неужели я позволю ей ускользнуть?

Я решаю написать ей снова.

Дейзи, я здесь в кафе. Знаю, что опоздал на два дня, но я не мог отменить командировку.

Прости меня. Пожалуйста.

Я прислоняюсь к кирпичной стене. Меня удивляет её мобильный. Он дешёвый и на нём

должно быть трудно набирать сообщения. Это хорошо, потому что ей будет тяжело переписываться с другими мужчинами, но плохо, потому что это усложняет общение со мной.

В следующую встречу я разобью её телефон, случайно, конечно же, что позволит мне купить ей новый. Вдохновлённый своим новым планом, я решаю прямо сейчас пойти в магазин сотового оператора и купить новый телефон. И в нём будет GPS навигатор, лишь для того, чтобы я знал, что она в безопасности.

Мой телефон сигналил, и я немедленно смотрю на экран. Это она. Моё дыхание учащается.

Почему ты не написал или не позвонил мне?

Хороший вопрос. *Я был занят, убивая двух русских преступников*, но это неправильный ответ.

Я написал тебе сообщение три дня назад перед отъездом. Ты не получила его?

Я не получаю немедленного ответа. Возможно ли, что она не получала моих сообщений? Я делаю скриншот и отправляю его ей в доказательство. Эта функция должна быть в её телефоне. Возможно, мне не придётся его ломать. Просто объясню ей, что он неправильно работает и его нужно заменить. Может быть, подарок поможет ей быстрее простить меня. Я чувствую себя лучше. *Хорошая работа, Николай. Это умно.*

Как ты видишь, я отправлял тебе сообщение. Тысяча извинений за то, что так неуважительно отнёсся к твоему времени. Позволь мне всё исправить.

Придя в магазин, я беру последнюю модель смартфона.

— Новый мобильный оператор, сэр?

— Нет, не надо.

Мне придётся активировать телефон после того, как подарю ей его.

Я быстро и без лишних вопросов завершаю покупку.

Ох. Я не получила его. Чувствую себя глупо. Ты не представляешь, как долго я ждала.

О, Боже, я заставил её чувствовать себя одиноко и неуверенно. Я должен зарезать себя в наказание.

Я прошу тебя о возможности стереть этот неприятный инцидент из памяти. Дай мне ещё один шанс. Обещаю, на этот раз я не подведу тебя, лапочка.

Я жду ответа, но он всё не приходит.

Я возвращаюсь домой и жду. Ночь всё темнее, но ответа так и нет. Возможно, Дейзи в

праве отклонить все мои попытки. Почему она должна хотеть быть с такой грязью, как я?

Произошедшее за последние сорок восемь часов тяготит меня. Я убил двух человек, пока она пыталась себя прокормить. Я убиваю людей за деньги, и если она узнает, то плюнет мне в лицо. С того момента, как я заметил её, наблюдая за мистером Брауном, я знаю, что она ангел. Мысли о Дейзи заставляют моё тело изнывать. Мой член твердеет, придавливая яйца вплотную к телу.

Внезапно я вспоминаю, что у меня есть кое-что от Дейзи. Джинсы, в которых я был во время противостояния в прачечной, валяются в углу. Из заднего кармана я вытаскиваю бледно-розовый хлопок, который касался попки Дейзи, её половых губок и мягкой копны волос между её ножек. Я нюхаю их, но они пахнут только моющим средством, которое смыло тот запах, что я желал.

Тем не менее... Я расстёгиваю джинсы и достаю свой член. Мне трудно представить Дейзи в этом пустынном пространстве, которое я называю своим жилищем. Я закрываю глаза и фантазирую, что мои руки — это руки Дейзи, а я только что снял эти трусики с неё.

Промежность трусиков всё ещё мокрая из-за двойного слоя ткани, и я использую это, чтобы увлажнить свой член.

Я представляю, как бы она встала на колени и провела языком по всей моей длине.

Мой член широко бы растянул её рот. Я запустил бы руки в её волосы, двигал бы её с лёгкостью скользящую голову. Она невинна, поэтому не смогла бы захватить всю мою длину. Ей пришлось бы использовать свои ручки, чтобы подкручивать мой член, посасывая.

Я оборачиваю розовый хлопок вокруг своего эрегированного члена так, чтобы шёлк плотно впился в него, представляя, что это её губки. В моём воспалённом воображении её тело рядом с моим, обнимает меня.

Изображение меняется, и вот Дейзи сидит на моём матрасе и наслаждается, глядя на мой член. «Потрогай себя, — говорю я ей, и она нежно опускает ручку между ножек. — Расставь ноги шире, я хочу видеть всю тебя».

И она подчиняется. В моём воображении её возбуждение блестит в самом центре, и я могу слышать сочные прикосновения её пальчиков к влагалищу. Я хочу нарисовать его подробнее, но не могу. Этого оказывается достаточно, и в мой живот выстреливают тонкие белые нити. Спотыкаясь, я падаю на матрас. Рука всё ещё сжимает мой ноющий член. Этого мало. Телефон хранит молчание. Квартира, кажется, погружена в могилу.

Я никогда не буду достоин Дейзи. Но я болен и одинок. Свободной рукой я беру телефон и набираю номер.

— Массажный салон «На высоте», — отвечает весёлый голос.

— Мне нужна девушка на дом, — говорю я.

— У Вас есть какие-то предпочтения?

Я уже собираюсь сказать «нет», но затем говорю:

— Средний рост, светло-каштановые волосы, не слишком худая.

— Гло... — она начинает называть имя, но я прерываю её.

— Передайте ей, что этой ночью она будет Виолеттой.

— Конечно. Виолетта.

Виолетта стучится в мою дверь через тридцать минут. Я впускаю её. У неё нет ничего общего с Дейзи. Её грязные волосы слишком блестят. Глаза карие, а не голубые. И она слишком худая. Я могу видеть её ребра, когда она приоткрывает пальто, чтобы продемонстрировать мне свои ноги в чулках и подвязках. Она улыбается, глядя на меня. Я

качаю головой в ответ на её наивность. Я выгляжу молодо, у меня хорошее телосложение, и она автоматически думает, что работа будет лёгкой. Но я сильный, и могу сделать ей больно.

У неё нет инстинкта самосохранения. Ей повезёт, если она доживёт до своего двадцатипятилетия.

Её костюм был бы сексуальным для кого-то ещё, но я остаюсь равнодушным. Через плечо я оглядываюсь на квартиру Дейзи. Опасаясь, что она может увидеть меня, я подхожу к окну и закрываю жалюзи. Это глупо. Моя Дейзи слишком доверчивая, чтобы смотреть в окна, выглядывая меня.

Девушка, которую я назвал Виолетта, снимает своё пальто и оглядывается в поисках места, куда его положить. Я беру его и бросаю на кухонную столешницу.

— Ты только что въехал? — она оглядывает пустое пространство вокруг.

— Угу, — я не хочу, чтобы она запомнила меня как «русского парня», поэтому сознательно разговариваю на американском сленге. — Пока мебели нет.

Она пожимает плечами.

— Где ты хочешь это сделать?

Я сажусь на стул и достаю презерватив.

— Только минет?

Её удивляет мой кивок.

— И презерватив. Какой предусмотрительный мальчик.

Не предусмотрительный, а умный. Я расстёгиваю джинсы и достаю член. Он вялый, но его длина всё равно заставляет глаза Виолетты расширяться.

— Какой хороший у тебя багаж.

— Я хочу, чтобы ты отсосала мне, — говорю я.

Я не хочу вести с ней беседы. Я хочу трахаться. Я хочу облегчения. Я помогаю себе, думая о Дейзи и смятых трусиках, валяющихся в моей раковине. У меня сразу же встаёт.

Проститутка подходит и встаёт на колени между моих ног. Пол здесь достаточно жёсткий, и я раздумываю, не дать ли ей подушку, но я не хочу, чтобы она прикасалась к моим вещам. Я едва ли хочу, чтобы она прикасалась ко мне.

Она опирается руками на мои ноги и опускает свой рот на мой член. Я хватаю её за волосы и оттягиваю голову назад. Один взгляд на её всезнающее лицо, и моя эрекция пропадает. Я не хочу никого, кроме Дейзи. Этот поддельный цветочек, который я заказал, ничего не сможет мне дать. Я встаю так резко, что она падает в сторону. Я пересекаю комнату, беру её пальто и вытаскиваю из своего кармана сто долларов. Я бы хотел дать ей больше, но она запомнит меня и будет обо мне говорить.

— Извини. Я забыл, что у меня встреча.

Она смотрит на меня неуверенным взглядом, но быстро хватается за деньги и пальто.

— Если передумаешь, просто скажи, что снова хочешь Виолетту.

Я киваю. Но уже не передумаю. Теперь для меня существует только Дейзи.

— Вы уверены, что хотите эту работу, милочка?

Пожилой мужчина смотрит на меня более чем скептически.

— Вы слишком хорошенькая для ночной смены на заправочной станции. Не обижайтесь, но для молодой девушки эта работа не самая безопасная.

Я сглатываю, рукой разглаживая воротник тёмно-синей форменной футболки-поло, которую мне выдали в компании. Сегодня мой первый рабочий день, и Крэйг — пожилой владелец автозаправочной станции — показывает мне, как заполнять реестр. Через пару часов он уйдёт, и до двух часов ночи я останусь одна, пока не придёт мой сменщик.

Не то чтобы я действительно хочу эту работу. Оплата минимальная. Счётчики грязные, да и всё помещение в пыли. Под скептическим взглядом Крэйга я действительно чувствую себя очень молодой, но у меня нет выбора. У меня нет денег. В моей копилке меньше двух сотен, а продуктов в холодильнике с каждым днём становится всё меньше.

— Я хочу эту работу, — говорю я с улыбкой. — Не волнуйтесь обо мне.

Это единственное место, откуда мне позвонили. Конечно же, я хочу эту работу. Она *нужна* мне.

— Хорошо, — говорит он неохотно, и мы заходим за прилавок магазина. Здесь столько всего, что нужно выучить: как расставлять лотерейные билеты, как выключать насосы, как изменять вкус газированных напитков. Не говоря уже о миллионе других вещей, поэтому я всё помечаю в своём блокноте. Наконец он показывает мне камеры видеонаблюдения, тревожную кнопку на случай ограбления, бейсбольную битку под прилавком и разобранный электрошоковый пистолет Тазер, который хранится за часами в складском помещении. На всякий случай, как говорит Крэйг.

— Здесь когда-нибудь случались ограбления? — спрашиваю я, когда он показывает Тазер. Мне становится немного некомфортно рядом с этими средствами самозащиты. Это напоминает мне о жизни в доме отца, как он сидел ночами напролёт с оружием в руках в ожидании нападения, которое никогда не произойдёт.

Насколько плохо может быть на автозаправке?

— Два раза, — говорит он, и моё сердце замирает. — Но только в праздники. Я не заставлю тебя работать в эти дни, — он гладит меня по руке. — Я живу на этой же улице.

Если тут будут нарушители, звони мне, хорошо?

Я киваю. Номер Крэйга записан в начале моего блокнота большими жирными цифрами. Я его не забуду.

В конце концов, Крэйгу нужно уходить, и я импульсивно обнимаю его. Он мне нравится. Крэйг хороший старик и напоминает мне моего давно умершего дедушку. Крэйг, похоже, доволен моим объятием и указывает на блокнот, зажатый в моих руках:

— Запомни. Звони мне.

— Я помню, — искренне говорю я. — Позвоню.

Он уходит, и теперь управление магазином ложится на меня одну. Я делаю глубокий вдох. У меня получится. Новая Дейзи сможет это сделать. Старая была бы в ужасе, но она

больше не является мной. Это крутится в моём подсознании, и я стараюсь не замечать дрожи в руках, когда приходит клиент, чтобы купить газировки. Я обращаюсь к клиенту, отдаю ему чек, а когда он выходит, с облегчением выдыхаю. Отец не смог бы даже представить меня такой сильной, такой независимой, но вот я здесь, впервые работаю, как нормальная девушка. Я в полном ужасе — отцовская беспочвенная боязнь нормального мира оставила след и на мне, но я сильнее, чем мой страх.

Я смогу сделать это.

После первого клиента всё становится не так уж и плохо. Поздней ночью большинство людей рассчитывается картой прямо у бензоколонки. Рейган одолжила мне несколько своих учебников, и время от времени я выполняю некоторые упражнения, чтобы быть готовой к поступлению, когда смогу позволить себе это. Поэтому между теми немногими клиентами, что заходят за сигаретами, лотерейными билетами или пивом, я читаю один из таких учебников. От долгого стояния мои ноги болят, но эта работа не так уж плоха. К концу этой смены у меня будет шестьдесят два доллара без учёта вычета налогов.

Крэйг сказал, что нам будут платить еженедельно, поэтому я хочу работать больше.

После десяти над дверью звонит колокольчик, сообщая мне о приходе клиента. Я поднимаю глаза от учебника и выпрямляюсь, чтобы увидеть входящего.

Я узнаю эти высокие скулы, резкие брови и пронзительные серые глаза на хмуром лице.

Ник.

Моё тело застывает. Я не знаю, что делать. Мне больно, оттого что он не побеспокоился о встрече в другой день, и я очень смущена. Его сообщения кажутся искренними, но ведь врать не так уж трудно, когда не смотришь собеседнику в глаза. Однако поведение ревнивой жены из-за пропущенного кофе будет выглядеть глупо. Может, мне сыграть холодную Дейзи или обычную? Даже не представляю, как это сделать.

Я пытаюсь произнести «привет», но все слова застревают в горле. Вместо того чтобы показать себя уверенной и беззаботной женщиной, я таращусь на него, будто меня окатило холодной волной, и выгляжу, как идиотский мим.

Успокойся, Дейзи.

Его нахмуренный взгляд сосредотачивается на мне, и я вижу, как его глаза изучают обстановку. Они задерживаются на логотипе АЗС на моей футболке, затем оглядывают пустой магазин и возвращаются ко мне.

— Что ты тут делаешь, Дейзи?

Мой рот открывается для приветствия... И тут же закрывается. Почему я здесь? Не такой вопрос я ожидала от него услышать. Я делаю слабый жест, указывая на свою футболку.

— Это небезопасно, — констатирует он. — Ты должна уйти.

— Я... — я сплываю, слова застревают от его неодобрения. Я такая дура. Почему мне так важно, одобряет он мою работу или нет?

— Я работаю здесь. Следующая смена начнётся в два часа.

Ник кажется расстроенным. Его рот вытягивается в мрачную линию, он переминается с ноги на ногу, оглядывая пустую автостоянку.

— Эта работа не подходит для такой девушки, как ты, Дейзи. Ты должна уволиться.

Этот приказной тон сметает всю мою неловкость. Такая девушка, как я? Которая должна жить взаперти от всего небезопасного мира? Он говорит так же, как мой отец. Мой рот искажает хмурая гримаса:

— Вы будете что-нибудь покупать? Если нет, то вам лучше уйти.

После моих слов он мгновение выглядит удивлённым, даже поражённым, будто я должна была разразиться словесным потоком, вместо простого отказа. Но он не расстраивается, лишь криво усмехается своим жёстким ртом.

Эта усмешка снова заставляет меня растеряться, но я всё ещё злюсь. И всё ещё помню, почему. Он подставил меня. Ему даже не хватило совести, чтобы лично объяснить мне, почему он не сможет прийти. Нет, он позволил мне просидеть в кафе несколько часов и чувствовать себя полной дурой. Все в кафе понимали, что меня кинули со свиданием. И теперь он пытается улучшить ситуацию с помощью нескольких сообщений.

И я чувствую себя ещё глупее, потому что это я предала нашей дружбе слишком большое значение. Если бы я не преувеличивала то, что у нас было, он не смог бы меня так унижить.

Как будто я ничего не значащий пустяк.

Он кладёт руки на прилавок, и я вижу буквы, как я уже знаю, кириллические, вытатуированные на костяшках его пальцев.

— Дейзи, — бормочет он до боли приятным гудением. Я ненавижу себя за то, что мне нравится этот голос, — ты не ответила на мои сообщения, и я должен объясниться.

— Здесь нечего объяснять, — говорю я. — У нас было свидание в кофейне, — о, нет, я сказала свидание! — Ты не пришёл.

Я чувствую, как моё лицо пылает от этих слов. Я переступаю с ноги на ногу и делаю шаг назад, так как Ник подходит ближе. Мой взгляд падает на парковку, куда заезжает видавший виды Курзер. Из него выходит парень моих лет в узких джинсах и с длинными волосами, торчащими из-под вязаной шапки. Он заходит в магазин. Нику придется отойти от прилавка.

Но он не двигается с места. Его пальцы стучат по прилавку, пока он изучает меня.

— Я должен извиниться, — говорит он. — Появились причины, по которым я должен был уехать из города. Я пытался отправить тебе сообщение.

Я смотрю на него удивлённо, немного смягчаясь.

— Ты уезжал из города? По семейным обстоятельствам?

Они сделают ситуацию лучше. Это ужасно, но я надеюсь на плохое самочувствие его дяди или тёти, а затем ненавижу себя за эти мысли.

— Нет.

Я ожидаю дальнейших объяснений, но он ничего не говорит. Через секунду он нажимает что-то на своём телефоне. Мой телефон звенит — Ник присылает мне фото.

Приложение с немного кривой картинкой спрашивает меня о загрузке.

— Я не могу принять твою картинку. У меня переполнена память.

Мне нужно купить новый телефон. Жаль, что при покупке этого я не добавила денег на память.

— Тогда, скорее всего, ты не получила множество моих сообщений.

Я с огорчением смотрю на свой телефон. Во мне ещё кипит злость на него, но теперь я чувствую себя немного глупо. Как будто у моей злости нет причины. Не знаю, что делать. Я смотрю на Ника, а он просто загадочно улыбается, как будто это всё объясняет.

По какой-то причине эта улыбка злит меня ещё больше. Всё равно как если бы он сказал: *«Видишь? Это не моя вина, просто у тебя дешёвые вещи»*.

Осторожно глядя на Ника, к прилавку подходит клиент. Он стоит как вкопанный, его глаза бегают от меня к Нику и снова на меня. Будто он не уверен, стоит ли ему уйти или всё же остаться.

— Вы покупаете что-то? — снова спрашиваю я Ника. — Если нет, я должна попросить вас уйти.

Глаза покупателя расширяются, и он делает шаг назад.

Ник лишь усмехается моему нахальному тону. Он стучит по стеклянной прилавку.

— Я возьму лотерейный билет.

Я спокойно отрываю от рулона билет и отдаю ему. Он оплачивает и отходит.

А моё сердце немного разочаровано стонет.

Но он не выходит из магазина. Вместо этого он начинает стирать лотерейный билет, взяв крышку от моторного масла. И он всё ещё наблюдает за мной.

Парень с парковки подходит к прилавку:

— Пачку сигарет, пожалуйста, — он выглядит немного нервно, как будто присутствие Ника его напрягает. Когда я подаю ему сигареты, он практически выхватывает пачку у меня из рук, бросает деньги и выбегает.

Теперь я снова наедине с Ником.

Я не нервничаю, как тот парень. Потому что Ник не пугает меня. Он вызывает боль и стыд, но не пугает. Мои мысли возвращаются в тот день, когда я просидела в кофейне так долго, что всё смотрели на меня с неприкрытой жалостью. Я надела мой новый любимый лифчик и трусики, только так я чувствую себя красивой перед ним.

Не то чтобы это имело значение.

Ник снова подходит к кассе, по-прежнему держа в руке лотерейный билет.

— Вы... вы хотите забрать выигрыш?

Я не могу придумать другой логической причины, почему он всё ещё здесь.

— Это для вас. Подарок.

Он протягивает мне билет.

Я трясусь головой:

— Я не могу его взять. Мне действительно следует вернуть вам выигранные деньги.

Он поднимает руку, чтобы заставить меня замолчать.

— Ты должна позволить мне извиниться, Дейзи.

Его голос словно шёлковая ласка, а серые глаза сковывают.

— Если бы у меня был другой выбор, я был пришёл туда, на встречу с тобой. Честное слово.

Убедительность его слов заставляет меня немного оттаять, мой пульс немного замедляется. Как ни странно, я ему верю.

— Ты должен был прийти и поговорить со мной. Ты знаешь, где я живу. А сообщение — это так... бесчувственно. Как будто я ничего не значу для тебя.

— Значишь, — его взгляд вдруг становится таким пронзительным, что просто прибавляет меня к стене. — Никогда не сомневайся в том, что ты для меня значишь.

Меня бросает в жар, щёки вспыхивают. Сомнительно.

— Ты должен был прийти и сказать мне всё лично. Чтобы я не пропустила сообщение, ты же знаешь, что мой телефон барахло, — хнычу я. Знаю, мне бы просто хотелось увидеть его лицо, когда он извиняется. Увидеть его снова — и есть единственная причина. Но он здесь, а я веду себя как обиженный ребенок.

— Да, — соглашается он, — должен был. И не сделал. Это было грубо, — он наклоняет голову, признавая вину. — Мы увидимся снова?

— Выпить кофе?

— Кофе, да.

— Я не знаю.

У меня никогда не было друзей, тем более мужского пола. Я не знаю, как относиться к теоретическому отказу и пропущенным сообщениям. Мне всё ещё больно, и я не хочу соглашаться на встречу, чтобы мне снова причинили боль.

— Я не хочу идти в то же место.

Мне всё ещё стыдно от сочувствующих взглядов бариста.

— Я сделаю лучше, — Ник вытаскивает кусок газеты из кармана пальто и кладёт его на прилавок передо мной.

Я насмешливо смотрю на него, но он жестом показывает, чтобы я развернула кусок газеты. Через секунду нерешительности я делаю это. Это расписание киносеансов. Я тронута. Неужели он заметил, как я пялилась на рекламные афиши в торговом центре? Как представляла какого это, сходить в кино?

Я не упоминала об этом, но Ник так пристально за мной наблюдает. Должно быть, он заметил это и запомнил. А сейчас вспомнил и приглашает меня туда, куда я действительно хочу.

— Ты хочешь пойти в кино? — спрашиваю я.

— С тобой я пойду куда угодно, — его рот всё ещё вытянут в чересчур тонкую линию, как будто мы обсуждаем очень серьезный вопрос. — Но начнём мы с кино. Завтра вечером?

— Я свободна, — охотно соглашаюсь я. У меня будет много свободных вечеров.

Крэйг не хочет давать мне все вечерние смены, говорит, так я собью график сна.

И вот я стою и выдаю всю информацию, как дурочка. Жар на моих щеках возрастает.

— Тогда мы идем?

Дрожащими пальцами я беру своё расписание. Мой дар речи снова куда-то пропадает.

Это просто извинение? Возможно, ему всего лишь хочется посмотреть фильм, не идти же одному. Или ему просто нужен друг. Но слова, вырвавшиеся из моего рта, не имеют ничего общего с этими мыслями:

— Это свидание?

Уголок его рта поднимается в улыбке, настоящей улыбке, и я вижу блеск его белоснежных зубов. Он так красив, что его вид будто сковывает меня.

— Да. Да. Свидание. Если не завтра, то послезавтра.

Я должна сказать «нет». Но Ник улыбается мне, а кинотеатр будто шепчет моё имя, так что я беру кусок газеты и говорю:

— Оно должно быть завтра вечером, позже у меня работа. Я пока что не могу просить о выходном.

Он хмурится, его большие плечи становятся жёстче.

— Эта работа не для тебя, Дейзи. Ты должна уйти. Это опасно.

— Не начинай снова, Ник, — я складываю бумажку и засовываю её в карман брюк. — Я самостоятельный человек, спасибо.

Он рассматривает это, и меня.

— Назови меня по имени ещё раз, — просит он.

Это так... интимно. Я оглядываюсь, но в магазине нет никого кроме нас. Никто не услышит, как я повторяю его имя, чтобы сделать ему приятно. А мне хочется сделать ему приятно. Поэтому я делаю небольшой шагок вперёд, нервно заправляю волосы за ухо и говорю:

— Ник.

Мой голос звучит тихо, и я не могу поднять глаза на него.

Он медленно выдыхает и бормочет:

— *Ты так красива*, — говорю я по-русски.

— Что это значит?

— Это значит... Мне очень жаль, что я сделал тебе больно, — он наклоняется ближе ко мне, и теперь нас разделяет только прилавок. — Моя подруга Дейзи.

Почему-то я так и не понимаю значение этого до конца.

Но не спрашиваю. Он околдовывает меня. Ник склоняется ко мне так близко, что я чувствую запах его лосьона после бритья и вижу слабую тень щетины на его шее. Он великолепен, сплошная мужская сила, и я не хочу, чтобы он стоял так далеко от меня. Я хочу прикоснуться к нему. Хочу, чтобы он был ближе ко мне.

Чтобы он перегнулся через прилавок и поцеловал меня. Он выглядит так, будто хочет того же.

Мы смотрим друг на друга одно долгое заряжённое электричеством мгновение. Ни один из нас не шевелится. Затем он мягко гладит мои пальцы.

— Я напишу тебе завтра. Перед свиданием. Это обещание.

И он уходит.

* * *

Я всё ещё сплю, когда мой телефон начинает вибрировать на прикроватной тумбочке следующим утром. Нащупав свою раскладушку, я подношу её ближе и открываю. На крошечном стареньком экране появляется сообщение.

В шесть вечера у тебя на пороге.

«*И тебе доброго утра*», — думаю я. Затем протираю глаза и начинаю трудоёмкий процесс набора ответа на своём стареньком телефоне. Я хочу отправить ему что-то кокетливое, что-то смелое, что-то, что заставит его думать обо мне весь день. Я набираю и стираю полдюжины сообщений, после чего, наконец, отправляю:

Нужно ли мне взять ещё один свитер?

Теперь я хочу ударить себя по лицу за такую глупость. Нужно ли надеть свитер?

Почему бы сразу не спросить, должна ли я надеть бабушкины панталоны? Боже. Я такая идиотка.

Он быстро отвечает:

Нет. Я согрею тебя, если потребуется.

Вот так просто, и у меня снова кружится голова.

Я валяюсь в постели ещё немного, понимая, что не смогу уснуть, несмотря на отработанную позднюю смену. У меня свидание. У меня свидание!

Впервые в жизни. Мне двадцать один год, и я до сих пор ни с кем не встречалась.

Хотелось бы, чтобы всё прошло хорошо. Поцелует ли он меня? Я прикасаюсь пальцами к губам, представляя, как бы его губы давили на мои.

Он красивый, уверенный в себе, совсем не такой, как я. Мне не по себе от мысли, что он опять меня подставит, и я останусь душой дважды. Я смогла бы понять, если бы он хотел дружить. Но встречаться? Встречаться — это что-то абсолютно другое.

Мне нужна помощь Рейган. Уж она-то знает, что делать.

Я бросаю телефон на кровать и замираю. Сейчас почти полдень. У меня более чем достаточно времени, чтобы собраться. Я иду в гостиную, где Рейган сидит на диване и болтает с Бэккой. Я машу им рукой и иду завтракать на кухню, пока они разговаривают.

Бэкка — подруга Рейган, и она немного отталкивающая. У неё идеальные рыжие волосы с несколькими белыми прядями и одевается она очень дорого. В то время как Рейган излучает радостную теплоту, Бэкка является полной её противоположностью. Она холодная и надменная, я чувствую её осуждающий взгляд на своей крысиной пижаме, когда прохожу мимо. Она давняя подруга детства, и я чувствую, что она не впечатлена нашей квартирой и терпит это место только из-за дружбы с Рейган... но её неодобрение распространяется и на меня.

Бэкке трудно рядом с моей вновь обретенной уверенностью в себе. Я стараюсь полюбить её, поскольку она подруга моей соседки и часто приходит сюда, но я всегда чувствую её осуждение и неодобрение, и это отталкивает меня. В общем, я хочу, чтобы она ушла, потому что мне необходимо спросить у Рейган, что надеть на свидание.

Я делаю тост и жую его, стоя на кухне. Бэкка и Рейган оживлённо обсуждают учёбу и парней. Бэкку только что бросил её последний парень, и она хочет пойти на охоту в местный клуб. Рейган не уверена, обрадуется ли Майк, если она пойдёт, и я вижу, что она хочет отказать Бэкке, но ей не хватает смелости.

Рейган уже почти поддаётся уговорам, как вдруг смотрит на меня. Её взгляд светлеет:
— Эй, соня! Ты наконец-то встала.

Я улыбаюсь и перехожу в гостиную, чтобы присесть напротив них:

— Я допоздна работала.

Глаза Бэкки излучают заинтересованный блеск, и она переключает своё внимание на меня:

— Ты работаешь в сфере развлечений, Поллианна?

Я вздрагиваю от этого прозвища. Рейган только однажды назвала меня Поллианной при Бэкке, и теперь она всегда называет меня этим именем. Хотя я не думаю, что она делает это с той же любовью, что и Рейган.

— Нет, я работаю на автозаправке.

Она даже слегка отшатывается, и её интерес моментально испаряется:

— Звучит ужасно.

Я пожимаю плечами:

— Не так уж и плохо.

Мне нужна работа и деньги. Если я отработаю полных сорок часов в течение каждой из двух следующих недель, то смогу заплатить за аренду. А если нет, даже не знаю, что буду делать. И это без учёта продуктов и автобуса, но я буду решать по одной проблеме за раз.

— Сегодня мы собираемся в клуб, — говорит Бэкка тихим голосом, откидывая за спину свои блестящие рыжие волосы, — чтобы снимать парней. Пойдёшь?

Я перевожу взгляд на Рейган, скрежившую пальцы и посылающую мне беспомощные умоляющие взгляды за плечом Бэки. Она хочет, чтобы я пошла. Наверное, потому, что вместе со мной она могла бы хоть как-то усмирить Бэку там. Я никогда не была в клубе и не прочь пойти, но у меня другие планы:

— Я не могу. У меня свидание.

Обе девушки тут же оживляются:

— У тебя свидание, Поллианна? — спрашивает Бэка так, будто я заявляю, что у меня три головы.

— Это потрясающе, — говорит Рейган, вставая с дивана и подходя ко мне. — С кем?

— Просто парень, с которым я познакомилась в прачечной.

Я решаю не рассказывать им о поездке на мотоцикле, походе по магазинам или о том, что я ношу трусики, которые он мне купил.

Рейган хмурится:

— Подожди. Это же тот самый парень, который кинул тебя с тем свиданием? Это было неприятно.

Она помнит, как больно мне было.

— Я даю ему второй шанс, — упрямо говорю я. — И не хочу это обсуждать.

— Ох, Поллианна, — говорит Бэка с укором. — Ты не должна соглашаться на свидание с парнем только потому, что он тебя пригласил. В городе много милых парней.

Тебе нужно больше выходить со мной и Рейган. Мы познакомим тебя с хорошими парнями, — она светлеет. — В клубе, например.

Рейган фыркает:

— Ты просто хочешь, чтобы мы проследили, как бы ты опять не напилась и не связалась с очередным лохом.

Бэка показывает Рейган язык.

Но моя соседка вновь переключает своё внимание на меня:

— Итак, куда он тебя ведёт?

Рейган почти порхает вокруг от возбуждения:

— В какое-нибудь шикарное место?

— Мы идём в кино, — говорю я тихонько. — Это интригует. Я никогда там не была.

И я не знаю, что надеть.

— О, — говорит Рейган, оглядываясь на Бэку. — Одежда для первого свидания! Это должно быть нечто невероятное.

Бэка встаёт и ухмыляется, будто королева, принимающая подданного:

— Веди меня к своему шкафу. Мы поможем тебе выбрать одежду. А завтра вечером мы втроём пойдём снимать парней.

Рейган беззлобно стонет, но не отказывается.

— Я пойду с вами, — соглашаюсь я. — Но не для того, чтобы снимать парней. У меня есть Ник.

— А у меня Майк, — говорит Рейган, но с меньшей решимостью, чем я, скорее, смиренно.

Бэка лишь одаривает нас довольной улыбкой, будто именно этого от нас и добивалась. Она отправляется к шкафу и начинает копаться в нём.

— Боже, ничего себе у тебя тут тряпьё, — присвистывает Бэка, доставая бледно — розовую блузку, купленную Ником.

— Ты можешь позволить себе всё это на зарплату заправочного работника?

Она вытягивает пальцами этикетку из рукава.

— Хм, нет, — я не могу объяснить им это. Я сама едва ли могу осмыслить то, что всю эту одежду купил мне малознакомый парень. Это звучит... глупо?

— Парень, с которым у меня свидание, Ник, случайно налил отбеливатель в мою стиральную машинку, а потом почувствовал себя очень виноватым и поэтому взял меня в торговый центр и купил все эти вещи как замену испорченным.

Брови Бэки взлетают чуть ли не до корней волос:

— Эта блузка стоит три сотни долларов, — она тычет ценником Рейган в лицо.

— Знаю. Я не смогла его остановить.

Я беспокоюсь сжимаю свои пальцы. Что они подумают обо мне, раз я разрешила незнакомому парню купить мне одежду? Я должна была протестовать сильнее.

— Зачем же его останавливать? — спрашивает Рейган, смеясь. — Если какой-то парень захочет купить мне дорогую одежду, я определённо не буду его останавливать.

Честно говоря, эта одежда очень красивая, Поллианна, но не очень подходит для свидания.

Рейган отталкивает мои вещи в сторону.

— Эта одежда очень консервативна.

— Я знаю! — Бэка наклоняется, чтобы рассмотреть гардероб. — Я даже знаю этот бренд, они делают только консервативную одежду.

Они правы. Все вещи, купленные Ником для меня, очень скромные, за исключением нижнего белья. Джинсы узкие, но блузки нарочито чуть большего размера. Продавщица сказала, что это очень модно, да и мне понравилось. Но здесь нет ничего, что могло бы впечатлить парня на первом свидании.

А я хочу, чтобы Ник запомнил меня.

— Что мне делать?

Бэка поворачивается и отправляет Рейган самодовольный взгляд:

— Мы перероем весь твой шкаф. И если ты хочешь выглядеть распутно, мы это сделаем.

Рейган чуть не задыхается.

— Шлюшка, — ласково шепчет она Бэкке, усмехаясь, и поворачивается ко мне. — Давай посмотрим, что из этого тебе подойдёт.

* * *

Шесть часов спустя я полностью готова к свиданию. Мои длинные каштановые волосы собраны в хвост, концы закручены в локоны, а чёлка идеально уложена. На лице лёгкий макияж, а глаза подведены серым, что делает их больше и добавляет им невероятной голубизны. Ресницы закручены тушью плюс лёгкий блеск на губах в дополнение.

Даже я думаю, что это всего лишь поход в кино, но обе девушки настояли на том, что на первом свидании я должна поразить Ника. У меня нет платьев — а они решили, что я должна быть именно в нём, — поэтому пришлось одолжить его у Рейган. Оно чёрное, с кружевными рукавами до самого запястья. Декольте высокое, со скромным вырезом. Я выгляжу почти как школьница, пока не поворачиваюсь. Вся спина тоже отделана чёрным

кружевом, как и рукава.

Бэква заявила, что оно идеальное — не слишком развратное и не слишком скромное.

Рейган позволила мне взять пару круглых сережек и маленькое блестящее ожерелье.

Также я взяла пару чёрных туфель на небольшом каблуке от Мари Джейнс, которые Рейган, по её утверждению, всё равно никогда не носит.

Я чувствую себя довольной. Это всё ещё я, просто немного лучше, чем обычно.

Стильная версия меня.

Мой взгляд падает на дверь. Приближается время нашей встречи, и я переживаю, что свидание не состоится. Не заставит же Ник меня снова почувствовать себя душой из-за того, что я опять ему поверила.

Но ровно в шесть раздаётся дверной звонок.

— Это ко мне, — говорю я, затаив дыхание. Я перекидываю сумочку через плечо и хватаю свой телефон.

— Повеселись, — говорит Рейган. — И позвони мне, если нужно будет забрать домой.

Она улыбается, но я знаю, что она переживает за меня. Бэква ушла, а Рейган осталась дома на случай, если мне понадобится помощь. Она хорошая подруга.

Я останавливаюсь перед дверью, чтобы нервными пальцами пригладить причёску и поправить пальто, а затем кладу руку на ручку.

Открыв дверь, я не могу сдержать улыбку.

Он такой красивый, мой украинец. Я знаю, что влюбилась в него, как дурочка, но мне плевать. Он сама элегантность — от высоких скул и округлых бровей до ямочки на подбородке. На нём хорошее пальто, одежда полностью скрывает его тело. Он выглядит так же, как и всегда — восхитительно. На секунду я чувствую себя глупо из-за того, что потратила на сборы так много времени, ведь это всего лишь кино.

Но меня касается его тёплый взгляд, и я радуюсь, что сделала это. Он смотрит на меня и на пальто в моих руках.

— Привет.

— Привет, Ник, — я широко улыбаюсь ему.

Он кладёт руку на моё пальто:

— Ты должна позволить мне помочь тебе с этим.

Я отдаю ему пальто и поворачиваюсь спиной, взволновано дрожа. Мужчина надевает на меня пальто!

К своему ужасу, я слышу звук рвущейся ткани и приглушенные проклятия на русском языке. Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как Ник стоит своей большой ногой на моём пальто, а в руках у него наполовину оторванный рукав.

— О, нет, — я забираю свою верхнюю одежду из его рук и прижимаю к груди. Я должна быть в ужасе от того, что ещё одна моя вещь испорчена, но все мои мысли лишь о том, что мы опаздываем на свидание. Свидание сейчас гораздо важнее, чем моё дурацкое пальто.

— Я мудака, — говорит Ник унылым голосом. — Оставь пальто, я куплю тебе новое.

— В этом нет необходимости, — быстро говорю я. — На улице не так уж и холодно.

Он ворчит, соглашаясь, и берёт меня под локоть:

— Пойдём, Дейзи?

Я просовываю свою руку под его локоть, пусть ведёт. Мы спускаемся с тротуара к тому, что оказывается его машиной, не мотоциклом. Она неопишима, тёмно-серая с тонированными окнами. Седан.

— Подожди здесь, — говорит он, пока я стою на обочине.

Я дрожу, как и предполагала. Моё платье недостаточно тёплое, но спина почти голая.

«С первой же зарплаты я обязательно куплю себе куртку», — решаю я. Может быть, найду что-нибудь в комиссионном магазине.

Мои мысли улетают далеко от Ника, когда он открывает багажник и достаёт большую коробку. Он открывает её и достаёт кожаную куртку. Женскую кожаную куртку.

— Давай, надень это.

Я подхожу к нему, разглядывая отделанную кожу. Это та самая куртка, которой я восхищалась в тот день в магазине. Он приготовил её заранее?

— Ник! Ты что, специально порвал мой плащ?

— Конечно же, нет, — говорит он, но его тон показывает, что он ужасный лжец. На его губах играет слабый намёк на улыбку.

— Я мудака, да?

— Ты подлый, — говорю я ему, но позволяю надеть на себя куртку. Из-за ветра она холодная и тяжёлая. Но стоит ей согреться от моей кожи, и я чувствую себя прекрасно в ней.

— И заботливый. Спасибо, Ник. Ты должен позволить мне вернуть тебе деньги.

— Нет.

— Ник, — протестую я. — Ты не можешь портить мне вещи, а затем замещать их новыми.

Он наклоняет голову в сторону:

— Я не признаюсь в этом, но если я случайно испорчу твою вещь, разве я не должен заменить её?

— Должен, просто... Это слишком расточительно и *неправильно*.

Я изо всех сил пытаюсь объяснить ему своё чувство долга.

— Это неправильно для меня, Дейзи. Ты должна позволять мне исправлять свои ошибки, иначе я не заслуживаю того, чтобы быть с тобой.

Что-то кажется мне странным в этом заявлении, но я не могу выяснять это прямо сейчас.

Он открывает для меня пассажирскую дверь.

Я вздыхаю и сажусь в машину. Мы поговорим об этом позже. Поудобнее устроившись на сиденье, я оглядываюсь, наблюдая, как Ник садится рядом. Салон выглядит пустым, без единого признака того, что машина часто используется. Насколько я знаю, их можно арендовать. Мне хочется открыть бардачок и посмотреть, что там внутри, но это покажет меня слишком любопытной.

Он садится за руль, пристёгивается, и мы едем в кино.

Поездка проходит молча. Я чувствую, что должна сказать что-то очаровательное и приятное, чтобы сломать лёд, но ничего не могу придумать. В голове абсолютно пусто, поэтому я заламываю пальцы на своих коленях и надеюсь, что не разочарую Ника своей неразговорчивостью.

Он обращает свой взгляд на меня:

— Ты устала?

— Устала? — я касаюсь своей щеки. Я выгляжу уставшей для него? Вымотанной? Как же неловко.

— Ты работаешь допоздна.

Любопытно. Я склоняю голову на него:

— Как ты узнал?

— Ты сказала мне, что работаешь до двух часов ночи.

— Ох.

Он смотрит на лобовое стекло. Секунду спустя он признаётся:

— И ещё я переживал за тебя. И проехал мимо после нашего разговора, чтобы проведать тебя.

— Я в порядке, — говорю я. — Один из наших сотрудников живёт на этой же улице, и он сказал, что в случае чего я могу позвонить ему. К тому же, у нас есть Тазер, камеры и бейсбольная бита под прилавком. Много всего, чтобы защитить себя.

Рот Ника вытягивается:

— Это не повод меньше беспокоиться о тебе.

Огорчённая, я не отвечаю и зарываюсь глубже в свою куртку. Обновка такая восхитительная, тяжёлая и слабо пахнет кожей.

— Это работа. Я в порядке.

Я не брошу её. Не из-за упрямства. Мне нужны деньги. Я должна уметь обеспечивать себя, если хочу остаться в этой новой жизни. И я продолжу раздавать резюме в поисках лучшей работы. Но если я не смогу найти чего-то ещё, благодаря этой работе у меня будет хоть немного денег.

— Мне это не нравится, — говорит он.

— А я не спрашивала, нравится ли тебе это, — резко возражаю я.

Ник молчит.

Я ничего не говорю. Он яростно хмурится, пока мы въезжаем на парковку. Я чувствую, что всё испортила, а мы ещё даже не добрались до места свидания.

Когда машина останавливается, молчание становится ещё более напряжённым. Ник замирает на мгновение, будто размышляя о чём-то. Наверное, он изменил своё отношение к нашему свиданию. К моим глазам подкатывают слёзы. Все наши разговоры — это сплошные споры.

Чувствую себя глупо. Я уже испортила наше свидание. Бедная, глупая, маленькая Дейзи идёт на свидание и сразу же ругается из-за денег. Возможно, мы должны отпустить эту ситуацию. Возможно, он просто не знает, как сильно у меня внутри всё запуталось. Не знает, что под внешним спокойствием я плещусь в беспорядочном ужасе, ведь мне не знакомо какого это, жить свободно и быть нормальной девушкой. Наверно, он хочет обыкновенную девушку.

Но я не могу быть ей. Очень хочу, но не знаю как.

Он выходит из машины. А я глубоко втягиваю воздух, собирая всё своё мужество.

Пришло время стать смелой Дейзи и взять на себя ответственность за ситуацию. Ник открывает мне дверь, и я выхожу.

Но останавливаюсь возле машины и жду.

Он предлагает мне свой локоть, но я качаю головой. Его серые глаза мрачнеют и холодеют, а лицо становится жёстким, будто он считает, что я отвергла его.

Сейчас или никогда.

— Могу я спросить тебя кое о чём? — говорю я тихим голосом, затаив дыхание.

— Что такое? — его акцент становится сильнее. Это звучит почти как «шо».

Любопытно, его акцент всегда усиливается, когда он расстроен. Он выглядит огорчённым, будто я предала его.

— Ты уверен, что хочешь встречаться со мной?

Он хмурится:

— Почему ты спрашиваешь об этом?

Я продолжаю нервно мять свои руки, не в силах помочь себе.

— Ты не одобряешь меня и то, что я делаю. Ты продолжаешь покупать мне вещи, очевидно, потому, что моя одежда недостаточно хороша для тебя. Ты выглядишь так, будто злишься на меня, и... я не знаю, как мне справиться с этим.

Я пытаюсь улыбнуться, чтобы подкрепить свои слова, несмотря на готовность расплакаться. Я так хочу это свидание и его.

— Я не самая нормальная девушка, Ник.

По непонятным причинам это заставляет его рот искривиться в полуулыбке:

— Почему ты говоришь мне это, Дейзи?

— Просто я не хочу, чтобы ты разочаровался, — мой взгляд падет на его рот, — во мне.

Он берёт меня за руку и поднимает её ко рту, прикасаясь губами к моим пальцам. Не поцелуй, просто касание его рта и моей кожи.

— Почему ты считаешь, что я должен разочароваться в тебе?

— Ты хочешь, чтобы я уволилась, а я не собираюсь уходить с работы. И продолжаешь покупать мне новую одежду.

Он вздыхает, но не отпускает мою руку. Просто держит её, протирая губами костяшки пальцев.

— Я покупаю тебе одежду потому, что мне доставляет удовольствие видеть на тебе подходящие вещи. Ты заслуживаешь только лучшего, Дейзи. Это единственная причина, по которой я купил тебе всё это.

Я хочу сказать, *что это вообще не причина*, но я слишком восхищена его сладкими речами и губами на своей коже.

— Я действительно хочу, чтобы ты уволилась, — продолжает он, — потому что переживаю за тебя. Но раз это так важно для тебя, ты останешься там, да? В таком случае я буду присматривать за тобой, — его лицо становится холодным. — Или ты не хочешь встречаться со мной?

— Я хочу этого больше всего на свете, — ляпаю я и тут же морщусь от звука своего голоса и такого поспешного согласия на всё. — Просто я... очень нервничаю.

Я никогда ни с кем не целовалась, и мне страшно, что я сделаю что-то неправильно, и ты не захочешь меня больше видеть. Через секунду размышлений я решаю, что должна его поцеловать. Если мы будем ждать конца свидания, он, возможно, не захочет этого, а я больше всего на свете хочу первого поцелуя.

— Почему ты нервничаешь?

Его губы шевелятся над моей кожей, и это прикосновение отзывается даже в моих трусиках. Как будто он трогает меня везде. Мои соски упираются в тонкую ткань платья, ведь я не надела бюстгальтер.

— Ты собираешься меня поцеловать на этом свидании? — спрашиваю я.

Он выглядит удивлённым:

— А ты хочешь этого?

— Да, — говорю я твердо.

— Тогда да, я собираюсь тебя поцеловать, — его лицо расслабляется.

— Давай сейчас, — предлагаю я.

Он стремительно движется на меня, и я оказываюсь зажатой между автомобилем и его телом. Он наклоняется ко мне, а его рука в перчатке касается моей щеки. Это всё, что я могу, чтобы сопротивляться дрожи от этих ласк, но я впииваюсь взглядом в его серые глаза — и я вижу в них намёк на собственничество. Он так сильно сконцентрирован на мне, будто решил заслужить право на это.

Я раскрываю губы и тянусь к нему. Дыхание останавливается. Я очень сильно хочу его поцеловать.

Он движется ближе. Его рот замирает над моим, а затем еле касается моих губ. Это вызывает во мне щекотливый трепет, вырывая из горла слабый звук. Мои губы приоткрываются сильнее. И это всё, что я получу? Поддразнивание вместо поцелуя.

Я решаю, что этого недостаточно. Поэтому тянусь ближе к нему и пытаюсь поцеловать ещё раз, когда он отстраняется. В итоге у меня получается только нажать губами на его нижнюю губу. Не знаю, кто из нас удивляется этому больше: Ник из-за моей попытки поцеловать его или я, оттого что всё испортила, как идиотка.

Его глаза расширяются.

Униженная, я пытаюсь отступить назад.

Но его руки обхватывают моё лицо, и он снова склоняется ко мне. Но на этот раз он целует меня не мягким и нежным прикосновением. На этот раз его рот твёрдо прижимается к моему, захватывая мои губы. Я следую его примеру, когда его язык проскальзывает внутрь, пробуя меня.

Это божественно.

Я стону, и из его горла вырывается слабый звук, похожий на стон. Его язык ласкает мой рот, а я хочу сделать больше, чем просто получать. Я хочу ответить взаимностью. Это плохо? Я нерешительно касаюсь его языком и жду его реакции.

Ник отрывается от моих губ, тяжело дыша, прижимается лбом к моему и бормочет что-то на русском языке. Но он не выглядит недовольным. Наоборот, кажется, он как будто пытается сдерживать себя.

Я испытываю странное чувство... гордости. Моя кожа покраснела от желания, но я хочу больше. А он? Хочет ли?

— Спасибо, — бормочу я. И жду. Поцелуй закончен. Понравилось ли ему?

Он целует меня в лоб, проводя перчаткой от скулы до подбородка.

— Я буду целовать тебя, Дейзи. Весь вечер. Я сделаю даже больше, если ты захочешь.

Скажи только слово.

Я шумно втягиваю воздух. Пульс бьётся где-то между ног. Я не решаюсь ничего сказать. Пока ещё нет.

Но боже, я хочу.

В этом чёрном закрытом платье и туфельках с ремешками Дейзи походит на школьницу. Но каблуки и кружева на спине, заставляющие меня задыхаться, выглядят совсем не по-детски. Что-то игривое и тёмное скрывается в этом. Возможно, я выдаю желаемое за действительность, но мне хочется узнать, был ли у Дейзи какой-то опыт до меня. Да, она невинна в некоторых вещах, но в её глазах я вижу знание о чём-то большем. И я хочу узнать об этом всё.

Часть меня хочет полностью закрыть её тело одеждой, чтобы защитить от чужих взглядов. Но другая хочет сорвать с неё это платье, под которым нет белья. Это не та одежда, что купил ей я, хотя, возможно, она носит мои трусики. Я думаю о них, как о своих, зная, что не должен.

Всё, что я делаю с Дейзи, мне делать нельзя. Каждая фраза, вылетающая из моего рта — ложь, даже если и приятная. Киллеру всегда нужно прикрытие, даже когда он не убивает.

Понятия не имею, как долго Дейзи будет терпеть меня и сколько ей понадобится времени, чтобы склеить воедино все кусочки истории, что я ей дал. Мне нужно меньше говорить, это единственный способ избежать ошибок.

— Какой фильм? — резко спрашиваю я и тут же жалею о тоне своего голоса. Она выглядит так, будто это ранило её. Я делаю усилие и слабо передергиваю губами, надеясь, что это походит на улыбку. — Я имею в виду, какой фильм ты хочешь посмотреть? Лучше выбрать тебе. Я всегда выбираю плохой.

Она всматривается в цифровое табло с расписанием сеансов. Её шея напряжена и прекрасна, а губы покрашены розовой блестящей помадой. Глядя, как в них отражаются огни кинотеатра, я чувствую слабость в коленях от желания скользнуть по ним языком. Я облизываю нижнюю губу в надежде почувствовать её вкус, но наш поцелуй не оставил никаких следов.

— Я выбираю между супергероями и ужасами. Супергерои лучше?

— Да, хороший выбор.

Я не особенно её слушаю. Просто люблюсь тем, как смыкаются её губы и напрягаются щёки во время улыбки. Она часто улыбается. У меня пальцы чешутся прикоснуться к ней, но она не просила. Мне разрешено только целовать её.

Я практически страдаю от унижения из-за своей невнимательности, когда Дейзи сама начинает платить за билеты. Моя рука падает на стойку рядом с ней. И мальчик-кассир подпрыгивает вместе с Дейзи.

— Извини, но ты не можешь платить, Дейзи.

Я вырываю деньги из рук кассира и засовываю их в руки Дейзи.

— Но я никогда ни за что не платила. Я могу купить билеты, — протестует Дейзи.

Каким мужчиной она меня считает? Или, возможно, она даже не считает меня мужчиной.

— Нет.

Я достаю кошелек и протягиваю деньги кассиру:

— Два, — рывкаю я.

Когда мальчик-кассир не подаёт признаков движения, я нагибаюсь и обнажаю зубы:

— Два. Быстро.

Он немедленно подчиняется, и я отвожу Дейзи в сторону, взяв билеты.

— Я могла заплатить, — говорит она. — У меня есть деньги. Ты и так платишь за всё.

Я даже не нахожу, что ответить. Это полная нелепица.

— Что ты хочешь? — я указываю рукой на витрины с конфетами, мороженым, попкорном и газировкой.

Целый ресторан внутри кинотеатра.

Дейзи бунтарским жестом скрещивает руки на груди:

— Ничего, — говорит она. — И, вероятно, до тех пор, пока ты не позволишь мне заплатить за это.

— Тогда я куплю всё, — угрожаю я. Даже не знаю, почему мы спорим об этом.

Шлюхи никогда со мной не спорят. Никто со мной не спорит. Все делают то, что говорю им я: либо потому, что я плач у им, либо из-за их боязни ко мне. У меня нет никакого опыта общения с такими честными, милыми и прелестными девушками, как Дейзи.

Выражение её лица закрывается, как будто расстояние между нами увеличивается. На её лице отражается нечто большее, чем гнев и разочарование, и меня это беспокоит. С ней я всегда оказываюсь подонком.

— Прости меня, — говорю я. — Я опять тебя обидел. Пожалуйста, скажи, что я должен сделать.

Моя просьба смягчает её, и она кладёт свою маленькую ручку мне на плечо:

— Ник, ты не можешь платить за всё. Я не хочу... — она делает паузу, будто ей нужно собраться с силами, чтобы сказать эти слова. — Я не могу зависеть от кого-то. Опять. Это нечестно по отношению к тебе. Мы едва знаем друг друга.

Я пытаюсь понять её, но эти слова не имеют для меня никакого смысла. Даже хуже, они пугают меня. Я не могу позволить ей узнать меня. Она должна видеть только мой фасад, и, возможно, он будет нравиться ей, до тех пор, пока не разрушится.

В голову приходит образ британского торговца плотью. Я убрал его два года назад за порченный товар, приготовленный для покупателей высшего класса. У него были устойчивые интересы в бизнесе, но он никогда никому не рассказывал, что его товар несёт сифилис. А покупатели не любят получать больной товар. Но в Гарри Уинслоу Третьем был особенный свет, который привлекал к нему людей, особенно женщин. Это и являлось одной из причин, сделавших его таким хорошим сутенёром. И хотя мне не нравится Гарри, сейчас я мог бы воспользоваться частью его обаяния. Я проглатываю свою раздражительность, чтобы притвориться болеющим сифилисом сутенёром и попробовать стать для неё Гарри.

— Душка, — Гарри всегда называл кого-либо «душкой». — Всё в порядке. Я немного дебил, чтобы понять всё это.

Женщины Гарри всегда радовались толстой пачке денег в его руках. Это помогало улучшить его очень маленький член. Я доволен своими усилиями и улыбаюсь Дейзи. Но она выглядит скорее смущенной, чем смягчившейся.

— Что такое душка? Это какое-то украинское слово? — спрашивает Дейзи. — И дебил? Что значит дебил?

Я опускаю голову и закрываю глаза. Это полная катастрофа.

— Как насчёт попкорна? — и заказываю до того, как она успевает запротестовать.

— С маслом? — спрашивает меня продавец. Я мотаю головой в знак отрицания.

Масло — это плохо.

— Без масла. Без соли, — я киваю продавцу. Дейзи пытается что-то сказать, но когда я поворачиваюсь к ней с приподнятой бровью, она просто замолкает и отворачивается.

Возможно, она просто не любит попкорн.

Устроившись в кинозале, никто из нас не произносит ни слова, ни во время трейлеров, ни в начале фильма. Персонажи на экране чётко поделены на добрых и злых, но я смотрю только на Дейзи. Она застывает на своём месте, настолько увлекаясь фильмом, что забывает о том, что я рядом.

Кино угнетает меня. Я ненавижу это. Люди на экране шипят на плохих парней, жаждущих власти, лишь чтобы свободно прожигать свои жизни. Возможно, у них не такие грязные методы, как у плохих парней, но в жизни всё не так жёстко делится на чёрное и белое.

На этот раз мои умелые руки и глаза подмечают всё, что сделано плохо. Скорость и траектория пули показаны неверно, оружие используют неправильно. Настоящий профессионал никогда не будет использовать полуавтоматическую винтовку. Только с поворотным затвором. Хотя что-то подсказывает мне, что Дейзи всё равно.

Когда фильм заканчивается и включается свет, Дейзи поворачивается ко мне с широко открытыми, восхищёнными глазами и улыбкой на лице. Я в ответ изображаю удовлетворение от фильма.

— Разве это не потрясающе? — спрашивает она.

— Потрясающе. Да.

Я встаю и протискиваюсь сквозь толпу навстречу ночному воздуху.

— Кажется, тебе не понравилось.

Дейзи наклоняет голову и всматривается в меня, как будто по моей реакции на вопрос пытается понять, захочу ли я увидеть её снова.

Я раздумываю, стоит ли врать ей снова, ведь она уже что-то подозревает. Я и так говорю или неправду, или полуправду, так что сейчас, думаю, лучше сказать правду.

— Мне не понравился конец.

— Серьёзно?

Дейзи выглядит удивлённой.

Очевидно, лучше бы я соврал.

— Конец мог быть только таким. Добро победило зло. Разве нет?

— У злодеев бывает трудная жизнь. Они просто не знают другого пути, — бормочу я.

Дейзи смотрит на меня, как на жука, которого видит впервые.

— Ну, — начинает она и останавливается, будто не зная, что сказать, — думаю, да. Я никогда не смотрела на мир с точки зрения злодеев. Но они плохие парни. Ты должен хотеть, чтобы они пропали.

— Настоящая жизнь не так проста, — произвольно говорю я. Не знаю, почему я это сказал. Что она знает обо мне, кроме того, что у меня есть деньги и где я живу? Если бы она знала правду, всё было бы кончено. Её восторг превратился бы в разочарование. Я стараюсь сдерживать слова, но они выскальзывают из меня, будто таким образом я смогу заставить её понять меня:

— Иногда люди совершают плохие поступки, чтобы облегчить боль других.

Её ответ оказывается совсем не таким, каким я ожидал. Вместо того чтобы возмутиться и начать с чувством спорить со мной, она поднимает на меня мрачный взгляд и говорит:

— Я знаю.

Как ни странно, этот ответ даёт мне надежду.

Обратно в квартиру Дейзи мы едем в тишине. Думаю, мы оба размышляем о прошлом друг друга. Видимо, Дейзи не настолько идеально святая и невинно воздушная. В ней есть темнота, и это делает её ещё более притягательной. Ведь если в ней есть тьма, она сможет понять мою.

— Прости меня за сегодняшний вечер, — говорю я, припарковавшись у её дома.

— Прости? — она давится словами. — Эта самая ужасная вещь, которую можно сказать девушке на свидании. Ты извиняешься, что пригласил меня? Что позволил мне выбрать фильм?

Её ответ такой резкий и несчастный.

Я в отчаянии, каждое её слово словно плетью бьёт меня по голой коже, сбивая с толку. Я сделал что-то неправильно, возможно, был слишком агрессивен. Она выглядит так, будто её сердце разбито, и я не знаю, что сделать, чтобы исправить это. Мои руки сжимаются в кулаки, и я хочу ударить себя за такую глупость. Что я могу сказать, чтобы спасти этот вечер? У меня никогда не было отношений. Не было свиданий. У меня есть опыт только с теми женщинами, которые брали у меня деньги, а Дейзи чуть не силой приходится заставлять принимать подарки. Она меня просто терпит? Она хочет освободиться от меня?

Не дождавшись моего ответа, она выходит из автомобиля и тщательно закрывает дверь. Но её намерения звучат громче захлопнутой двери и болезненней прищемлённых пальцев.

Теперь я вижу, что, действительно расстроившись, она отступает, и весь свет внутри неё гаснет. Мне ненавистно это больше всего на свете.

Я иду за ней, не зная, что мне делать. В конце концов, я ничего не делаю и ничего не говорю. Даже когда она останавливается и говорит милым голосом:

— Спокойной ночи, Ник.

Это звучит, как прощание, но моё возражение замирает в горле, когда я пытаюсь подобрать какие-нибудь мягкие слова, чтобы убедить её в своём достоинстве. Когда дверь за ней всё же закрывается, я прижимаюсь к ней.

Так много вещей я делаю хорошо. Слежу. Обрабатываю информацию. Иду до конца.

Убиваю. В этих вещах я компетентен. В ухаживаниях — нет.

Оказавшись в собственной квартире, я не позволяю себе наблюдать за Дейзи. Теперь, когда я встречаюсь с ней, целую и обнимаю, вторгаться в её личную жизнь будет слишком экстремально. Во мне есть достаточно того, что покажется ей неприемлемым, и каким-то образом я знаю, что *этого* будет слишком много.

Я не буду снова следить за ней.

Вместо этого я начинаю исследовать свою цель в Сиэтле, изучая ресурсы глубокого интернета в поисках информации о чёрном рынке продажи органов. Но поиск выдаёт мне только предложения и продажи, никаких ссылок на хирургов. Моё внимание сосредотачивается на трёх предложениях, выдвинутых в прошлом месяце из Тихоокеанского Северо-Запада. Только три. Этого кажется мало. Возможно, моя цель в Сиэтле слишком тупая, чтобы знать о глубоком интернете, и использует поверхностные ресурсы.

Однажды я нашёл страницу о торговле детей в одной социальной сети, как будто все так глупы, что не смогут найти. Я убил администратора этой сети бесплатно. Своего рода

покаяние за жизни других людей, которые я взял. *Смерть — милосердие.* Я ношу этот девиз на своей груди. Это моя жизнь.

Кликаю страницы в интернете, я думаю о своём вечере с Дейзи, как ужасен я с ней был. Интересно, смогу ли я заглядить свою вину. Даже не знаю с чего начать. Я долго сижу на своём арендованном стуле, глядя в ноутбук, и думаю о грусти и темноте, что я принес ей, о её потускневшей улыбке. Я не позволяю себе даже фантазировать о ней. Пока она снова не станет счастливой, я не буду использовать её в таких целях.

Существует, пожалуй, лишь один человек, у которого я мог бы попросить помощи так, чтобы не подставить Дейзи под угрозу и не привлечь к ней ненужное внимание. Тем более, он дал понять, что хотел бы получить что-то похожее на дружбу. Я беру телефон, максимально быстро набираю сообщение, чтобы не успеть задуматься об этом и отправляю его:

Лучшее место для свидания?

Долго ждать ответа не приходится:

Это самая важная информация, которую ты когда-либо мне давал, Ник.

Я отвечаю:

Мудак.

Знаю. В этом бизнесе только мудаки и есть. Я приму это как знак того, что ты хочешь со мной дружить. Я знал, что дождму тебя.

Ты старушка, Дэниел? Я-то думал, ты молодой недовольный американский солдат.

На этот раз ответ приходит не так быстро:

Я был бы более открытым, если бы ты не считал меня врагом.

Я рассматриваю потенциальные возможности:

Я не ищу дружбы. Только обмен информацией.

Ник, ты спрашиваешь совета о свидании, а не из какого провода лучше сделать гарроту или предпочитаю ли я цианид или диметиламин.

Желание Дэниела завести эту дружбу кажется мне странным. Я не знаю, что с этим делать.

У тебя есть другие друзья вроде меня.

Богдан рассказал про сеть, но я работаю один с тех пор, как оставил Александра. Я добавляю:

Ты в сети?

Он получает это! Да, есть небольшая сеть для обмена информацией. Мы никогда не звали тебя туда, потому что, ну, остальные думают, что ты плохой игрок.

Я плохой игрок.

Эта сеть интригует меня. Когда я работал с Александром, там часто брали новобранцев. В раннем возрасте, в девять или около того, я пытался подружиться с кем-то из них, но Александр быстро прекратил это. Никаких друзей. Ни на кого не полагаться. Даже на него.

Чтобы внедрить эту концепцию, он заставлял нас бороться друг с другом за награды.

Иногда наградой был шоколад или сладости. Иногда хорошее оружие. Но победа всегда приносила что-то дополнительное. А когда у тебя нет ничего, дополнительное — это всё.

Он отвечает:

У тебя есть правила. Ты живешь по ним. Для нас этого достаточно.

Я возмущён. Дэниел наблюдает за мной дольше, чем я подозревал. Я спрашиваю:

Как долго?

Всего пару лет.

Тем не менее, слишком долго. Он может знать о Дейзи. Холод сковывает меня. Я открываю папку, названную «Д-АрмияС». Дэниел, Армия, Солдат. Основываясь на его оружии, точности, американском акценте и источнике пороха, я решил, что он бывший снайпер американской армии.

Я не беспокоился о нём, потому что его работа никогда не мешала моей. Я знаю, что есть и другие наёмные убийцы вроде меня. Но пока они не мешают моему делу, я игнорирую их существование, поскольку надеюсь, что они проигнорируют моё.

Ты угрожаешь мне?

Нет, подозрительный ты ублюдок. Я приглашаю тебя стать частью сети. Делиться информацией. Или убраться. Быть в безопасности. Прими правильное решение. А по поводу первого свидания. Если у женщины есть ребёнок, веди в зоопарк. Если нет, то в кино.

Ребёнок? Я никогда не имел дело с женщиной, имеющей детей, но, очевидно, Дэниел имел. Я открываю его файл и набираю: «Встречался с женщиной с детьми». А с Дэниелом делюсь:

Кино закончилось плохо.

Так это уже второе свидание. Отличный ход. Некоторые девушки смущаются чуть ли не до третьего свидания. Чтоб ты знал.

Я печатаю в файл: «Встречался с девушками, которые не дают до третьего свидания».

Совет принят. Зоопарк или что-то ещё?

У неё есть дети?

Возможно, Дэниел и не встречался с женщиной с детьми, а просто пытается вытянуть из меня информацию. Я навожу курсор на «с детьми» и нажимаю кнопку «удалить». Затем останавливаюсь и печатаю «может быть».

Я делаю глубокий вдох, мои пальцы замирают на сенсорном экране. Если я скажу ему, что у неё есть дети, и он следит за мной, он может расценить это как угрозу. Если скажу, что нет, я могу подвергнуться ещё большему риску. Но именно я начал этот разговор, написав ему сообщение. Может быть, я готов к риску.

Ты знаешь ответ на этот вопрос.

Да, я знаю, но и ты знаешь меня. Это и называется обмен информацией. Ты уже делаешь это, даже не зная. Мне не нравятся вещи, которых я не знаю. Я знаю, какой ты человек, потому и говорю, что если ты дашь мне что-нибудь, мы сможем двигаться дальше.

Теперь я понимаю. Дэниел хочет открытости и честности. Даже если я скажу ему что — то, что он, я уверен, уже знает, он воспримет это как оливковую ветвь мира.

У неё нет детей.

Отведи её на пикник. Это покажет, что ты думал о ней, планировал. Пусть это будет уединённое место. Вы сможете поговорить, хотя, судя по нашим беседам, ты ужасный собеседник. Тебе бы попрактиковаться в этом.

Да, спасибо.

У меня есть план, теперь можно поспать. Завтра я вновь продолжу свои старания, извинюсь за свои поступки и буду молиться, чтобы она меня простила.

Я и Рейган играем в чокнутые бокалы. Это глупая игра, хотя с тех пор, как она познакомила меня с коричневым шнапсом, всё кажется глупым. Вечером в нашей квартире с запертой дверью пить вполне безопасно. Я рассказала, что никогда не пила алкоголь, и она решила проверить мою реакцию перед походом в клуб с Бэккой. Мы перенесли это на другую ночь, прикрываясь моей работой. Рейган сказала, что Бэка надула губки, но приняла это.

Так что мы пьём.

Что приводит к этой игре. Чокнутые бокалы. Рейган наполняет пластиковые одноразовые рюмки и выставляет их в линию на столе. Мы должны выпить, поставить рюмки на край стола и, как предполагается, лёгким щелчком перевернуть их. К концу первого раунда выясняется, что я ужасна в этой игре. Ковёр настолько пропитывается липким алкоголем, что Рейган предлагает другую игру.

— Она называется «Я ещё никогда».

Я пьяно хихикаю и делаю ещё глоток из бокала. Алкоголь обжигает мои внутренности, но это приятно и интересно.

— Как в неё играть?

— Я говорю: «Я ещё никогда не делала чего-то». Если ты это делала, пьёшь ты. Если нет, пью я.

Я хмурю брови, пытаюсь прояснить это в моей голове. Возможно, алкоголь уже повлиял на меня. Или я не переношу даже ликёр.

— То, что я никогда не сделала бы?

— Нет, нет, — говорит она, смеясь. — Я говорю: «Я ещё никогда не пила алкоголь», и ты не пьёшь, потому что не пила его до этого вечера. Понимаешь?

Это сбивает с толку.

— Но я же пью сейчас.

Возможно, Рейган уже тоже под влиянием алкоголя. Эти её правила не имеют смысла.

В моей голове всё немного плывёт, но это так весело. Я не могу перестать глупо хихикать в руку.

— Это просто пример, — она вздыхает, берёт бутылку и наполняет наши пластиковые красные стаканчики. — Нам нужно больше примеров, я начну. Я ещё никогда не... ела лягушек.

Я фыркаю от смеха:

— Я не ела лягушек. Значит, мне пить?

— Нет, нет. Так как ты никогда их не ела, ты не пьёшь. А пью я, потому что ты этого не делала. Понятно?

— Хм, — мне до сих пор не до конца понятны правила, но я готова играть.

Она подталкивает мне стакан:

— Твой ход.

Я задумываюсь на минуту:

— Я ещё никогда не училась в колледже. Это правильно?

Рейган забирает стакан и пьёт. Проглотив, она кивает:

— Это хороший пример.

— И как же мы определим победителя в этой игре?

Она пожимает плечами:

— Если к концу игры ты всё ещё будешь в сознании, считай, что выиграла.

Ох. Я смотрю на свой бокал. Она наполнила его почти до краёв. Мой нос уже чувствует запах корицы, а горло в предвкушении приятного ожога. Я не хочу столько пить, но мне нравится, и я не возражаю.

— Мой ход. Я ещё никогда не занималась анальным сексом.

— Что?

Я в шоке. От лягушек мы перешли к... *чему?*

Рейган пожимает плечами и выпивает, но на её губах играет лукавая улыбка.

— Просто любопытно, есть ли у тебя тёмная грязная сторона.

У меня есть тёмная грязная сторона, но не настолько же грязная.

— У меня вообще не было секса, Рейган!

Она машет на меня руками:

— Ты должна ждать следующего хода.

— Ох, — я думаю с минуту, пытаюсь сформулировать вопрос.

— У тебя не было секса? Правда?

Я киваю головой.

Она выглядит поражённой:

— Бережёшь себя до брака?

— Нет, — ляпаю я и снова хихикаю. — Просто ещё никто не просил.

— М-м-м. Думаешь, Ник попросит?

Я чувствую, как краснею при мысли о Нике. Нике, который поцеловал меня перед фильмом, а затем относился ко мне так, будто я его чем-то обидела. Не знаю, как его понимать. Он был таким красивым и чувственным. И таким живым. Меня трясёт от его ледяных глаз.

— Не знаю, попросит ли он, — признаюсь я. И мне немного грустно от этой мысли.

— Но ты согласишься, если попросит?

— Да, — говорю я безо всяких колебаний.

Она удивлённо смотрит на меня:

— Правда?

— Правда, — подтверждаю я. Ник очаровал меня, но и узнать, наконец, что такое секс, мне тоже очень хочется. Теперь, свободная от тюрьмы своего отца, я хочу сделать всё от меня зависящее, чтобы жить собственной жизнью. А если это означает безответственный секс с невозможным-для-понимания мужчиной? Я так и сделаю. Касаясь пальцами рта, я вспоминаю о губах Ника на нём. Если бы только этот поцелуй продолжался вечно. Это из-за Ника или из-за желания целоваться?

Думаю, всё-таки из-за Ника, хотя я не уверена. У меня нет опыта общения с другими мужчинами.

— Он сексуальный, да? — Рейган делает мечтательный взгляд. — Мужчина, на которого хочется смотреть. В следующий раз, когда он позовёт тебя куда-нибудь, пригласи его к себе.

Не знаю, пригласит ли он меня снова. Я смущённо смотрю на стакан и думаю о вопросе, который смог бы отвлечь Рейган от мыслей о Нике.

— Я ещё никогда не... владела машиной.

Рейган фыркает и не пьёт. Она просто передает стакан мне, и я выпиваю.

— Ты даже не пытаешься, — протестует она. — Мне ещё никогда не делали куннилингус (прим. ред.: форма орального секса).

Мои глаза широко распахиваются. Рейган и Майк постоянно занимаются сексом.

— Я думала, все это делают.

Хоть я и не эксперт в таких делах, в тех книгах, что я читала, мужчины всегда доставляли своим женщинам удовольствие таким образом.

— Значит... Майк не?..

— Не пьёшь и в этот раз? О, боже, ты невинна, — она берёт стакан, вздыхает и пьёт.

— И не все мужчины делают это. Майк *точно* нет.

Я чувствую, что прямо сейчас узнаю о Рейган что-то новое, об её счастье, об её беззаботной жизни, в которой есть место и серости.

— Я ещё никогда не... целовала мужчину, которого не люблю?

— Ты не можешь спрашивать то, чего сама не делала, — замечает она и всё равно пьёт.

А я тем временем размышляю. За всю жизнь я целовала всего двух мужчин: отца, которого действительно люблю, несмотря на ненависть, и Ника. Я не знаю, какие чувства испытываю к Нику. Мы знаем друг друга всего пару дней. Слишком рано, чтобы влюбиться, но меня так сильно к нему тянет, что это сводит с ума. Я не хочу признаваться в этом Рейган, поэтому пожимаю плечами и выпиваю.

— Я ещё никогда не... — неразборчиво произносит Рейган и думает, — делала минет в общественном месте.

Я одариваю её раздражённым взглядом:

— Все твои мысли о сексе?

— Иногда, — говорит она. — Но задавать такие вопросы гораздо веселее.

— Ну, я не могу ответить ни на один из них, — говорю я. — Я никогда не делала ничего такого.

— Вообще ничего, Поллианна? — Рейган смотрит на меня недоверчиво.

Я опускаю взгляд в свой стакан. Жидкость в нём становится крепче и сильнее раздражает желудок. Я чувствую беспокойство. Это не просто алкоголь, это ощущение, что я не подхожу своей новой подруге.

— Я... Мой отец был очень властным и многое мне не разрешал. Вот почему я ушла.

Это начало, но этого мало. Я хочу рассказать, что моего отца ужасает нахождение вне дома.

Что он не покидал его в течение долгих тринадцати лет. Что, даже когда я была маленькой, именно мне приходилось ходить в магазин и покупать вещи, потому что он не мог. Что он контролировал всё, что я носила, ела, читала или смотрела.

Что я чувствовала себя задушенной рядом с ним, как в ловушке.

А теперь я скучаю по нему и чувствую себя очень виноватой, вспоминая о нём.

Но я не могу сказать всё это такой радостной и сексуально одержимой Рейган. Так что я просто пожимаю плечами и таращусь в свой всё ещё слишком полный стакан.

— Хочешь устроить ему телефонный розыгрыш? — спрашивает Рейган. — По — детски, конечно, но кого это волнует.

— Телефонный розыгрыш?

— Ну да, ты же знаешь. Представь, что ты из пиццерии и звонишь, чтобы просто повозиться с ним. В общем, пассивно-агрессивный способ мести за лишения детства.

Я пьяна, и это кажется мне хорошей идеей. Рейган достаёт свой смартфон и нажимает на кнопку громкой связи, после чего подставляет мне. Я набираю номер, пока мы хихикаем и пьём.

Я слышу первый гудок и понимаю, что не хочу звонить отцу. И не хочу делать вид, что звоню ему не я. Ведь звук его голоса очень расстроит меня. Я оставила его одного.

Отказалась от него. Я худшая дочь на свете.

Поэтому нажимаю на кнопку и вешаю трубку.

— О, чёрт, — говорит Рейган и берёт у меня стакан, чтобы выпить.

Но меня словно парализовывает. Я только что позвонила отцу и повесила трубку. Это же наш телефонный код. Один звонок и сброс. Именно так он понимает, что это именно я, а не кто-то чужой. Что звонок безопасный и можно ответить.

Он будет ждать ещё одного звонка.

Вина тут же разъедает меня изнутри. Я должна перезвонить. Будет слишком жестоко этого не сделать. Я нажимаю на кнопку повторного набора и жду.

Отец отвечает немедленно:

— Дейзи?

Его голос хриплый, несчастный и напряженный. Я ничего не могу сказать.

— Всё в порядке, Дейзи, — говорит отец, и его голос звучит так грустно. — Я просто... хочу, чтобы ты простила меня, — он неровно дышит. — Я не понимал, как несправедлив был к тебе. Я знаю, почему ты сбежала. И прошу прощения. Если захочешь, то можешь вернуться. Я не злюсь.

И он замолкает.

Мои глаза широко открыты, я смотрю на телефон со смесью ужаса и тоски. Тоски от того, что возвращение домой, к отцу, означает возврат ко всему знакомому. Это сделает его счастливым, и он снова будет удерживать меня в ежовых рукавицах. Всё в его мире встанет на свои места.

Это последнее, чего я хочу.

— Прости, отец, — говорю я и вешаю трубку.

Тяжело дыша, я опускаю глаза вниз. Услышав страдания своего отца, я будто переняла его несчастье. Как же эгоистично было с моей стороны убежать. Мой отец не очень хороший человек. Я знаю это, но просто ничего не могу с собой поделать. Я должна была уйти. Должна.

— Ну, это было... удручающе, — говорит Рейган и допивает свой напиток.

Я чувствую себя глупо:

— Думаю, пора заканчивать.

Это не просто крепкий шнапс. Это несчастье моего отца и чувство моих собственных неудач. Я слишком скучная для весёлых игр с Рейган. Моя работа отстой. Я закрыта от всего и не знаю, как вписаться. И самое худшее. Великолепный, сексуальный мужчина пригласил меня на свидание, а я каким-то образом умудрилась его испортить.

Я успеваю добежать до туалета, прежде чем выблёвываю свои кишки. По крайней мере, в этом мне повезло.

Весь следующий рабочий день я хандрю.

Это не похмелье. Я выпила недостаточно, чтобы весь день пролежать в темноте, жалуясь на головную боль, как Рейган.

У меня болит сердце. Я ужасный человек. Бросила отца, зная о его страхах, эгоистично начав свою собственную жизнь. И какой она вышла? У меня нет денег, чтобы пойти в колледж. Я сижу одна, на заправке, в десять часов ночи, продавая сигареты.

Это не похоже на жизнь, о которой я мечтала, лёжа в кровати и молясь о побеге. Я хотела жить свободно, а теперь сильнее, чем когда-либо, чувствую себя в плену своей вины. Я проплакала всю ночь, поэтому теперь мои глаза красные и опухшие.

Мой выбор тяготит меня всю ночь. Я не могу сосредоточиться на взятом у Рейган учебнике и нормально читать. Я слишком зациклена на этом.

Что, если я поступила неправильно?

Что, если с моим отцом случится что-нибудь, пока он один?

Что, если Ник никогда не позвонит мне? Он молчит с нашего свидания, уже два вечера подряд.

Я ужасный человек, потому что именно последняя мысль расстраивает меня сильнее всего. Я проверяю свой дурацкий мобильный телефон каждый час, надеясь на пропущенное сообщение, но ничего нет.

Это так глупо, зацикливаться на одном свидании и одном поцелуе, но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется большего. Возможно, я единственная, кто хочет этого.

Возможно, Нику не понравился мой поцелуй или моё упрямство в конце свидания.

Колокольчик оповещает меня об открытии двери. Я бросаю ещё один бесполезный взгляд на телефон и вижу, как в магазин входит Ник, одетый в тёмное, с мрачным выражением лица.

Как будто я вызвала его силой мысли.

У меня пропадает дар речи. Я глупо смотрю на него, пока он подходит к прилавку, будто хочет что-то купить, но я знаю, что ему ничего не нужно. Ник не выглядит так, будто нуждается в чём-то, даже во мне. Он всегда собран и независим. На минуту мне хочется, чтобы при взгляде на меня его затрясло так же, как и меня от него.

Жаль, что я не накрасилась. Жаль, что приходится носить эту дурацкую футболку-поло и что я не уложила свои волосы. Они просто совершенно непривлекательно свисают с головы. Я заправляю одну прядь за ухо:

— Могу я... могу я вам помочь?

— Ты знала, что я приду проведать тебя.

Сегодня его акцент толще, а голос мягче. Он кладёт руки на прилавок, и мне в глаза бросаются его татуировки. Мои руки в дюйме от его, но он не делает ничего, чтобы прикоснуться.

Хотя мне хотелось бы. Если бы Ник коснулся меня, я бы уверилась, что всё хорошо.

Что он хочет меня.

— Рада видеть тебя, — говорю я через секунду и пытаюсь светло улыбнуться ему, хотя и не знаю, как вести себя после провального свидания. Я не могу злиться на него. Так сильно хочется, чтобы он хотел меня.

— Как ты?

Долгое время он изучает моё лицо:

— Что-то не так. Ты грустная.

Я трясусь головой в отрицании, но чувствую, как лицо и громкое сопение выдают меня:

— Ничего не случилось.

Холодок в его ледяных глазах усиливается, а рука касается моей на прилавке:

— Кто тебя обидел? Назови имя. И я расправлюсь с ним. Он никогда больше тебя не побеспокоит.

По каким-то причинам я нахожу это заявление невероятно милым. И от этого сдерживать слёзы становится ещё сложнее. Я прогоняю их прочь:

— Ничего не случилось.

В моём голосе слышна детская обида. Не могу поверить, что расплакалась перед ним.

Это катастрофа. Всё из-за отца, моего чувства вины и знания того, что Ник пришел бросить меня.

— Что-то случилось, — говорит он хрипло. Через поток своих слёз я замечаю, как его рука отпускает мою. А через секунду он оказывается за прилавком и окутывает меня своими тёплыми вкусными объятиями, притягивая моё тело к себе. Я упираюсь лицом в его пальто.

Меня окатывает растерянность.

Я прячусь в него, позволяя литься слезам. Впервые за многие годы меня кто-то утешает. Это удивительное чувство. Я даже не знала, как сильно нуждаюсь в объятиях Ника.

Мне так одиноко. Я пытаюсь быть такой сильной и жесткой, но лишь ещё больше теряю почву под ногами.

Безнадёжно — желать, чтобы ему понравилась такая ужасная женщина вроде меня, бросившая своего психически больного отца. Слишком безнадёжно.

Его рука гладит меня по спине:

— Тише, тише, — утешает он меня. — Я сделаю для тебя всё. Только скажи. Скажи, кто обидел тебя.

Ничего не отвечая, я лишь прижимаюсь ближе. Я могла бы находиться в его руках вечно. Он сильный, тёплый и уютный. Через несколько минут рыданий, я понимаю, как ему должно быть неудобно. Он, вероятно, пришел сюда за хорошим настроением, а вместо этого ему пришлось меня успокаивать. Я неохотно отодвигаюсь от него и вытираю слёзы, после чего провожу рукой по его дорогому пиджаку.

— Мне очень жаль. Я не должна была этого делать.

Он обнажает зубы в оскале:

— Пусть он уволит тебя.

Я удивлённо моргаю на него:

— Я... Нет. Я имела в виду, что не должна была плакать при тебе. Я уверена, что ты пришел сюда, чтобы бросить меня.

Пальцы Ника бесконечно нежно касаются моей щеки:

— Нет, *котёнок*. Бросить тебя? Ты поэтому плакала?

Я не могу заставить себя посмотреть ему в глаза. Да, одна из причин состоит в том, что я хочу нравиться ему так же сильно, как и он мне. Но она не единственная. Я не могу рассказать ему об отце и о том, каким ужасным человеком я являюсь. Поэтому мне остаётся лишь пожимать плечами и отводить глаза в сторону. Так стыдно стоять перед ним сломленной.

Его пальцы по-прежнему с нежностью гладят мою щеку. Я пытаюсь вырваться из его объятий, но он держит меня слишком крепко. Моё тело зажато между ним и прилавком, но инстинктивно я знаю, что он никогда не причинит мне боль.

— Тише, Дейзи, тише. Не плачь. Я пришел, чтобы извиниться. При нашем последнем прощании моё поведение оставляло желать лучшего.

Я в удивлении отступаю назад:

— Ты извиняешься? Не понимаю. Мне казалось, это я сделала что-то не так. У меня было мало свиданий, поэтому я не знала, как...

Его глаза больше не ледяные, взгляд согревает меня. Его пальцы по-прежнему прижаты к моей щеке, будто он не может не прикасаться ко мне.

— Я всегда говорю неверные слова, когда ты рядом. Всё выходит не так, — его пальцы спускаются к моему рту. Ох, как нежно. — Я хочу, чтобы всё было правильно, но получается только хуже. Ты достойна лучшего.

Если бы он только знал, насколько маленький и жалкий человек живёт внутри меня. Я мотаю головой, пока мои пальцы по-прежнему гладят его пальто, хотя мне бы хотелось, чтобы это была его голая кожа.

— Нет, это не правда.

— Да, — говорит он. И вспышка ненависти к себе в его глазах поражает меня. — Ты слишком хорошая.

Я тянусь вперёд, чтобы поцеловать его и заставить замолчать прежде, чем он станет мне возражать. Этому импульсу невозможно противостоять. Его рот так близко к моему, а прикосновения просто невыносимы. Но я слишком неуклюжая, и мой рот сталкивается с его подбородком и нижней губой, внутри меня всё сжимается. Я ужасно целуюсь.

Но желаемый эффект это производит, он застывает передо мной в удивлении и замолкает.

Лишь мгновение спустя его пальцы берут мой подбородок, и его губы прижимаются к моим в надлежащем поцелуе. Горячий, влажный, гладкий язык заполняет мой рот.

Я таю от его ответа. Моё тело пронзают тёплые импульсы, и я открывают рот шире, притягивая его. Возможно, этот поцелуй и был начат мной, но, очевидно, Ник полностью перехватил мою инициативу. Его рот отклоняется от моего, лаская губами. Его язык скользит по моему, заставляя задохнуться от интенсивности ощущений, которые он дарит.

Мои соски твердеют, когда я прижимаюсь к нему. Эти ощущения опьяняют, ввергая меня в шок. Я думала, что тот поцелуй на автостоянке был замечательным, но он не идёт ни в какое сравнение с этим. Я чувствую слабость в коленях. И хочу испытать ещё больше.

Его пыл, наверное, должен пугать, но он лишь распалает меня. Это то, чего я хотела всю жизнь. В руках Ника я чувствую себя по-настоящему живой. Моя рука скользит по его шее и пробегается пальцами по его затылку. Я мечтаю, как коснулась бы его везде, если бы только он не носил рубашку. Мне нужно больше, чем обычный поцелуй.

— Потрогай меня, — выдыхаю я в его рот, когда он прерывает поцелуй.

Его мягкий стон доказывает, что он услышал мои слова.

Я вцепляюсь в него сильнее, приподнимая свой рот для ещё одного поцелуя, когда его рука скользит по моей талии, притягивая меня ближе. Я хочу...

Дверные колокольчики возвращают меня к реальности. Ник сразу же освобождает меня, и я отступаю от него, в оцепенении поворачиваясь к прилавку. Одинокий мужчина в камуфляжной бейсболке, джинсах и грязной футболке едва бросает на меня взгляд и

направляется в заднюю часть магазина за пивом.

Момент упущен.

Я прикладываю ладони к пылающим щекам, пытаюсь их охладить. Мои соски болят, и я надеюсь, что их не видно через мою рубашку. Я никогда не чувствовала себя такой возбужденной, а ведь это всего лишь поцелуй.

Ну, не *просто* поцелуй. Целовать Ника это нечто потрясающее.

Я перевожу взгляд на него, но он не смотрит в мою сторону. Его взгляд прикован к человеку в магазине, его глаза снова полны холода и расчета. Ник делает вид, что интересуется коробкой печенья, и наблюдает, как незнакомец движется по проходам.

Мужчина подходит к стойке с содовой в руках и указывает на пачку сигарет. Я обслуживаю его, и он выходит, так и ни слова не сказав о том, что застучал меня целующейся. Когда он оказывается на улице, я поворачиваюсь к Нику.

Он снова подходит к прилавку, но на этот раз остается с другой стороны, как обычный клиент. Я разочарована, он больше не будет меня целовать. Вместо этого он, к моему удивлению, кладёт передо мной смартфон:

— Я купил его для тебя.

Я удивлённо смотрю на него. Мгновение я думаю, что это его телефон, и он хочет показать мне что-то на нём. А потом понимаю, что он купил мне *телефон*.

— У меня есть телефон, Ник.

— Этот лучше, — он подталкивает его ко мне. — Я думаю, что твой телефон плохо работает.

Иногда я не очень быстро получаю твои сообщения.

На его лице пролегают тени, будто он смущен тем, что ему хочется получать мои сообщения быстрее.

Он тратит на меня слишком много денег. Мне неудобно от этого. Смартфоны стоят недешево. Я приценивалась к ним, когда покупала свой обычный телефон. Это гораздо больше того, что я могу себе позволить на развлечения, в то время как семь дней в неделю питаюсь китайской лапшой.

— Но зачем мне новый телефон, если у меня уже есть свой?

— Возьми его. Так ты сможешь набирать длинные предложения.

Я смотрю на него уязвлено:

— Я отправляю лучшее, что могу.

Ник перегибается через прилавок и берёт меня за руку прежде, чем я успеваю её убрать. Он гладит мой большой палец и качает головой:

— Я опять оговорился. Рядом с тобой мой язык меня не слушается, — он одаривает меня кривой самоуничижительной улыбкой. — Я жадный человек, Дейзи. Мне нужно от тебя больше, чем несколько слов. Я хочу всё твоё внимание. Когда ты думаешь обо мне.

Когда ты пишешь мне. Я не хочу, чтобы отправляла несколько коротких слов лишь потому, что их легче набрать. Я хочу всё, что ты можешь мне сказать. С этим будет легче, — он указывает на телефон. — Возьми его для меня.

Я бросаю взгляд на смартфон. Мне ненавистна эта благотворительность, но возможность с лёгкостью отправлять Нику длинные сообщения наполняет меня нетерпеливым ожиданием.

— Как только я сама куплю себе смартфон, этот ты возьмешь обратно.

— *Да*, — его глаза блестят, он знает и радуется, что выиграл бой.

Я хитро смотрю на него:

— А если я откажусь, ты найдешь способ сломать мой телефон.

— Как ты можешь думать, что я способен на такое, Дейзи, — говорит он, но на его лице играет мальчишеская улыбка.

— Ты ужасен, — говорю я ему со смехом. — Рядом с тобой все мои вещи в опасности.

— Только если я считаю, что ты достойна лучшего, — говорит он и вновь становится серьезным.

Я вздыхаю и беру телефон, ведь сейчас у меня примерно столько же выбора, как в тот раз, когда он подарил мне куртку.

— Спасибо, Ник.

Он будто собирается сказать что-то ещё, но после минутного колебания просто кивает и уходит. Я снова остаюсь в магазине одна.

Я сцепляю руки на груди, наблюдая, как он выходит на улицу и садится в припаркованный седан. Я поцеловала его. А он не сделал этого, пока я не сделала первый шаг. Глупо ли это было? Ведь он не попросил ещё.

Но затем я вспоминаю его слова. *«Я пришел извиниться».*

И он принёс мне подарок. От волнения у меня кружится голова. Несмотря на свои опасения, я беру телефон в руки. Это последняя модель популярного и дорого смартфона.

Рейган будет завидовать. Ник уже запрограммировал его на мое имя и поместил на рабочий экран ромашки. Как мило. Я импульсивно нажимаю на иконку приложений и захожу в фотоальбом, посмотреть, может, он оставил мне там что-то.

Пусто. Это разочаровывает, но всё же ничего не значит. Я экспериментирую с камерой несколько долгих минут, чтобы сделать селфи с воздушным поцелуем. Его номер единственный в телефонной книге и обозначен только буквой «Н». Я отправляю ему картинку с коротким текстом:

Спасибо тебе за заботу.

Его ответ приходит в тот момент, когда мне нужно обслужить очередного клиента. Я делаю всё возможное, чтобы как можно быстрее схватить телефон. Ник не прислал мне картинку в ответ, но текст сообщения вызывает у меня улыбку:

Если я всегда буду вознагражден такой красотой лишь за подарок, то я куплю тебе машину.

Не смей!

— Давай, Поллианна, — стонет Бэка. — Ты идёшь чертовски медленно.

— Иду я, иду, — кричу я в нескольких шагах от неё, стоя на тротуаре. Одновременно набирать сообщение и идти — не самая лучшая идея, да и получается у меня не очень хорошо, однако я не готова отказаться от своего общения.

С тех пор, как Ник подарил мне телефон, мы постоянно переписываемся.

Он писал мне всю ночь, пока я работала. Его сообщение: «*Спокойной ночи, милая моя*» — было последним, что я увидела перед сном. А когда проснулась, написала ему: «*Доброе утро*». И мы переписывались целый день.

Меня расстраивает, что он не присылает мне фотографий. Говорит, что мне не нужно постоянно видеть его уродливое лицо. Он сумасшедший! Для меня он невероятно красивый, у него благородный профиль, хоть и немного грустные глаза. Если бы он прислал мне фотографию, я бы пялилась на неё целый день. Он бы гораздо лучше смотрелся на экране телефона, нежели эти сладкие девчоночьи ромашки.

Из-за домашнего обучения флирт и все подобные игры обошли меня стороной. Я так рада, что учусь этому с Ником, а не с кем-то другим. Потому что он, похоже, плох в этом так же, как и я. Так что мы учимся вместе. Может быть, он тоже учился дома. Мысль о Нике в средней школе заставляет меня улыбнуться. Кажется, будто он родился уже уставшим. Не могу представить его беззаботным ребёнком. Как и себя. Возможно, поэтому мы привязались друг к другу так быстро. Наши души узнали друг друга.

Ник постоянно просит меня присылать ему фотографии, ещё и ещё. А я отказываюсь до тех пор, пока он не пришлёт своё фото. Вот так мы зашли в тупик. Для нас это превратилось в весёлую игру, продолжающуюся до сих пор.

Почему бы тебе не отправить мне своё фото, Дейзи? Я не понимаю твоей жестокости.

Я смеюсь про себя и читаю снова. У меня есть прекрасный ответ, но печатаю я очень медленно.

Ты должен увидеть мою юбку.

Я чувствую себя очень смелой в ней:

Она очень красивая. Бэка говорит, что я похожа на монахиню, но мне нравится. Я...

Руки Бэки с длинными розовыми ногтями тянутся к экрану и отправляют сообщение прежде, чем я успеваю его закончить.

— Ну, серьёзно. Иди быстрее. Я хочу прийти в клуб до закрытия, — она стреляет в меня раздражённым взглядом.

— Извини, — я опускаю телефон и возвращаю ей виноватый взгляд, хотя совсем не чувствую вины. Ну, разве что немного. Лучше бы я сидела дома и переписывалась с Ником, вместо этой вылазки с Бэккой и Рейган. Но Рейган настояла. Бэка хочет пойти в клуб, чтобы снять новых парней, и, очевидно, Бэка получит всё, чего хочет. А у нас с Рейган уже есть мужчины, так что мы будем развлекать друг друга за столиком с напитками, пока Бэка будет знакомиться.

В моей руке вибрирует телефон, но Бэка бросает на меня более чем угрожающий взгляд, пока Рейган терпеливо ждет нас в конце улицы, поэтому я заставляю себя проигнорировать сообщение и бегом их догоняю. На моих ногах туфли от Мари Джейнс — мои единственные туфли, да и те дала мне Рейган. А ещё на мне трапециевидная юбка до колена и блестящий топик. Вся одежда новая и нравится мне. Она яркая и разноцветная, меня наполняет потребность отправить Нику фото, но я этого не делаю. Это не заставит меня поддаться.

Я догоняю Рейган и Бэку, оживлённо растирая свои голые руки. Меня было порывало надеть свитер, но Рейган сказала, что это старомодно, и пристыдила меня. А сейчас мне бы очень хотелось в нём оказаться. Прогулка от автобусной остановки до клуба длится дольше, чем хотелось бы. Я никогда не была в этой части города, и, несмотря на поздний час, на улице сейчас многолюдно. Я чувствую, как у меня в ушах вибрируют тяжёлые басы.

Мы останавливаемся перед дверью клуба. Он находится в подвале, на цокольном этаже. Пока мы стоим в очереди, Бэка и Рейган задорно болтают, а мой телефон вибрирует от очередного сообщения. Я решаю, что проверю его через минуту, когда Бэка отвернётся.

Ожидание нового сообщения от Ника отдаётся теплом в моём животе.

Когда подходит наша очередь, охранник проверяет наши паспорта. На меня он смотрит немного дольше, будто бы не веря, что мне двадцать один, но затем пропускает внутрь. Клуб тут же захватывает нас стойким звуком битов, отдающимся в ушах. Интерьер клуба выполнен в тёмных тонах и затуманен, повсюду мигают огни, на танцполе друг к другу прижимаются людские тела.

Мне нравится этот новый мир.

Рейган пытается мне что-то сказать, но я не слышу, вижу лишь, как шевелится её рот.

Она кричит громче:

— Давай найдём столик и возьмём выпить.

Я киваю, и она берет меня за руку, проводя сквозь толпу. Мне ничего не остаётся кроме как засунуть телефон в сумочку.

Минуту спустя мы оказываемся в задней части клуба, за маленьким столиком, тесно зажатым между другими. Бэка поднимает руки вверх, двигая ими в такт музыке, и начинает рассматривать танцпол. Она явно очень хочет танцевать. Её груди подпрыгивают от этих движений. А мужчины за этим наблюдают, и подозреваю, что именно этого Бэка и добивается. Она расцветает от внимания.

Я начинаю уходить в себя. Этот клуб слишком шумный, и я не хочу здесь находиться.

Здесь слишком много людей, от такого шума у меня начинает болеть голова. Это место разительно отличается от моей старой жизни, но я не уверена, что мне здесь нравится. Как и мой отец, я люблю аккуратность, упорядоченность и контроль. А хаос вокруг не поддается контролю.

Как только я сажусь, Бэка бросает сумочку на стол и исчезает в толпе, покачиваясь вместе с музыкой. Рейган переводит взгляд на меня и закатывает глаза, будто бы говоря:

«это же Бэква, чего ещё ты ожидала». В ответ я просто улыбаюсь и оглядываюсь, пытаюсь хорошо провести время ради Рейган.

Она гладит мою руку, чтобы привлечь внимание, так как я немного увлеклась, разглядывая окружающих.

— Я пойду в бар за напитками, — кричит она мне прямо ухо сквозь взрывную музыку. — Ты останешься здесь держать столик.

Я киваю, и секунду спустя она тоже растворяется в толпе. Оставляя меня совсем одну.

Я оглядываюсь на соседние столики, пустые, но усеянные брошенными на них вещами.

Лысеющий одинокий мужчина за соседним столиком машет мне, когда мой взгляд падает на него.

Я застываю, в ужасе, что он подойдёт познакомиться. Разве это не то, что делают в клубе? Я отвожу глаза и достаю телефон, чтобы выглядеть занятой. Наверное, это грубо, но я не знаю, что ещё сделать в такой ситуации. Поэтому я стараюсь стать более незаметной и сосредотачиваюсь на телефоне.

У меня три сообщения от Ника.

Ник (21:19): Ты что?

Ник (21:20): Ты в порядке, Дейзи?

Ник (21:25): Ответь мне сейчас же. Или я выдвигаюсь к тебе.

Последнее сообщение было отправлено пять минут назад. О, боже. Моё обрезанное сообщение заставило его переживать и теперь он даёт пустые обещания. Ведь он не знает, где мы, но его желание защитить меня такое милое. Я набираю сообщение:

Я здесь. Прости.

Его ответ приходит незамедлительно:

Хорошо. Очень хорошо.

Прости. Бэква захватила мой телефон.

Мне придется отрезать ей руки.

Всё в порядке. Просто я медленно шла, отвлекаясь на нашу переписку. Мы уже в клубе, так что всё должно быть хорошо. Возможно, я буду медленно отвечать тебе следующие несколько часов. Бэква и Рейган решительно следят, чтобы мы хорошо повеселились сегодня.

Лучше бы ты провела этот вечер со мной.

Я улыбаюсь экрану своего телефона. Хаос этого клуба мгновенно забывается. Я бы тоже хотела провести этот вечер с ним.

Просто это немножко разные вещи. Я постараюсь повеселиться. Не переживай обо мне.

Если я тебе понадобится, скажи только слово, и я спасу тебя.

Я буду в порядке.

Я ограничиваю своё сообщение смайликом с весьма дружелюбным выражением.

Через мгновение возвращается Рейган с тремя напитками, болтая с каким-то парнем. Я блокирую телефон и засовываю обратно в сумочку, переключая внимание на свою подругу.

Через пару минут их разговора я понимаю, что ничего не могу разобрать. Он разворачивается и уходит, а Рейган бросает мне облегчённый взгляд. Она жестом просит меня наклониться к ней.

— Он пытался забрать нас к своим друзьям, — орёт она мне в ухо, что равносильно шёпоту в этом клубе. — Хотел узнать, встречаемся ли мы с кем-то.

Мои глаза расширяются, я поворачиваюсь посмотреть на уходящего парня. Я не хочу, чтобы меня забрали. Я хочу Ника.

— Но ты уже встречаешься с кем-то, как и я, — ору я ей в ответ. Это звучит приятно.

Ник мой парень, не так ли? Возможно. Я не уверена, как называть наши отношения.

— Знаю, — говорит она в ответ. — Поэтому я послала его.

Она подталкивает ко мне напиток, жестом предлагая попробовать. Он красноватый, с пластмассовой палкой, на конец которой насажены фрукты. На пробу он оказывается сладким, явно чувствуются фрукты, но вкус спирта перебивает всё. Я прикрываю рот рукой, чтобы сдержать кашель. А рядом, как ни в чём не бывало, посасывает коктейль Рейган.

Наверное, я неженка. Ещё один глоток обжигает моё горло так же, как и первый. И со второй попытки он вкуснее не становится.

Мы сосём наши коктейли ещё какое-то время. Через эту музыку, безжалостно молотящую по барабанным перепонкам, трудно разговаривать. Бэкка так и не вернулась к столику, но иногда она мелькает где-то в толпе танцующих тел. Она явно хорошо проводит время. А я довольна тем, что сижу и наблюдаю, как она танцует, однако замечаю, что Рейган чем-то обеспокоена. Она допивает свой коктейль и наблюдает за танцующими, постукивая ногой в такт музыке. Ей приносят новый напиток, и она так же быстро его выпивает. В то время как я всё ещё вожусь со своим стаканом, не выпив даже половины.

Когда к ней подходит молодой парень и жестом указывает на танцпол, Рейган бросает на меня вопрошающий взгляд. Она хочет быть там и веселиться. Я машу ей. Просто пока посижу здесь одна. Я достаю из сумочки телефон, но от Ника нет никаких сообщений. И я не собираюсь писать, не желая отвлекать его.

Через пару минут музыка становится медленнее, а ди-джей что-то бессвязно говорит в микрофон. Его рот находится так близко к микрофону, что я не могу разобрать ни слова. Но танцпол мгновенно пустеет, и кто-то похожий на танцора выходит в середину, тогда как остальные становятся вокруг него. Я вытягиваюсь, чтобы увидеть танцора, но Бэкка и Рейган уже возвращаются к столику, потные и довольные. Бэкка, смеясь, вытирает пот, а розовые щёки Рейган так и пышут восторгом, контрастируя со светлыми волосами, торчащими в разные стороны.

Бэкка проскальзывает в кресло рядом со мной и наклоняется ко мне:

— Ты собираешься пойти туда и повеселиться, Поллианна? — кричит она мне. — Мы привели тебя сюда, чтобы расслабиться.

— Я в порядке, — говорю я ей. — Правда.

— Ты не можешь прятаться в углу весь вечер.

Это именно то, чего я и хочу. Но в ответ просто улыбаюсь.

Музыка снова меняется, и толпа восторженно кричит.

— Все девушки выходят на танцпол, — орёт ди-джей в микрофон. — Этот вечер для вас, леди!

Толпа восторженно визжит и волной поднимает Бэкку и Рейган на ноги. Когда я не встаю, Бэка хватается меня за руку и тянет за собой:

— Давай, — говорит она. — Ты должна потанцевать.

Я не хочу танцевать, по крайней мере так, как все эти пары на танцполе. Они трутся телами, положив руки друг другу на бёдра. Я не хочу в этом участвовать. Но прямо сейчас танцпол заполнен девушками, бесшабашно танцующими с поднятыми вверх руками под песню, которую, кажется, знают все, кроме меня.

После секундного замешательства я убеждаюсь, что моя сумочка останется на столе в безопасности, и сдаюсь. Я не хочу быть другом, с которым не повеселишься. Бэка и Рейган мои первые друзья. Мне хочется им понравиться.

Так что я выхожу и танцую. Сначала неохотно и неловко, но вскоре я смеюсь и отплясываю вместе со всеми под музыкальное безумие. Все эти девушки кругом прыгают и танцуют, как сумасшедшие, но это весело. Через несколько минут я начинаю получать удовольствие от этого и чувствовать себя живее чем, когда бы то ни было.

Музыка сменяется слишком быстро, и толпа становится ещё больше. Теперь это стук глухих басов, и люди прижимаются друг к другу всё ближе. Я не готова просто перестать танцевать, поэтому продолжаю двигаться в такт, потерявшись в своём собственном мире. Моя юбка перекручена, кругом куча потных горячих тел. Интересно, что бы подумал Ник, увидев меня сейчас с взлохмаченными волосами и наслаждающейся музыкой. Играет какая-то пошлая песня, в тексте есть что-то о сексе, и я замечаю, как пары на танцполе сближаются бедром к бедру.

Я начинаю искать Бэкку и Рейган, но нигде их не видно.

Внезапно кто-то хватается меня за бёдра и начинает тереться о мой зад. Я поражаюсь такой наглости. Он даже не попросил разрешения, просто подошёл и схватил меня.

Я пытаюсь вырваться, но танцующая вокруг толпа не позволяет мне двигаться, никого не задевая. Мужчина подталкивает меня и разворачивает, думая, что я хочу его прикосновений.

Но на самом деле мне хочется лишь ударить его, толкнуть и дать коленом промеж ног за то, что осмелился прикоснуться ко мне. Это моё тело. Я должна быть единственной, кто им управляет. Во мне кипит желание наказать его за то, что в его мыслях всё обстоит иначе.

Но вокруг нас слишком много людей. Каждый раз, пытаюсь поднять руки, чтобы оттолкнуть его, я чувствую себя мелкой рыбёшкой, запутавшейся в сетях.

Я начинаю паниковать.

Все эти люди вокруг неконтролируемы.

Я не могу дышать. Его руки скользят вдоль моих, вверх и вниз. Сквозь тонкую ткань юбки я чувствую его эрекцию. Этот мужчина, танцующий со мной, прижимает к моим бёдрам свой вставший член.

Это уже слишком. Я начинаю слепо протискиваться сквозь толпу, пытаюсь освободиться от этого мужчины. Музыка давит, я нигде не вижу своих друзей, кто-то хватается меня за руку. Люди повсюду.

Ненавижу их. Я ненавижу людей. Мне нужно вернуться в безопасность своего дома.

Из моего горла вырывается приглушенный стон, но в клубе так шумно, что даже я его не слышу. Моим лёгким не хватает воздуха, я не могу дышать. Здесь слишком душно и мало кислорода. Басы долбят на всю мощность. Я спотыкаюсь и толкаюсь, расчищая себе дорогу, не обращая внимания на тех, кто попадает под руку. Наконец, я выбираюсь из толпы к столикам и замечаю мужчину, который подкатывал ко мне. Я на грани того, чтобы разреветься. Игнорируя его попытки привлечь мое внимание, я хватаю со стола свою сумочку. А Бэкки и Рейган до сих пор нет.

Я выбегаю из клуба и бегу до тех пор, пока не оказываюсь на большой улице. Здесь темно, и в моей голове до сих пор колотится музыка. Я останавливаюсь примерно в полутора кварталах и поворачиваюсь к кирпичной стене.

Меня как будто изнасиловали.

Никто и никогда так ко мне не прикасался. Никогда. Так небрежно, так беспощадно. Я хотела просто потанцевать, уж точно не тереться о чужую эрекцию. Внутри меня бурлит слишком много эмоций, и по моему лицу начинают стекать слёзы.

— Ты в порядке, милая?

Я поднимаю лицо на огромного вышибалу. Он толстый, лысый, средних лет, и выглядит раздражённым из-за того, что ему пришлось идти проверять меня.

— Всё хорошо, — отвечаю я ему.

Уходи. Уходи.

— Кто-то обидел тебя?

«Ты», — хочется ответить мне, но я понимаю, что он всего лишь пытается мне помочь. Так что я просто качаю головой, пока он не уходит. Я не могу сдержать дрожь. На улице холодно, но мне нравится прохладный воздух. Он разительно отличается от душной атмосферы клуба и потных тел. Мне нужно в душ. Я чувствую себя грязной. Кто-то трогал меня без моего разрешения, и это было ужасно.

Мужчина внизу улицы окликает меня ещё раз:

— Вызвать тебе такси, девочка?

— Меня подвезут, — хрипло отвечаю я. Когда он отворачивается, я вытираю щёки, пытаюсь остановить слёзы.

У меня не выходит. Не получается. Я рада, что Бэкка и Рейган не видят меня. Они не поймут. Лишь один человек сможет меня понять.

Я достаю телефон и смотрю на нашу переписку. Он написал мне: «Если я тебе понадобится, скажи только слово, и я спасу тебя». А я ответила: «Я буду в порядке».

И я отправляю ему четыре коротких слова:

Я не в порядке.

НИКОЛАЙ

Мой телефон стоит на вибрации, потому что в этом клубе слишком шумно, и я не услышу звонка. Этот подвальный клуб просто смертельная ловушка. Я вижу только три

выхода из этого пространства. И повсюду шатаются пьяные люди. Я мог бы убить по крайней мере половину из них в давке.

Очевидно, Дейзи нельзя оставлять одну. Она слишком доверчива и готова бесстрашно пробовать новые вещи. Думаю, она не испытывала в своей жизни настоящего страха. Тот факт, что она хочет видеть в ней меня, уже достаточное доказательство её драгоценной наивности. Но именно это и привлекает меня в ней, и я не хочу это уничтожить. Так что я последовал за ней сюда. С GPS это проще простого. Все мужчины улыбаются ей, касаются руками её спины. Мне хочется выть, ведь она принадлежит мне, она моя.

Мои челюсти сжимаются так сильно, что их сводит от боли. Ненавижу то, что она здесь, окружённая потными ладонями и грязными мыслями. Я вижу похоть в глазах окружающих её мужчин. Она всем своим существом источает свежесть, и они хотят её вкусить. Я выворачиваю руку и сжимаю ладонь в кулак, немного снимая напряжение. То же повторяю и со второй рукой. Я пытаюсь расслабить голову и плечи, но не очень-то получается.

Единственный способ почувствовать себя хорошо — выйти из этой коробки. Но не раньше, чем Дейзи будет готова уйти.

Мне не нужны советы Дэниела, чтобы вытащить Дейзи отсюда. Я уже сделал несколько неверных шагов с ней. Мне остаётся только ждать, собирать информацию и наблюдать, а затем использовать это, чтобы приподняться в её глазах. Это отличается от работы, что я вёл в прошлом. В конце концов, она должна проникнуться ко мне симпатией, а не оказаться мёртвой на полу.

Незаметный, я сижу в дальнем углу клуба. Время от времени на меня натываются пьяные девочки и пробуют на мне свои хитрости, но мой холодный взгляд проникает даже в их тупые головки. Задним умом они осознают истину, а запутанным сознанием нет. Я опасен, а эти девушки здесь не хотят опасности.

Я сталкивался с несколькими, некоторые из них возбуждались этим, а некоторых это привлекало. Этот клуб переполнен худенькими куклами, шатающимися на своих тоненьких каблучках в коротеньких платьицах. Парень и девушка проталкиваются за меня. Тёмный угол даёт им ложное ощущение частной личной жизни. Он поднимает ей юбку, и они начинают совокупляться. В этом пространстве за танцполом я слышу смесь звуков их неаккуратного секса и басов, издаваемых ди-джеем. Интересно, что он будет делать, если я протяну руку и поглажу девушку по спине. Почувствует ли он это? Потеряет ли удовольствие?

Взгляд её глаз стеклянный, то ли от алкоголя, то ли от жары, то ли от всего сразу. Я встречаюсь им с ней и вижу, что это не страсть. Это триумф. Мы смотрим друг на друга около минуты. Она восхищена возбуждением от слезки, но я отворачиваюсь в поисках объекта собственного желания.

Дейзи больше не пишет мне, оставив сумочку на столе и отправившись на танцпол. А вокруг её стола начинают кружить стервятники. Без сомнения, кто-нибудь обязательно решит её обворовать. Дейзи так много работает и так мало зарабатывает. И раз уж я не могу стоять на страже её тела, то хотя бы сохраню в целости её вещи. Вставая, чтобы двинуться к барной стойке, я чувствую на своей рубашке чью-то руку.

Посмотрев вниз, я обнаруживаю красные ногти той девушки, которую трахает нетрезвый мужчина, и понятия не имеющий о том, что внимание его партнёрши слишком далеко от него.

— Стой.

Её красные губы находятся рядом со мной, и я читаю слова, которые не могу услышать:

— Постой, и ты будешь следующим.

Я сбрасываю её руку, будто это змея. Уходя, слышу слабый вздох за спиной.

Мужчина воспринимает его как поощрение, а не разочарование и рычит:

— Да, детка.

Я закатываю глаза. Он такой же, как тот мужчина, сосед Дейзи. Слишком заиклен на собственном удовольствии, не замечая ту, что рядом с ним.

Но, возможно, причина этого в том, что он не с Дейзи, не с той, что приносит удовольствие во всё своим собственным светом. Толпа расступается передо мной, потому что я без колебаний иду вперёд. Или потому что инстинктивно понимают, что я иду не к ним.

Бледные пальцы открывают сумочку Дейзи, но это не её рука. Именно этого я и боялся. Мой взгляд на мгновение выхватывает танцующую Дейзи, вокруг которой непрерывно порхает юбка, за чем многие в этом клубе наблюдают. Моя кровь закипает, и я инстинктивно хочу прикрыть её, но сначала нужно спасти её сумочку.

Моя рука хлопает по столу рядом с рукой вора, отчего та отскакивает. Это не соседка и не подруга Дейзи. Другая девушка с накрашенными ногтями и размалёванным лицом. Она морщится, после чего посылает мне улыбку, заправляя за ухо каштановые волосы, но не двигается с места. Она намерена сделать вид, что это её сумочка, или просто попытается соблазнить меня. Это не сработает, и я буравлю её взглядом, пытаюсь передать сообщение.

Но, видимо, она слишком глупа, чтобы понять его, потому что приближается ко мне и кладёт свою руку мне на грудь. Я снова смотрю на танцпол, но Дейзи слишком увлечена и ничего не замечает.

С нетерпением я хватаю её за руку:

— Если ты не хочешь, чтобы я одним движением сломал тебе запястье, ты сделаешь две вещи. Первое. Уберёшь руку с сумочки моей женщины. Второе. Уберёшь руку с моей рубашки, потому что то, что находится под ней, принадлежит только хозяйке сумочки.

После секундного промедления её руки ускользают. А из толпы появляется Дейзи, расстроенная и растерянная. Видела ли она руку шлюхи на моей груди, хоть та уже и растворилась в толпе? А узнав, что я тут, она бы расстроилась? Думаю, да. Это не пикник и не зоопарк, как предлагал Дэниел. Я предоставил Дейзи много возможностей позвать меня с собой, но она ими не воспользовалась. Я позволяю толпе скрыть меня, когда Дейзи подходит к столу, хватается сумочку и поднимает голову в поисках выхода. Не дождавшись своих подруг, она толкает дверь и выходит. Я начинаю следовать за ней, но кто-то преграждает мне дорогу.

— Брат, — говорит он. — Здесь нет выхода.

— Не согласен, — отвечаю я и указываю на светящуюся табличку с красными буквами.

— Это запасной выход, — он показывает на красный знак рядом с дверью. Запасной, но мне всё равно. Только что через эту дверь вышла Дейзи, одна.

— Мне наплевать на эти знаки.

Я начинаю обходить его, но он отталкивает меня обратно.

— Послушай, чувак, проход есть там. Иди и воспользуйся другим выходом.

Вначале я даже не понимаю, что он говорит. Дейзи — девушка. И она без проблем вышла подышать свежим воздухом. А меня он остановил. Значит, снаружи есть хищник, поджидающий девушек, а его сообщник сдерживает меня внутри.

Правой рукой я выбиваю его руку, а левой хватаю за шею, отрывая его тело от пола.

— Если он хоть пальцем к ней прикоснётся, я вернусь и сдеру с твоего тела все волосы, как кожуру с яблока.

Я отпускаю его, и он скользит по стене вниз, задыхаясь и отплёвываясь. Я бегу к двери, уже не заботясь о том, что подумает Дейзи, увидев меня тут.

Я совру ещё раз, сотни раз, если потребуется.

Сначала мне ничего не видно, но из соседнего переулка до моего слуха доносится барахтанье. Я бегу туда и вижу, как Дейзи вырывается из рук какого-то человека.

У него моя Дейзи. Ярость наливает мои глаза кровью и на секунду ослепляет, но я могу слышать инстинкты, ведущие моё натренированное тело. Я хватаю его двумя руками и отталкиваю, но не даю сбежать, ведь он трус, а трусам нельзя давать бежать.

Оттаскивая его от Дейзи, я замечаю, как она продолжает отпихивать его, но терпит не удачу.

Кажется, что внутри неё все сжалось, будто она храбрится, но для неё это слишком.

Мужчина в моих руках всё ещё борется. Я хватаю его за шиворот и стягиваю ткань рубашки, пока он не начинает задыхаться. Свободной рукой я беру Дейзи за плечи, от бега она вся мокрая и дрожит.

— С тобой всё в порядке? — спрашиваю хрипло. Пока я заботился о её сумочке и выслушивал внутри ту тварь, этот *мудак* заставил мою Дейзи плакать. Я слышу его слабое бульканье в попытке избавиться от захвата. Будь у него чуть больше ума, он бы уже расстегнул рубашку и убежал, но сейчас я перехватываю его за шею и оборачиваю вокруг неё свою руку, как будто хватая мешок под мышку. Хотя мы стоим слишком близко к Дейзи, и мне приходится немного отступить назад.

— С тобой всё в порядке? — повторяю я.

Она кивает и вытирает слёзы, так что теперь они текут по вискам, а не по щекам.

— Ник, что ты тут делаешь?

Я задумываюсь, пытаюсь придумать хорошую ложь. Наёмные убийцы — плохие лжецы. И, в конце концов, я плохой лжец. И поэтому говорю ей правду:

— Я волновался о тебе, Дейзи, и пришёл в этот клуб.

— Как ты нашёл меня?

Теперь мне действительно нужно солгать:

— Я проходил мимо и увидел тебя на улице.

Она раздумывает над этим с минуту, и я уже решаю, что она верит мне, когда мужчина в моём захвате говорит:

— Он чёртов лжец. Увидел на улице? Он вешает тебе лапшу на уши!

Я сжимаю руку крепче, готовый прекратить его страдания, но не тогда когда на это смотрит Дейзи. Слова это мудака вызывают у неё неуверенность, она отражается у неё на лице.

— Я катаюсь по ночному городу, — вру я снова. — Не могу уснуть.

И это правда. Я едва могу заснуть. Здесь не самое лучшее место для меня.

— Ты... ты преследовал меня? — Дейзи заикается.

— О, да, — фыркает будущий мертвец. — Ты охотник, и это я тут плохой парень?

— Одну минуту, Дейзи, — говорю я. Прежде, чем с ней объясняться, мне нужно позаботиться об этом мусоре.

Я тащу хищника вниз по переулку. Здесь негде спрятаться от взгляда Дейзи. Я прижимаю его к кирпичной стене.

— Я скажу тебе то же, что и твоему другу внутри. Мне не нравится любой, кто касается Дейзи. Она не для вас. Но ты сделал это и заставил её плакать, поэтому ты будешь наказан.

— Мужик, не надо, — он начинает протестовать, тщетно пытаясь ударить меня ногами. Я опускаю его на землю и ставлю подножку. Три быстрых удара — и его ахиллово сухожилие уже не позволяет ему встать.

Он резко вскрикивает.

Я заглушаю его крик рукой.

— Смотри, что я могу сделать одним лишь ботинком. Видит бог, если бы мы были не одни, это был бы не только он. Может быть, однажды ночью я приду в твой дом. Подумай, что я смогу сделать с тобой тогда.

Теперь он хнычет:

— Хорошо, хорошо. Хватит. Я даже не хотел трахать эту сучку.

Ещё один пинок. Дейзи смотрит на меня, здесь больше некуда смотреть. Она прикрывает рот руками. Мне остаётся лишь убеждать себя, что она в ужасе от произошедшего с ней, а не из-за моей жестокости.

— С ним будет всё в порядке, — говорю я отрывисто, выводя Дейзи из переулка.

— Как ты оказался здесь так быстро? — спрашивает она. — Я ведь написала тебе только что.

Я почувствовал это, но не отвлекался на телефон, пока преследовал Дейзи. Меня уже тошнит ото всей этой лжи, поэтому ничего не отвечаю. Я припарковался ниже по улице, поэтому ко всему прочему придется дать какое-то объяснение ещё и этому. С каждым разом накапливается всё больше лжи. Позади меня раздаётся стук каблуков по тротуару, ещё один, и ещё, и до меня доходит, что я иду слишком быстро. Приходится резко замедлиться.

— Ник, поговори со мной, — Дейзи делает паузу. — Я снова чем-то тебя обидела.

Её голос звучит так, будто она... вот-вот заплачет?

Это заставляет меня остановиться. Я поворачиваюсь к ней и вижу её расстроенное лицо с болью в глазах.

— Нет, Дейзи, я не обижен, — произношу я, заглядывая в её глаза. Это правда. Видит ли она меня?

Её рука слегка касается моей щеки в качестве неуверенного предложения.

Я закрываю глаза и вворачиваю своё лицо в её руку так, чтобы её пальцы касались моих подбородка и губ.

— Я подумала, что ненароком оторвала тебя от чего-то важного, написав тебе.

Она так добра ко мне, так доверчива. Я чувствую острый порыв оберегать её, ведь сама она этого не может.

— Я дурак, — говорю я в её руку. — Тупица. Давай сядем в машину, и я расскажу тебе всё.

Не всё, но достаточно.

Я придерживаю для неё дверь машины, и мы уезжаем. Но я решаю не возвращаться в наш район, а вместо этого отвожу её на одно из озёр поблизости. От поверхности воды отражается лунный свет. На мой взгляд, это умиротворяющее место как нельзя лучше подходит для моих признаний.

— Дейзи, — проговариваю я, заставляя её посмотреть на меня. — Должен сказать, я не всегда был честен с тобой.

Она поднимает на меня свои печальные глаза, они кажутся такими опытными и

знающими на её невинном лице:

— Я знаю, Ник.

— Знаешь?

— Да, знаю. В смысле, ты не самый хороший лжец и не раз противоречил сам себе.

Ты... — она немного медлит, но спрашивает: — Ты женат?

— Женат? — её вопрос звучит так, будто это худшая вещь в мире. И за это я ей благодарен. — Нет, никогда, — и в подтверждении поднимаю свою руку, будто принося ей присягу.

Она облегчённо вздыхает:

— Тогда что?

Я взвешиваю в уме, сколько можно ей рассказать.

— Нет, Ник. Не надо подбирать слова. Просто расскажи всё как есть.

Я внутренне сжимаюсь. Нельзя рассказывать ей всё, но тем не менее:

— Я из России, родился в Украине, но вырос на улицах России, в *Братве*. Ты знаешь, что это такое? — она качает головой, поэтому я объясняю: — Это как небольшая семья, но в ней нет добра. Мы не любим друг друга.

— Как и в настоящих семьях, мне кажется, — она слабо удивляется моим словам.

— Возможно. Но эта семья плохая. И я ушёл из неё. Из-за своей работы мне приходится разъезжать по всему миру, и сюда я тоже приехал из-за неё.

— Что это за работа?

— Компьютерная, — это ведь не ложь. Большую часть работы я действительно делаю на компьютере. Дейзи принимает это, потому что видит правду, часть правды. — И живу я не в твоём доме, а напротив.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Помню, ты говорил. Почему ты соврал мне об этом?

Я забыл об этом. Какую ложь я ей сказал, потеряв её нить? Я мудака.

— У меня не было оправдания находиться в твоём здании.

Она не отталкивает меня, но раздумывает над этим.

— Ты врёшь мне, потому что считаешь меня наивной?

— Нет! — поражаюсь я. Она думает о себе хуже, чем есть на самом деле. Будто в её невинности может крыться что-то плохое. — Я думаю что ты прекрасна, Дейзи. Прекрасна.

Мои слова заставляют её покраснеть, отчего отблеск лунного света на её щеках будоражит мою кровь. Но я не животное и продолжаю сидеть на своей стороне автомобиля.

— У меня нет ничего своего. Я арендую и квартиру, и машину. Хорошо, что ты не пришла. Там ничего нет.

— У меня тоже, — признаётся Дейзи. — Просто я чувствую себя не в своей тарелке рядом с тобой. Возможно, это потому, что я девственница и просто не понимаю, что происходит.

Мы оба поражаемся этому признанию. Дейзи прикрывает рот рукой, и даже в тусклом свете я вижу, что она пунцово-красная. Её признание меняет одновременно всё и ничего. Я знал о её невинности с того момента, как увидел её прикосновения к себе. Или, может быть, надеялся. Но теперь, после её собственных слов об этом, у меня даже голова кружится от удовольствия.

Я сдерживаю стон.

— Это плохо, да? — ей стыдно. — Ты не хочешь девственницу. Никто не хочет. Я такая

неудачница.

— Как ты можешь такое говорить? — я протягиваю руку и прижимаю её к лицу Дейзи. Если бы все в клубе это знали, мне бы пришлось бороться с каждым, кто бы там был.

Я притягиваю её к себе, желая сократить расстояние между нами, и её ослабленное тело позволяет мне это сделать.

— Твоя невинность бесценна.

— Так вот в чём дело? В моей девственности? А будь это не так, что бы ты сделал? Ушёл?

— *Нет*, — бросаю я. Как же это исправить? — Ты могла бы быть хоть с сотней мужчин до этого, и всё равно сохранила бы невинность в моих глазах, — я делаю паузу, запыхавшись. Как же мне объяснить? Что бы сделал Дэниел? Он советовал мне больше практиковаться во лжи, но как можно подготовиться к таким вопросам? — Я чувствую, что не достоин тебя.

— Меня? — фыркает она. — А я чувствую себя недостаточно опытной для тебя, — она улыбается мне, будто мы два дурака.

А так и есть. Я поднимаю уголки своих губ в попытке улыбнуться:

— Ты как раз то, что мне нужно, — я перевожу взгляд на свои руки, а затем поднимаю его к её глазам. — А я для тебя?

Я задерживаю дыхание.

— А ты бы научил меня? — спрашивает Дейзи.

— Научил чему? — я слышу её слова, но не вижу в них никакого смысла. Может быть, я отупел оттого, что вся кровь оттекла от головы к коленям, ведь Дейзи взяла меня за руку... где-то в районе моего бедра.

— Ну, ты знаешь... как прикасаться к себе, — я слышу смущение в её голосе. Она старается, но ей по-прежнему неловко.

— Я не хочу быть девственницей. Научи меня сексу. И оргазму. Всем эти вещам.

Покажи мне как.

— Как что?

— Как кончить?

Я умер. И Мадонна в раю смотрит мне в лицо. Я был уверен, что попаду в ад. А сейчас в моей машине сидит ангел и просит меня прикоснуться к её влагилицу. Чтобы довести её до оргазма. Я точно в раю.

Дейзи сжимает мою руку, вытягивая из слишком долгого задумчивого молчания. Она напряжена, ожидая отказа.

— Прости, — признаюсь я. — Мне показалось, что я умер и попал в рай. Ты просишь меня доставить тебе удовольствие? Конечно же, да.

— Прямо здесь? — шепчет она. Её глаза светятся в предвкушении.

— Да, прямо здесь.

Мне ни за что не доехать домой в таком состоянии. Я приподнимаю свою руку к её затылку и легонько берусь за её волосы, наклоня её голову так, чтобы мы могли заглянуть друг другу в глаза, оценивая нашу искренность.

— Я сделаю ровно столько, сколько ты захочешь, моя сладкая Дейзи.

Она борется с чем-то, но затем признаётся:

— Я не знаю, чего в точности хочу. Я читала об этом в книгах, но не знаю каково это в реальности.

— Тогда я решу это за тебя. Ты доверяешь мне? — всё внутри меня трепещет при мысли

о её вере в меня, о её желании ко мне. Она кивает, но мне нужны слова. — Ты доверишься мне?

Дейзи дарит мне маленькую улыбку:

— Да, — говорит она по-русски. — Я доверяю тебе.

— Сначала я поцелую тебя, мой котёнок, а затем буду делать другие вещи, — я глажу её волосы, рассыпавшиеся по спине, и она кивает в знак согласия.

Я кладу руку на её шею и притягиваю ближе. Лицом к лицу, чтобы соответствовать ритму её дыхания. Она вдыхает, я выдыхаю, и так до тех пор, пока наше дыхание не превращается в симбиотический цикл. Воздуха в автомобиле больше не существует. Только клубы кислорода, которыми мы обмениваемся.

Ничего кроме нас.

Я притягиваю её рот к своему и нежно глажу языком её губы. Она борется с чувством неуютности, и моё терпение окупается, она открывается и её язычок выскакивает навстречу.

В этом кроется столько шокирующего эротизма, что я чуть не кончаю в штаны. Меня накрывает желание одновременно поглотить и оттолкнуть её, и я овладеваю ей, не смущаясь больше.

Одна моя рука поглаживает её спину и шею, вторая придерживает её подбородок. Но я хочу коснуться других мест. Хочу держать её грудь, касаясь пальцами сосков. Хочу пробраться между её ножек и покрутить клитор. Хочу протолкнуть один, два пальца внутрь её тепла.

Я хочу сделать все эти вещи, но продолжаю просто гладить её щёки, скулы и шею. Я чувствую её гладкую нежную кожу под кончиками своих пальцев. Всё это крутится водоворотом в моей голове, пока мы целуемся. Так мало пространства между нашими телами, но я держусь. Я чувствую, как сильно бьётся пульс на её шее под моими пальцами, что выдаёт силу её желаний ко мне. Но она так невинна, я не могу взять её здесь, в машине, даже если она позволит мне. Я разрываю поцелуй и утыкаюсь лбом в её лоб. Мы оба тяжело и отрывисто дышим.

— Ты хочешь большего? — спрашиваю я.

Её руки сползают с моих плеч на грудь. Она чувствует её твердость. Я никогда особенно не заботился о своей внешности. Моё тело — просто оружие. Но когда её пальцы исследуют мои мышцы, я горжусь своей стройностью и тем удовольствием, что она находит в моём теле.

— Ты очень сильный, да? — спрашивает она в своей удивительной манере. Я киваю.

Кажется, что если она продолжит говорить с тем же придыханием, я смогу поднять целую машину.

— Поэтому я смогу защитить тебя, — повторяю я. Затем наклоняюсь, чтобы дать ей больший доступ к своей груди. Её рука движется ниже, скользя вдоль V-образного выреза и кубиков пресса на животе, и утыкается в молнию на джинсах. Мой член упирается в ширинку, дыхание перехватывает от того, что её рука парит над выпуклостью в моих штанах.

Клянусь, тепло её ладони чувствуется сквозь все слои ткани, а мой пенис буквально тянется к этому прикосновению. На этот раз я не могу сдержать стон удовольствия, ведь она прикасается ко мне. Простой мысли об этом уже достаточно, и я кончаю.

По джинсам расплзается влажное пятно, но я не стыжусь этого, потому что её довольный и удивлённый взгляд одурманивает.

— Ты только что?.. — она не может собраться, чтобы произнести это вслух.

— Да, — признаюсь я. — От одной мысли, что ты трогаешь меня. Этого достаточно.

— Я никогда... — она прерывается и начинает снова: — Я никогда не видела мужчину в этом смысле.

— Ты хочешь увидеть это?

Она быстро кивает.

Я отодвигаюсь и расстёгиваю молнию. Моё освобождение не занимает много времени и мой член снова в ожидании, снова голоден и твёрд. Из него по-прежнему вытекает сперма, светящаяся в тусклом лунном свете.

— Могу я его потрогать?

Я сжимаю зубы и киваю, испугавшись, что снова кончу. Мне нужно подумать о каких-нибудь отвратительных вещах, чтобы сократить своё возбуждение. Но я не могу думать ни о чём другом, кроме её руки, касающейся моего члена. У меня большой член. Так говорили шлюхи: одни в восторге, другие в страхе. Её рука оборачивается вокруг моего члена, и я сжимаюсь от возбуждения. Другой на моём месте расплакался бы.

Её указательный палец касается моей головки, и член в ответ качается. Ещё два пальца скользят вниз по толстой вене. Я таращу глаза. В этой нежной ласке чувствуется столько эротизма, она будет питать мои фантазии в течение нескольких недель.

— Он очень мягкий, — бормочет она будто для себя. — Я думала, он будет... ну, не знаю, что я думала, но не это.

Я щипаю себя сильнее и предупреждаю её:

— Он немного липкий оттого, что я кончил.

Затем она делает то, чего я не мог представить даже в снах. Она поднимает пальцы ко рту и облизывает их, пробуя мою сперму на вкус.

Я чуть не кончаю в неё, но беру себя в руки и вместо этого сжимаю свой член сильнее, а мои яйца чуть не закатываются вовнутрь. Боль притупляет возбуждение, и я в очередной раз успокаиваюсь.

— Котёнок, — говорю я, быстро застегивая штаны. — Я не могу позволить тебе снова прикасаться ко мне. Я слишком слаб, а ты даже не начала понимать, как получить удовольствие от своего собственного тела. Позволь мне показать тебе, что такое освобождение.

Она выглядит растерянно:

— Я... я не уверена, готова ли.

Я киваю:

— Ты скажешь мне, когда остановиться.

Я хочу испытать это, чтобы стать идеальным для неё. Поэтому отстёгиваю ремни безопасности и опускаю сиденье:

— Ложись сюда.

Она ложится, но нервничает оттого, что её наряд прикрывает не всё. Я начинаю её гладить, долгие томные проходы вниз от плеча до колена. Её грудь дрожит под рубашкой, но я её игнорирую. Сначала мне нужно, чтобы ей стало комфортно рядом со мной и под моими прикосновениями.

Каждый проход моей руки отражается на ней. Я выравниваю её дыхание в соответствии со своим. Этот трюк я узнал, успокаивая других, но он работает и здесь. Вскоре с её рук спадает напряжение, бёдра расслабляются и открываются. Теперь я задерживаюсь у её груди и усложняю узор на бедрах. Её дыхание и пульс учащаются.

Будь в машине больше света, а не один лишь серебряный луч луны, я бы мог разглядеть, как покраснели не только её щёки, но и шея и грудь. И когда-нибудь я увижу это, однако сейчас придётся ограничиться только видимыми признаками возбуждения.

В следующем движении я позволяю себе коснуться её груди и чувствую через ткань набухший сосок.

— Твоё тело просит об облегчении.

— Почему ты так говоришь? — в её голосе отражается каждое прикосновение моего большого пальца к её соску.

— Потому что твоё тело напряжено. Твои маленькие сосочки готовы к ласкам. А под тонкой кожей на шее бешено бьётся пульс, — я шепчу это, целуя вершины её щёк и облизывая точку, где колотится пульс. — А между ног у тебя пульсирует несколько фунтов крови, подогревающих твою киску. Это видно по тому, как сдвинуты твои бёдра.

Я позволяю своей руке опуститься между её ножек чуть выше лобка.

Она невольно толкается мне на встречу.

— Я наслаждаюсь этими признаками, — шепчу ей прямо в ухо. Она дрожит, когда я облизываю её нежную кожу за ушком. — Эти признаки говорят, что тело моей женщины поёт для меня.

— Твоей женщины? — вырывается у неё удивление.

— Да, моей, — говорю я, и в этот раз сильнее надавливаю между ног, так, чтобы мои пальцы легли прямо на её влагалище. И, как я и предсказывал, её сердце будто спускается вниз и начинает яростно колотиться в самом центре её влагалища. За тканью её юбки и трусиков я чувствую влагу.

— Ты носишь трусики, которые я тебе купил, Дейзи? Ты думаешь обо мне каждый раз, снимая их? Разве тебе не интересно, что было бы, если бы на месте этого шёлка и кружева оказались мои руки?

И она выдаёт то, чего я хочу. Задыхающееся «да».

— Могу я посмотреть? — спрашиваю я. Она кивает, и этого достаточно. Я поднимаю её юбку вверх и вижу светлые трусики непонятного цвета:

— Голубые?

— Голубые, — соглашается она и дарит мне натянутую улыбку.

Я успокаиваю её, поглаживая лоб. Все эти вещи, паузы и лёгкие прикосновения я совершаю для того, чтобы усилить её оргазм. Ведь это её первый оргазм. И что бы ни произошло, я гарантирую, что она не забудет этот момент. Она будет вспоминать этот день каждый вечер, от этой мысли я снова возбуждаюсь.

Однако одной руки будет мало для моей цели. Я проклиная себя за то, что мы начали это в машине и приходится импровизировать. Хороший убийца — король импровизации.

Между рулём и сиденьем для меня достаточно места, чтобы встать на колени. И я склоняюсь над ней в этом неудобном положении. Я мог бы сидеть так часами, если бы это помогло доставить ей удовольствие.

Это поза не наказания, а награды.

Её лицо обращено вниз, ко мне, а пока я был занят своим размещением, в её глаза прокрались страх, трепет и неуверенность. Я кладу руки ей на бёдра и признаюсь в ещё одной правде:

— Я так жажду тебя, Дейзи, до боли в зубах. Мой рот весь наполняется слюной при мысли, что я попробую твой нектар. А руки чешутся от желания погладить каждый дюйм

твоего тела.

От моих слов ей становится легче, и она ласково улыбается мне. Я целую её колени, глажу её лодыжки вверх и вниз. Затем поднимаю юбку чуть выше, чтобы иметь возможность поцеловать её округлый животик. Снова и снова мои руки скользят по её бёдрам, почти касаясь шёлковой поверхности её трусиков, однако не допуская прямого контакта. Она выгибается, сжимая меня бёдрами, и я чувствую влажность напротив моей груди. Я продвигаюсь выше, чтобы узнать контуры её рёбер и живота.

Её руки проникают в мои волосы и тянут меня вниз. Она невинна, но её тело знает, где горит пожар и кто может его потушить.

Клянусь, *только я*. Теперь только я должен быть тем, кто приносит ей облегчение.

Все её оргазмы мои, с этого момента и до самой смерти. Горячо дыша, я сдвигаюсь вниз, а её руки тянутся за мной, как на буксире. Она заставляет меня остановиться, когда моё лицо утыкается в трусики, что я для неё купил.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спрашивает она, прикусывая нижнюю губу.

— Конечно же.

Вопрос кажется мне таким смешным. Каждый захотел бы оказаться на моём месте, знай он, какое сокровище тут его ждёт.

ДЕЙЗИ

Я ужасный человек.

Я должна провалиться под землю прямо сейчас. Эта мысль приходит мне в голову, когда рука Ника проникает мне под юбку, а щетина на его щеке царапает моё бедро. Сейчас я должна думать о том, как он нашёл меня. Или дрожать от страха из-за почти удавшегося нападения маньяка.

Вместо этого я задыхаюсь от прикосновений Ника. Его рот находится прямо над шёлком моих трусиков. И я чувствую через ткань его дыхание. Отрывистое, как и моё. И я видела его пенис, я трогала его.

Если он преследует меня, то крайне неразумно *хотеть* прикоснуться к нему. Так приятно, что он увлечён такой скучной и простой мной. Мне хочется сосредоточить всё его внимание на себе. Стать центром его мира. И я в восторге оттого, что он позволил мне доставить ему удовольствие и даёт шанс получить его взамен.

Это обещание удовольствия отключает всю осторожность и тянет меня глубже в омут.

Он хочет меня. Невозможно притворяться, когда так быстро кончаешь. И сейчас он хочет спуститься вниз и сделать то, что, как говорит Рейган, Майк никогда для неё не сделает. Это самое эротичное, что может сделать мужчина для женщины. Я чувствую себя полной невеждой, находящейся рядом с сексуальным шведским столом. Он даёт мне так много, и я просто не могу обработать всю информацию прямо сейчас.

— Я чувствую твой запах, — говорит он очень низким голосом.

Его слова такие грубые, поразительные и... возбуждающие. Я задыхаюсь. Будто весь воздух из машины исчез вместе с моим разумом. Однако он прав. Я мокрая, такая мокрая. Даже сейчас я стараюсь сжать свои бёдра так, чтобы почувствовать, как плоть трётся о плоть.

— Расскажи мне, что ты чувствуешь, Дейзи, и я прикоснусь к тебе.

Ник хочет, чтобы я говорила такие же грязные вещи? Не знаю, получится ли у меня. Ведь это настолько личное, рассказывать кому-то свои тайные фантазии. А что делать, если я скажу что-то не то? Что, если он посмеётся надо мной? Или я покажусь ему скучной?

Меня парализовывает собственная нерешительность от нехватки знаний. Я читала романы, но в них не было таких подробностей. Там были просто восторженные фейерверки и покалывания. Я хочу убедиться в правильности своих слов, прежде чем говорить о них.

Я не хочу показаться ему глупой.

Когда я ничего не отвечаю, руки Ника обнимают мои трусики, а пальцы ложатся на самые чувствительные места.

— Я напугал тебя, котёнок?

Я качаю головой. Я хочу его больше, чем что бы то ни было, и если я не буду осторожна, моя трусость приведёт к тому, что я упущу шанс исследовать его.

— Я не знаю, что говорить. Прости, если разочаровала тебя.

— Никаких разочарований, — его акцент становится резче. — Никаких. Ты хочешь, чтобы я удовлетворил тебя сегодня, Дейзи? Хорошо, да, я сделаю это. Но при условии, что в следующий раз ты покажешь мне, чему научилась.

О, это звучит гораздо лучше. Мой энтузиазм возвращается, и я в нетерпении киваю:

— Покажи мне.

Я до сих пор чувствую на языке его вкус, и это сводит меня с ума. Даже сейчас, облизывая губы, я жажду попробовать больше его.

— Думаешь, мы увидимся снова?

Ник вымученно смеётся:

— О, в этом нет никаких сомнений, милая Дейзи.

Он издаёт такой звук, будто я самая восхитительная женщина в мире, и мой пульс вновь зашкаливает. Я откидываюсь на сиденье. Боль между ног перерастает в неизбежность.

— Но сначала, — говорит он тем вкусным тембром, что я так обожаю, — я буду ублажать свою женщину, пока она не закричит.

За всю свою жизнь я никогда не кричала от испытываемых эмоций. Но это поправимо. Возможно, сегодня ночью я закричу.

— Влагалище женщины — самая мягкая и вкусная вещь, — говорит он. — Как цветок с нежными лепестками, — его большой палец гладит мои трусики, я чувствую, как он находит центр моей сексуальности. Я такая влажная, что трусики прилипают к коже, это выглядит непристойным. Я одновременно в ужасе и очарована этим зрелищем.

— Я должна быть такой мокрой? — спрашиваю я его.

— Только если я счастливчик, — его рот щекочет мои трусики, и я непроизвольно сгибаюсь, будто хочу встать на пути его прикосновений.

— Сегодня ты дашь мне всё, Дейзи, — говорит он, в то время как его рука тянет за один из белых бантов, расположенных на бёдрах. — Я вспомню этот момент, когда буду засыпать сегодня.

Его слова заставляют меня чувствовать себя такой сексуальной. Будто жидкость, просачивающаяся сквозь мои трусики, — самое эротичное, что с ним когда-либо происходило. Я издаю бессловесный всхлип, звучащий слишком громко для автомобиля.

— Снимай их, котёнок, — успокаивающе мурчит он. Его пальцы тянут мои трусики из стороны в сторону, и он смотрит на меня этими великолепными глазами. — Я могу

посмотреть на всю тебя? Покажешь мне, *да*?

— Да, — отвечаю я, и возбуждённая дрожь в моём голосе передаётся в пальцы. Я нашариваю ткань и тащу её вниз. Мои волосики торчат перед ним, и я чувствую себя абсолютно голой. А ведь он даже не видел мою грудь. Мне бы хотелось показать ему свои самые женственные детали.

Ник стонет, словно он боли, глядя на меня. Он берёт свои руки под контроль и засовывает мои трусики в карман пиджака, пока я лежу перед ним абсолютно голой от талии и ниже.

— Раздвинь ноги, — командует он. Его взгляд прикован к моей плоти. — Покажи мне своё желание.

Моё дыхание прерывается, и я выполняю его приказ. Мне нравится, что он главный и говорит мне, что делать. Мне комфортней, когда кто-то управляет мной и направляет.

Но он продолжает просто смотреть, пока его замороженный взгляд не сталкивается с моим нервным.

— Ты самая красивая вещь, которую я когда-либо видел.

И становится не важно, что мы в машине, что он неловко сгорбился, а я лежу с задранной одеждой. В его глазах я сексуальная и красивая. Я расставляю ноги шире в приглашении для него и не смею дышать от собственной смелости.

Ник бормочет что-то по-русски, его щетина касается внутренней поверхности бёдер.

Я дрожу, чувствуя его там, сейчас ничто не отделяет его от меня.

Он поднимает на меня взгляд. Его глаза тёмные, зрачки расширены.

— Я собираюсь прикоснуться к тебе ртом, Дейзи.

Я киваю, не в силах отвести взгляд. Меня дёргает от желания. Я хочу, чтобы он сделал это.

Мне это *нужно*.

Его голова, словно в замедленной съёмке, опускается, и жёсткий рот спускается за завитки моей промежности. Я смотрю, как он вжимается меня, и чувствую это. Волны возбуждения пронизывают меня, не принося облегчения.

Эмоции, должно быть, находят отражение на моём лице.

— Терпение, *котёнок*, — говорит он. — Я ещё не начал ублажать тебя.

— Я знаю, — говорю я. — Просто...

И тут он лижет меня.

Слова застревают во рту. Я ошеломлена столь личным действием, лизнуть само сочленение моей влажной плоти.

Он рычит:

— Идеально.

Я каменею, мои чувства нуждаются в перезагрузке. Это сильнее меня. Я нажимаю на него, не зная, понравится ли ему это.

— Нет, Дейзи, — говорит он неровным голосом. — Позволь мне больше. Я сделаю тебе хорошо.

Затем он зарывается в меня ртом. Его язык скользит по моей щели, поглаживая горящую нуждающуюся кожу. А моё тело в ответ подпрыгивает. Его руки ловят меня, надавливая на бёдра, и ставят на место. И он снова скользит языком по моей промежности.

Я хнычу. Меня захлёстывают ощущения: щекотно, дико, эротично. Я действительно не уверена, что могу с этим справиться. Мои руки снова тянутся к его волосам, но я не уверена

для чего, — чтобы оттолкнуть или притянуть.

— Ник...

Он поднимает голову, чтобы взглянуть на меня. Его рот мокрый от моей влажности.

— Это моя мечта — услышать, как ты произносишь моё имя, когда мой рот в твоём влагалище. Я хочу услышать, когда ты кончишь.

Мне нравятся эти слова. Они такие озорные и прямые, а я не могу быть такой. Это пугает меня. Я немного расслабляюсь под его ласками. Он делает лёгкие движения, исследуя меня, описывая каждую складку. А я, задыхаясь, наблюдаю за ним.

Мне нравится, что его рот там, но я всё ещё жду фейерверка. Ник избегает клитора.

Неужели он не знает, что это наиболее чувствительное место? Если нет, то я хочу показать ему. Я с интересом наблюдаю за ним. Его ресницы порхают как тёмные бабочки, пока он облизывает меня.

Это приятно и удивительно, но это не взрыв. Видимо, у женщин это происходит не так.

Его язык скользит по верхней части моей промежности и щёлкает по клитору.

Я напрягаюсь, будто меня обжигает огнём:

— М-м-м...

— Хорошо?

— А-ах, — у меня не получается произнести хоть что-нибудь связное. Я нажимаю на его голову, чтобы вернуть обратно. К огню.

— Милая Дейзи, — бормочет он. — Сейчас я заставлю тебя кончить, — и когда он снова наклоняет голову, ожидание наполняет меня до боли.

Но вместо того, чтобы снова лизнуть клитор, он ставит свои губы напротив и всасывает его.

Я вскрикиваю от потрясения. Как же это хорошо. Мои руки порхают в его волосах. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вырвать все его волосы. Я даже раздвигаю ноги шире, но он не останавливается, продолжая интенсивно сосать, периодически щёлкая языком по клитору.

Я не замечаю, что его руки сдвигаются, пока не чувствую его палец в центре моего влагалища. Он такой большой и твёрдый, я задыхаюсь, когда он проталкивается вперёд, оставляя внутри меня жгучий след.

— Успокойся, — говорит он, прежде чем снова прижаться языком к моему клитору.

— Позволь мне удовлетворить тебя.

Его палец продвигается глубже, глубоко внутрь меня.

Теперь я стону и извиваюсь под натиском ощущений. Я не испытывала такого, когда ласкала себя сама. Его язык прижимается к клитору, дразня его круговыми движениями, а палец внутри проникает глубже. Я чувствую ноющий огонь и его герметичность внутри, но мне так хорошо, что я даже не думаю просить его остановиться. Я прижимаю руки к себе, мои бёдра бьются в изнеможении. Я не в силах остановить стоны, вырывающиеся из моего горла. Это то страстное удовольствие, что я хотела получить? Оно гораздо лучше, чем я себе представляла.

— Такая узкая, — говорит он и добавляет по-русски: — *Боже мой!*

Он снова щёлкает языком по моему клитору и добавляет второй палец. Я чувствую себя невероятно растянутой, и это больно.

Но я не хочу, чтобы он останавливался.

Я запрокидываю голову назад, бездумно повторяя его имя. Мои глаза закрыты, я больше не могу видеть его красивое лицо в гнезде между моих ног, порхающие ресницы и глаза,

сосредоточенные на том, чтобы ублажить меня.

Его язык не останавливается и нажимает на мой клитор всё быстрее и быстрее.

Сумасшествие. Это замечательно. Мои бёдра впиваются в его рот, я упираюсь рукой в дверь машины, и это единственное, что удерживает меня от коллапса. Всё моё тело напряжено, я чувствую приближение чего-то тёплого и вкусного. Мне нужно больше, но я не знаю, как это получить. Оно всё ближе и ближе.

Его пальцы выходят из меня, и я чувствую боль кратковременной потери. Но прежде, чем я успеваю возразить, он снова глубоко утапливает их. И снова боль сопровождается пронзающим выстрелом удовольствия. Движение ускоряется.

Ник снова засовывает пальцы — и всё.

Фейерверк.

Я содрогаюсь и задыхаюсь в огне пульсирующего интенсивного оргазма. Из меня вырывается его имя. Я потерялась. Рай, чистый рай. Ник подарил его мне.

Я никогда не стану прежней.

Я открыла ящик Пандоры и не могу больше пребывать в невинности. Все мои сны наполнены лицом Ника, ртом Ника. Я просыпаюсь, тяжело дыша.

Он весь день присутствует в моих мыслях, словно головоломка, что я пытаюсь разгадать. Я просыпаюсь к позднему завтраку, убираю квартиру и успеваю сходить в магазин, пока Рейган страдает от похмелья на диване. Вчера поздно вечером она написала мне, чтобы удостовериться, всё ли со мной хорошо. Я ответила, что встретила Ника, и он отвёз меня домой. Этого оказалось достаточно, чтобы её успокоить.

Если бы она только знала, что случилось в машине.

Я шокирована и потрясена произошедшим прошлой ночью. Раньше у меня были лишь мечты о том, что происходит с человеком, но теперь у меня есть знания об этих вещах.

Я трогала его пенис. Я довела его до оргазма. А потом он доставил мне удовольствие при помощи одного своего рта, потому что я была не готова к большему.

Я всё ещё не готова. Мне нравится балансировать на краю, играя с запретными тенями, и не доходить до конца. Ник проводил меня до двери и подарил целомудренный поцелуй. Я вцепилась в него и умоляла войти, чтобы мы могли продолжить исследование.

Он отказал мне, аргументируя моей неготовностью.

Мои мысли о нём прерывает звонок телефона. Я бросаю губку в раковину и иду в комнату, чтобы ответить в одиночестве.

К моему разочарованию, это с работы. Крэйг написал мне сообщение:

Не вышел на смену. Можешь заменить?

Я не могу позволить себе отказаться, хоть в тайне надеюсь, что Ник снова позовет меня на свидание. Я вздыхаю и набираю ответ:

Конечно. Во сколько?

В шесть. Плачу сверхурочные. Спасибо.

У меня есть ещё два часа перед работой. Этого мало, чтобы заняться чем-то ещё, кроме уборки. От Ника сообщений нет, и это странно тревожит меня. Может, я переборщила? Не перестал ли он уважать меня из-за моей распутности? Нужно ли было мне притворяться застенчивой? Я не знаю, как строить отношения. Отец позволял мне смотреть только детские телепередачи, а действия любовных романов происходили в другом веке. Там женщины были обнищавшими наследницами, а мужчины лихими князьями.

Я чувствую себя слишком неподготовленной. Рейган и Майк так небрежны в своей сексуальности, но в их отношениях есть скрытое несчастье. Не хочу копировать это.

Я подхожу к окну, открываю его шире и высовываюсь наружу, наслаждаясь ветром на своем лице. Солнечный свет чистый и свежий, погода великолепная. Мне нравится солнце. Я поворачиваюсь к нему лицом и с интересом рассматриваю улицу внизу. Там оживлённо

движутся автомобили, люди с сумками ходят по тротуару. Просто обычный день.

Мой взгляд скользит по многоквартирному дому на другой стороне улицы, и я вспоминаю слова Ника о том, что он живёт не в моем доме. Раньше я не придавала этому большого значения. Я смотрю на окна напротив, пытаюсь увидеть лицо за стеклом. Но там ничего нет.

«Я проходил мимо и увидел тебя на улице», — сказал он вчера.

Ложь. Он не может всегда так удобно проезжать мимо. Я раздумываю об этом минуту, затем кладу голову на кровать и смотрю в свой телефон. Его подарок. Я беру его в руки и мысленно собираюсь.

Ты следишь за мной? Так ты узнал, где я была вчера ночью.

Он отвечает очень быстро, значит сидит и следит за телефоном:

Это беспокоит тебя?

Это беспокоит меня гораздо больше, чем то, что он мне не пишет.

Я отправляю:

Ты злишься на меня?

Это необходимо и глупо, но я ничего не могу с собой поделать. Единственный мужчина, с которым я знаю, как общаться, это мой отец. Он всегда показывал своё разочарование с помощью злых слов. Я не могу выносить молчание.

Ник отвечает:

Никогда.

Тогда почему ты молчишь?

Я хотел дать тебе время на случай, если ты сожалеешь или чувствуешь, что я слишком сильно тебя подталкивал.

Единственная вещь, о которой я сожалею, это мой страх, который помешал нам зайти дальше. Но этого я ему не говорю. Меня окутывает облегчение от того, что он не злится на меня.

Я хотела бы знать, следишь ли ты за мной, Ник.

И я снова должен спросить. Это беспокоит тебя?

Я раздумываю над этим. Меня должна переполнять ярость, но нет. Возможно, это потому, что его вчерашнее появление было весьма своевременным. Я не могу злиться, раз из-за слежки он смог защитить меня. Тем не менее, я хочу знать, для чего он это делает.

Думаю, это зависит от цели, которую ты преследуешь.

Цель? Должна быть цель?

Иначе зачем тебе наблюдать за незнакомкой? Ты делаешь это уже какое-то время? И начал ещё до того, как мы познакомились?

Ты очень умная, моя Дейзи. А я несчастный лжец. Да, я наблюдал за тобой. Я смотрел и думал, что ты самое прекрасное существо, что мне когда-либо доводилось видеть. Я не мог остановиться и наблюдать, восхищался тобой. Я не мог даже представить, что мне когда — нибудь удастся поговорить с тобой на самом деле. Я пугаю тебя?

А мне стоит бояться?

Я никогда не причиню тебе боль. Никогда. Я буду лишь оберегать.

Кажется, это совпадает с тем, что я знаю о Нике. Я пытаюсь вспомнить, были ли его намерения плохими в тот день в прачечной. Он ведь взял меня за покупки и купил мне много дорогих вещей. Даже сейчас на мне трусики, которые купил тогда он, и от этой мысли моя рука над джинсами начинает дрожать.

Я напугал тебя, да?

Я обдумываю это. Знаю, наблюдать за кем-то издалека ненормально, но Ник показал себя истинным другом, оказавшись рядом. Я очарована и одурманена им, но не зла. Это неприятно, но не обидно.

Какое окно в здании напротив твоё?

Я покажу тебе. Ищи голубое.

Он там даже сейчас? Смотрит на меня? Я облизываю губы и чувствую, как твердеют соски, а между ног становится мокро от возбуждения. Я начинаю осматривать окна и вижу его. Плотное завешенное окно прямо напротив моего. Но там мерещится что-то голубое.

Я краснею, понимая, что это мои трусики, которые он украл вчера.

Как часто ты смотришь на меня? Что ты видишь?

Я вижу бесценное сокровище. Несравненную красоту. Вижу, как каждый твой жест источает радость, даже в мелочах. Я вижу, что радость существует. Я вижу тебя, Дейзи.

Эти слова будто тёплыми волнами окутывают моё тело. О, боже. Я знаю, что он пытается отвлечь меня лестью. И это работает. Я задыхаюсь от этого романтического текста.

Ты смотришь на меня прямо сейчас?

Да. Хочешь, чтобы я прекратил? Я сделаю это для тебя. Не хочу причинять тебе дискомфорт. Я дорожу твоим мнением превыше всего.

На кончике языка крутится «да, перестань», когда я осознаю, что с трудом дышу от волнения. То, что он смотрит на меня, дарит мне чувство озорства и злости. Но мне нравится это чувство. Я хочу, чтобы он продолжал наблюдать за мной... но на моих условиях.

Я думаю, нам нужен сигнал. Дай мне знать, если будешь наблюдать за мной.

Всё, что пожелаешь, котёнок. Я в твоём распоряжении.

У нас с отцом был свой знак, когда мы стучали в дверь, так мы знали, кто пришел. Я хочу сигнал, чтобы знать, что ты там.

Ко мне приходит понимание, что сейчас у власти я. Если мне не захочется, чтобы Ник смотрел, я могу закрыть окно. Могу попросить его остановиться, и, думаю, он сделает это.

Впервые в жизни я веду, и это чувство опьяняет. Я контролирую счастье Ника одной мыслью.

Всё происходит по моему усмотрению. Знание, что он смотрит, ничего не меняет... разве что прямо сейчас это меня возбуждает. Я касаюсь пояса своих джинсов и думаю, что он может увидеть это издали.

Сможет ли он снова кончить в штаны от одного взгляда?

Мое дыхание перехватывает, соски болят. Я хочу попросить его приехать, чтобы мы смогли продолжить наше сексуальное исследование. Но это плохая идея, ведь мне нужно работать. А если он всё-таки придет, я не смогу его отпустить.

Через улицу на окне Ника приоткрываются жалюзи, и меня ослепляет яркая, как зеркало, вспышка. Она вспыхивает раз, второй.

Это мой сигнал для тебя. В любое время, когда тебе будет любопытно, смотрю ли я, выгляни в окно. Если да, я подам тебе сигнал.

Я вижу.

Я смотрю на это и удивляюсь, как много всего он видел. Я улыбаюсь в окно и провожу пальцами по стеклу, как бы говоря привет.

Я хочу увидеть эти руки на мне, а не на окне, душа моя. Встретимся сегодня.

Не могу. Я работаю.

Скажи им, что увольняешься. Это плохая работа для тебя.

Я качаю головой в окно, будто говоря «я не уволюсь». Он постоянно предлагает мне уволиться, но натывается на отказ. Он не знает, какого это, видеть всего две двадчатки в

кошелек и знать, что больше не будет. Я пишу ему, желая сменить тему.

Так если я попрошу тебя прекратить наблюдение, ты это сделаешь?

Всегда. Ты значишь для меня больше, чем что бы то ни было.

Его слова согревают меня, наполняя удовольствием.

Я дам тебе знать, если захочу, чтобы ты прекратил. Мне нравится знать, что ты наблюдаешь за мной.

Да? Нравится?

Я смелею и улыбаюсь в окно. Во мне пробуждается невероятное возбуждение. Я продолжаю думать о прошлой ночи, о его горячей плоти под рукой. Не могу дождаться, чтобы испытать это снова. Я решаю, что хочу поиграть с Ником, оставив его в ожидании и разочаровании.

Я стою лицом к окну. Моя рука скользит к груди, я сжимаю её, выдыхаю и ласкаю свой сосок.

Затем смотрю на телефон, ожидая реакции Ника.

Она появляется секундой позже.

Дейзи... ты дразнишь меня?

Я чувствую радость, смешанную с желанием. Он понял, чего я хочу.

Ты хочешь, чтобы я показала тебе больше?

Я довольна своей смелостью. Я хочу сделать это. Нервничаю, но радуюсь.

Будто год проходит в муках, пока он отвечает.

Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем созерцание, как ты трогаешь себя для меня. Словами не описать, что я чувствую сейчас.

Моё дыхание превращается в мелкие волнующие толчки. Касается ли Ник себя, наблюдая за мной? Есть ли у него бинокль? Держит ли он в одной руке член, а в другой бинокль? Я содрогаюсь от мысли, что надо снять футболку и стянуть с себя застенчивость.

На мне один из моих новых бюстгалтеров, кружевной, белого цвета, невероятно сексуальный. Я рада, что выбрала сегодня именно его. Я кусаю губы и стягиваю одну лямку с плеча, всё ещё сжимая телефон в другой руке.

Душа моя, прошу, оголи свою грудь для меня. Я хочу, чтобы ты её потрогала.

Только если обещаешь, что тоже потрогаешь себя.

Да.

Это становится топливом для моего воображения, и я стягиваю лифчик. Моё лицо горит от застенчивости, а тело гудит от возбуждения. По какой-то причине раздеваться так легче, чем прямо перед Ником. Это делает меня смелее. Воздух ласкает мою голую грудь, соски твердеют и начинают болеть. Одной рукой я всё ещё цепляюсь за телефон, а другой ласкаю свою грудь, думая о прошлой ночи.

Я хочу показать ему больше, чем это. Я впиваюсь взглядом в окно, дразня сосок немного дольше, а затем скольжу рукой к джинсам, задавая немой вопрос.

Телефон немедленно вибрирует.

Покажи мне.

Содрогнувшись, я ложу телефон на кровать, освобождая обе руки. Затем расстегиваю джинсы, выпутываюсь из них и отпихиваю в сторону. Я стою перед окном своей комнаты в одних трусиках. В раздумье, я кусаю губу. Это второй этаж. Может ли кто-то кроме Ника меня видеть? Нужно ли волноваться об этом? Но я никогда этого не узнаю. А реакция Ника так приятна. Я скольжу пальцами в трусики и ожидаю ответа.

Мой телефон вибрирует на кровати, и я поворачиваюсь к нему.

Потрогай себя, котёнок. Покажи мне, где тебе понравился мой рот.

Я резко всасываю воздух от этих слов. Одно дело дразнить его с мыслями, что он касается себя, и другое — видеть, как это написано, и понимать, что его взгляд прикован к каждому моему движению. Я кладу телефон на кровать и возвращаю свои руки к соскам, мечтая, чтобы это был его рот, а не мои руки. Мне недостаточно простых прикосновений к груди, но волны удовольствия уже проходят через меня. Я знаю, что он хочет увидеть больше.

Поэтому я скольжу одной рукой к животу и ниже.

Пальцы касаются кудряшек моей промежности. Я уже невероятно мокрая, даже волосики намокли. Я задыхаюсь от чувства собственной влажности. Дрожь накрывает меня мелкими иголками, когда я дотрагиваюсь до клитора. Я помню его рот здесь прошлой ночью. Облизывающий, посасывающий. Я помню, как он блестел, когда Ник посмотрел на меня. Интересно, понравился ли ему мой вкус.

Мои пальцы отправляются в рот, и я вожу ими по губам, зная, что он наблюдает.

Покажется ли ему это эротичным? Я пробую свой мускусный вкус, думая о нём, а затем снова отправляю свои пальцы вниз. Я не могу проскользнуть пальцем внутрь себя стоя, не так, как он это сделал вчера. Так что я просто поглаживаю свой клитор туда обратно, втирая влажность, пока вторая моя рука дразнит сосок.

Я так возбуждаюсь от всего этого, что когда телефон начинает вибрировать, я кончаю просто от того, что он написал мне. Это послужило катализатором, я дрожу от быстрого и резкого облегчения. Постепенно оно покидает меня, и я чувствую грусть из-за того, что он смотрит на меня сквозь окно, вместо того чтобы быть рядом.

Мне бы хотелось, чтобы Ник был здесь.

Я вытираю руку о старую футболку и, бросив её в бельевую корзину, беру телефон,

чтобы прочитать сообщение Ника.

Снова, ты снова заставила меня кончить в штаны.

Я рада. Мне нравится казаться такой неотразимой.

Я сворачиваюсь калачиком и накрываюсь одеялом с телефоном в руках, чувствуя себя вялой и умиротворенной. Раз уж Ник не может быть здесь, нас свяжет телефон. И если Ник не может лежать со мной под одеялом, я буду лежать с телефоном.

Ох, Дейзи. Ты слишком хороша для такого, как я. Даже не знаю, почему ты говоришь со мной. Я не заслуживаю такого подарка.

Глупый ты человек. Мне нравятся эти отношения, мне нравишься ты, мне нравится, что ты позволяешь мне контролировать. Ты позволяешь мне направлять. Поэтому я чувствую себя сильной. И не боюсь. Это лучшее чувство в мире.

Ты хочешь покатать нас, котёнок? Я позволю тебе управлять своим Дукати в следующий раз. Хочешь?

Я... не умею водить.

Мне стыдно в этом признаваться. Это одна из тех вещей, которой сам отец меня бы не научил, так как не выходил из дома, а ходить на занятия он бы мне не позволил, так как пришлось бы контактировать с другими людьми. Это мысль близка к анафеме для моего страдающего агорафобией отца. Кроме того, я думаю, что так он пытался удержать меня в своей ловушке. Я взволнована просто от перспективы обменять своё удостоверение личности на водительские права. Мне не хватает этого умения. Я даже боюсь признаться в этом Рейган из-за того, что она будет смеяться над моей отсталостью.

Тогда я научу тебя, цветочек. И потом ты отвезёшь меня куда угодно, да?

Я улыбаюсь в телефон.

Да:)

НИКОЛАЙ

— Ну что, душа моя, не знаешь, как водить? Это просто, — я показываю на педали: — Большая — это тормоз, немного вытянутая — газ. Мягко нажми на обе, пока не приспособишься.

— Всё первое в моей жизни происходит с тобой, — говорит она, тихонько усмехаясь.

Мне нравится это, как и моему члену. Я безумно хочу притянуть её к себе и заставить коснуться моей твёрдой плоти. Но думаю, для этого слишком рано. Она не шлюха, чтобы исполнять заказы. Она любит быть главной, а я и рад ждать шагов с её стороны. В конце концов, я ещё покажу ей, как много удовольствия она мне приносит.

— Никто не будет дорожить тобой так, как я.

— Никто? — её брови взлетают вверх.

Это не высокомерие, но я ревную. Боюсь, что она захотела бы кого-то другого, поэтому просто пожимаю плечами.

— А что, если кто-то ещё будет... — она делает паузу, раздумывая секунду. Я напрягаюсь, но она просто добавляет: — ...учить меня водить.

— Нет, мне это не понравится.

— А что будет, если один из покупателей прикоснётся ко мне? Ты был расстроен, когда приходил на заправку.

— Мне придется его убить.

— Ха-ха, — произносит она по слогам с насмешкой. — Ну, серьёзно.

Я смотрю на неё. Нет, это не шутка. Я отрежу руки любому мужчине, который коснётся её. Я представляю, как отпиливал бы каждый палец, медленно. Ведь быстрая смерть прекращает страдания, а он должен страдать. Только когда её глаза тускнеют, а вид становится озабоченным, я говорю:

— Шучу.

Вот только, думаю, мы оба знаем, что я не шучу.

Она возвращается обратно к машине.

— Нажми на тормоз, а затем нажми кнопку. Подожди, пока двигатель не заведётся.

Она следует моим инструкциям.

— Тихонько отпусти тормоз.

Автомобиль дёргается, она слишком быстро отпускает тормоза, а потом резко нажимает. Мы оба летим вперёд вперёд.

— Прости, прости, — бросается она в извинения.

— Ничего страшного. Просто мягче.

Во второй раз она делает это гладко и начинает медленно практиковать большие круги на пустой стоянке. Мы пробуем торможение, поворот, медленное ускорение, а затем быстрое. Через некоторое время она уже с лёгкостью может маневрировать. Возможно, в другой раз мы попробуем мотоцикл. Интересно, какому ещё «впервые» я смогу её научить.

Время, отведённое мне рядом с ней, закончится быстро, но я хочу, чтобы она меня запомнила. Чем больше первых моментов она со мной испытает, тем сильнее я врежусь в её память. Ещё несколько «впервые» — и она никогда меня не забудет.

Время летит быстро, и мы останавливаемся только когда её желудок начинает урчать.

Я плачу у за еду, игнорируя её протесты.

— Есть что-нибудь ещё, чему ты хочешь научиться? — спрашиваю я после того, как мы поглощаем наши сэндвичи. Дейзи хотела вернуться в машину, а я хотел, чтобы Дейзи была счастлива.

Она пожимает плечами и посылает мне счастливую улыбку.

— О, Боже, всему.

Ко мне внезапно приходит мысль. Одинокая женщина в городе должна быть вооружена. Я научу Дейзи стрелять из пистолета. Это одна из областей, в которой у меня есть большой

опыт.

— Поехали за город, — говорю я. — Там ты сможешь ехать по длинной дороге с более высокой скоростью.

Дейзи сияет. Это определённо была хорошая идея. Даже лучше, чем пикник. В следующий раз я скажу Дэниелу, что его приёмчики с женщинами устарели.

Я усаживаю Дейзи на пассажирское сидение.

— Когда мы выедем из города, я пушу тебя за руль.

Пока мы едем в машине на запад, я поднимаю волнующую меня тему:

— Может быть, в следующий раз я бы мог научить тебя пользоваться огнестрельным оружием. Я беспокоюсь, что ты работаешь на заправке по ночам одна.

Дейзи смеётся над этим предложением:

— На самом деле, я уже знаю, как стрелять.

Я резко перевожу на неё удивленный взгляд. Не такого ответа я ожидал. Не то чтобы я никогда не видел женщину с оружием. Многие из них делают ту же работу, что и я. В *Братве* тоже много женщин, правда, они торгуют сексом, в основном, но с лёгкостью обращаются и с ножом, и с пистолетом.

— Отец научил меня.

Её глаза грустно смотрят в даль.

Я выпрямляюсь. Мне мало известно о прошлом Дейзи, только её настоящее. Знаю, что она одна, бедная, без капитала и семьи. Или я так думаю.

— Что заставило его это сделать?

Она пожимает плечами, таким загадочным, слегка французским жестом, который может означать всё, что угодно.

— Я жила на ферме, в этом самом направлении. Она машет рукой в ветровое стекло вдоль шоссе, на которое мы выехали.

— Все отцы на фермах учат дочек стрелять? — спрашиваю я.

Я знаю несколько деревенских семей, вероятно, они все умеют стрелять.

— Хищники, — говорит она тихо. Я чувствую, что ей есть, что сказать. И вскоре моё терпение вознаграждается. — Мою мать застрелил незнакомец. Ну, мы так думаем. Сейчас его нет. Он провёл два года в колонии.

С каждым её словом я всё больше понимаю, что никто, кроме меня, не знает этой истории.

— Твою мать застрелили?

У меня начинает разыгрываться воображение. Она участвовала в какой-то преступной деятельности? Или что-то украла?

— Знаю, звучит невероятно, да?

Её голос прерывается от вздохов, я хочу остановиться и успокоить её. Но вместо этого просто протягиваю руку к её и сжимаю.

В ответ она делает то же самое.

— Мы с папой не знаем, почему это была она. Когда этот человек вышел из колонии, то нашёл моего отца и сказал, что он будет следующим. Это изменило мою жизнь. Отец стал бояться выходить из дома. Он забрал меня из школы, и мы стали отшельниками. Однажды он привёл меня в подвал, где создал семярдовое стрельбище с мишенью из сотен старых телефонных справочников, приготовленных для переработки. И долгие месяцы я ночами стреляла из пистолета в стену телефонных книг.

— Какой пистолет?

— Детский Glock.

— Хороший пистолет. Тридцать восьмой калибр?

Она кивает:

— Ты много знаешь об оружии.

— Однажды у меня была работа, связанная с этим, — говорю я туманно, но, тем не менее, честно. — Я соболезнаю о твоей матери и отце. И этому парню дали всего два года?

— Он был несовершеннолетним, и его признали невменяемым.

Дейзи смотрит вниз, и я чувствую, как мокрые горячие слёзы каплют на наши сцепленные руки.

— Они были снисходительны, хотя он и забрал у нас мою маму.

Моё сердце сжимается от боли за неё. Когда я закончу для Сергея эту работу и принесу отпущение в его дом, я вернусь, найду этого человека и убью его ради Дейзи. И хоть мы никогда не сможем быть вместе, я всё равно сделаю это. Я тихонько обещаю это себе. А пока всё, что я могу сделать для Дейзи, это обеспечить ей комфорт в случае необходимости.

Я съезжаю на боковую дорогу, расстёгиваю ремень безопасности и притягиваю Дейзи к себе.

Она обнимает меня, но только на мгновение, а затем отталкивает.

— Спасибо, не понимаю, почему я так эмоциональна. Прости.

Она стирает слёзы руками.

— Ты не должна извиняться, твоя реакция вполне нормальна, — уверяю я, поглаживая её по спине.

Она запрокидывает голову и улыбается мне.

— Разве тебе не становится неловко от такой эмоциональной реакции?

— Только не твоей, — я тянусь вперёд и целую её в шею. Её пульс подскакивает. — Я хочу все твои эмоции.

Я дорожу даже её злостью. Безразличие — вот что страшно.

Дейзи тает на моей груди, и в этот раз меня охватывает не сексуальное желание, а желание покровительственной защиты. Я обнимаю её и спрашиваю:

— Хочешь повести сейчас?

Она кивает и пересаживается за руль.

Мы долгое время едем, и я рассказываю ей о том времени, что провёл в наблюдении за куратором музея. Не о его пристрастии к маленьким мальчикам, а об искусстве, поразившем меня.

— Я бы хотела увидеть произведения искусства, — говорит Дейзи. — Я видела только фотографии. Мой отец ограничивал всё в моей жизни, даже выход в Интернет.

Я начинаю понимать, почему она так невинна, и я боюсь за неё.

— У тебя всё ещё есть пистолет?

— Нет, я оставила его на ферме.

— Я куплю тебе новый.

Мы завтра же пойдём и купим его. Или я пойду. На улице всегда много оружия на продажу. А моё слишком большое для её нежных ручек.

— Ты не можешь продолжать покупать мне вещи, — раздражённо говорит она.

— Почему не могу? — девушки Гарольда соперничали в борьбе за его подарки больше, чем за его внимание. Даже шлях мой кошелек интересовал больше, чем секс. Этого я в

Дейзи не понимаю. — У меня есть деньги, это не проблема для меня.

Дейзи трясёт головой:

— Если у тебя так много денег, почему же ты живёшь в помойке через дорогу от меня?

Я выдаю ей немного правды:

— Я веду расследование кое о ком.

— О, мой бог, ты шпионишь за кем-то? Как парни, следящие за жёнами? — в её глазах мелькает понимание: — Вот как ты начал наблюдать за мной, верно?

— Я слежу за человеком. Он украл деньги у того, на кого я работаю. И мой работодатель хочет вернуть их.

В машине повисает тишина. Интересно, о чём же раздумывает Дейзи. Неужели она поняла зловещий подтекст моих слов? Но нет, она снова удивляет меня:

— Должно быть, это очень плохой человек, раз он украл деньги.

— Да.

Она вздыхает, а затем пожимает плечами:

— Наверное, по сравнению с этим наблюдать за мной ужасно скучно.

— Никогда.

— Никогда? — она смеётся. — Всё, что я делаю — это сплю и хожу на работу.

— Мне не нравится, где ты работаешь, — заявляю я. — Там могут случиться плохие вещи.

Она выпучивает на меня глаза и выдаёт аргумент, который мы уже обсуждали:

— Я же говорила, Крэйг, хозяин заправки, живёт немного дальше по улице.

Я переминаюсь на сиденье, но она не смотрит на меня:

— Там есть бар. Это говорит об опасности. В безопасных местах баров нет.

— Мне нужны деньги, — говорит она с гордо поднятым подбородком.

Я вздыхаю и склоняю голову на бок. «Терпение», — говорю я себе.

— Я не могу присматривать за тобой всё время.

— Я никогда не просила об этом! — восклицает она расстроенным голосом.

Я тоже разочарован.

— Однажды меня там не будет, а с улицы придёт человек, который сделает тебе больно.

— А какие у меня варианты, Ник? Не работать? Сидеть дома и позволить мужчине обеспечивать меня?

«Да», — хочу сказать я, но даже глупец вроде меня понимает, что в таком настроении её лучше не злить.

— Может быть, мы могли бы найти тебе другую работу. В музее или библиотеке.

Лицо Дейзи омрачается, она встревожена:

— Ник, моё резюме пустое! У меня нет ни образования, ни опыта работы. Никто в музее не наймёт меня. У меня нет навыков для подобной деятельности.

— Я не понимаю, какие такие навыки требуются для этой работы, — признаюсь я.

— А они нужны, — она так крута в своём ответе. — Это вовсе не значит, что я хочу работать на заправке. Это значит, что в двадцать один год единственное место, где я могу работать, это бензоколонка.

Это звучит горестно и неоспоримо, я беспомощен в этой ситуации. Я могу дать ей деньги, но она их не возьмёт. Дать ей работу не в моих силах. У меня мало профессиональных навыков вне военных организаций.

После поездки с Дейзи меня одолевает беспокойство. Так много нерешённых проблем,

о которых нужно позаботиться. Бухгалтер. Сергей. Дейзи заставляет думать меня о будущем, тогда как раньше я жил одним днём, переходя от одной работы к другой. В перерывах между заданиями я обычно подготавливаю оружие и тренирую своё тело. Читаю книги, хожу в музеи, сплю со шлюхами. Такая жизнь лишает меня возможности сделать что —нибудь полезное.

Я даже не уверен, что делать со всеми своими накоплениями. Живу я скромно, предпочитая отели или арендованные квартиры. У меня большой банковский счёт, но я никогда ничего с ним не делал.

У меня нет не только никаких реальных навыков, не связанных с убийствами, но и какого-либо образования. Хотя я стараюсь совершенствоваться, читая книги и посещая художественные галереи.

Мне почти нечего предложить Дейзи. Разве что купить ей телефон, одежду да оплатить квартиру. Это единственное, что я могу ей дать, но она отвергает даже это.

Возможно, я не хочу больше убивать. Возможно, я бы хотел жить с Дейзи в крошечной квартирке, есть пищу, приготовленную её заботливыми руками, и вечерами заниматься с ней любовью. И по утрам. И во второй половине дня.

Но я не могу построить отношения с Дейзи, пока не решу этот вопрос с Сергеем. На это нужно время, и только после я смогу осесть без страха за себя и за неё.

* * *

Я наблюдаю за своей целью. Мистер Браун ходит по своей квартире, готовясь ко сну.

Либо я пропустил его ежедневные извращения, либо он слишком устал от этого бреда. Он направляется к кровати, а его собака послушно прыгает позади. Интересно, станет ли собака атаковать мистера Брауна, если позволить ей, как ораве парней на куратора в Милане?

Неуютную тишину в моей квартире прерывает телефонный звонок из второй спальни.

Сначала я игнорирую его, но потом предполагаю, что это может быть Дэниел.

— Алло, — отвечаю я.

— Николай.

Это не Дэниел. Сергей. Глава *Братвы*. Акцент в его голосе почти не слышен.

Однажды он сказал мне, что акцент так же опасен, как и отпечатки пальцев. Что он несёт историю и может привести к твоей семье. Я сказал ему, что у меня нет семьи. Он похлопал меня по плечу и сказал, что именно поэтому я идеальное оружие.

Возможно, поэтому он чувствовал, что мог убить Александра без задних мыслей.

Сергей верил, что я был машиной, пистолетом, который Александр нашёл и почистил. А теперь, когда Александр умер, Сергей считает меня оружием, которое сам же и контролирует.

Я не разуверял его в этом. По правде говоря, я раздумываю о Сергее прямо сейчас.

Сначала отслежу этого бухгалтера, а затем удалю и Сергея.

— Сергей. Что тебе нужно?

Интересно, разобрался ли он с телами в Полисаде. Там был беспорядок.

— Мне интересно, не слышал ли ты о смерти нашего друга Богдана. Он был в Лос —

Анджелесе и не смог выполнить моё задание из-за проблем с пищеварением.

— Богдан всегда много пил. Его печень не выдержала? — спрашиваю я.

— Печень и сердце. В общем-то, все его органы, — отвечает Сергей.

Мой язык прилипает к горлу.

— Это очень плохо.

— Молодая жена Богдана раздавлена. Ты же знаешь, она беременна.

— Нет, я не знал.

Не это я ожидал услышать.

— У Богдана была опасная жизнь, разве она не знала?

— Знала. Но, думаю, не подозревала, сколько у него осталось долгов.

Голос Сергея льётся легко и гладко. Вероятно, он уже с ликованием воображает, что сможет потребовать от молодой вдовы.

Мои ноздри раздуваются от отвращения. Хоть это и клише, но его стоит убить хотя бы за это. Когда я был в *Братве*, Сергей как солдат соответствовал самым строгим стандартам. Но став лидером банды, он пал жертвой власти, которую считал трофеем победителя. Нажива на горе скорбящей вдовы — это восхитительный торт для Сергея. А её сопротивление станет вишенкой на нём.

Он как-то изнасиловал двух сестёр, заставляя их отца, задолжавшего ему денег, наблюдать за этим. Тогда Сергей смеялся, как злодей в кино. А я хотел убить его, но вместо этого нажал на сонную артерию, пока он не потерял сознание, а затем выстрелил в землю.

Сергей был старше меня, его восемнадцать против моих четырнадцати. Но я был более диким. Он остановился с горящей в глазах ненавистью.

— Тебе не нравится это? — спрашивает Сергей, ожидая реакции.

— Не мне судить, — отвечаю я уклончиво, и мы оба этого ожидали. — Но я думаю, ты звонишь поговорить не о Богдане.

— Николай, ты всегда недооценивал светские разговоры. Именно поэтому ты всё ещё обычный солдат *Братвы*, а не её лидер.

— Я не состою в *Братве*, — поправляю я его. — С пятнадцати лет.

Именно столько мне было, когда Александр выгнал меня. В то время я был ранен, но сейчас мне кажется, что это была самая большая жертва и самый щедрый подарок, который он когда-либо мне делал. Богдан хотел уйти, но не смог. Сергей, в конечном счёте, хотел наказать меня. А Александр отпустил, но при этом дал мне свободу.

— Единожды в *Братве*, всегда в *Братве*, — иронизирует Сергей.

Я улыбаюсь в телефон этой его характерной черте. Ещё одна его слабость. Он не заслуживает власти. Но Александр не хотел быть главой, а Сергей — племянник Петровича и, к тому же, старший наследник его семьи. На его плечи упала большая ответственность, но он не справляется. *Братва* распадётся на куски в ближайшие десять лет.

Бытует мнение, что преступные организации не должны существовать, но семья Петровича играет важную роль. Многие семьи питаются от доходов *Братвы*. А если не Сергей будет контролировать потоки продаж оружия и наркотиков, то за него это сделает кто-то ещё. Преступность никогда не исчезнет. Её можно только сдерживать.

Однако я молчу, ведь Сергей действующий глава *Братвы*, и в его распоряжении находятся все её ресурсы. Были в семье те, кто с религиозным фанатизмом был предан Сергею, как главе семьи.

Я не обращаю внимания на раздражение Сергея, ведь подозреваю, что он звонит

потому, что я слишком долго тяну с этим бухгалтером, мистером Брауном. И его слова тут же подтверждают это.

— Эта работа заняла уже целый месяц твоего времени. Это феноменально. Что, наш бухгалтер настолько умён? — спрашивает Сергей.

«Достаточно умён, чтобы украсть твои миллионы», — думаю я, но знаю, что лучше сказать другое.

— Это деликатная работа. Я не хочу привлекать ненужное внимание.

— Просто накачай его и верни назад, — командует Сергей.

— Ты хочешь, чтобы эту работу сделал кто-то другой? — спрашиваю я.

Сергей резко выдыхает, а затем раздаётся резкий звук, будто он ударяет чем-то о деревянный стол. «Ебать». Он обзывает меня, но пытается сделать вид, что это смех. Мы оба знаем, что это не шутка.

Я жду.

— Дай мне чёткие временные границы. Когда ты закончишь? У меня есть другое задание для тебя.

Я пожимаю плечами, но он не может этого видеть.

— Ты не единственный, у кого я беру заказы. У меня есть работа, которая ждёт меня после. А потом посмотрим.

— Слушай меня, маленький засранец, — Сергей теряет контроль и переходит на крик. — Ты родился в сточной канаве от *шлюхи*, *Братва* подобрала тебя и сделала из тебя того, кем ты являешься. Ты принадлежишь нам.

— Обзывание моей мёртвой матери шлюхой не ускорит эту работу, — отвечаю я мягко, так крепко хватаясь за стол, что кровоток в руке замедляется.

Сергей снова сыплет проклятья:

— *Пиздец нахуй блядь!* Я знаю, где ты. Если не закончишь работу за неделю, станешь следующей целью.

Чёртова фигня. Это всё, что у него есть против меня? Я чувствую себя оскорблённым отсутствием у него творческой инициативы, но мысль о том, что он знает о моём местоположении, беспокоит меня. Мне необходимо закончить с господином Брауном просто для того, чтобы обеспечить безопасность Дейзи. Мне не нужна улучшенная версия Богдана в городе.

Мне нужно увидеть, как Дейзи стреляет из пистолета. Нужно, чтобы он у неё был.

Некоторое время спустя я следую за Дейзи на работу, чтобы убедиться, что она благополучно устроилась внутри. Снаружи я присматриваюсь к кабелям питания и проводам, они помогут контролировать всё удаленно. Я должен был сделать это ещё несколько недель назад. Чувствуя себя немного лучше от того, что Дейзи в безопасности, я отправляюсь в её жилой комплекс. Меня ждёт мистер Браун.

Я не стучу. Дверь легко открывается для меня, из предварительного поиска я знаю, что мистер Браун держит только одно оружие, в тумбочке. Зачем позволять злоумышленнику зайти так далеко прежде, чем поставить хорошую защиту? Это же бессмысленно. У меня есть растяжки на двери, которые очень легко поставить вместе с банками или колокольчиками и очень трудно «обезвредить», если вы снаружи. Эти меры безопасности низкотехнологичны, но мистер Браун не потрудился использовать даже их. Его потеря.

Даже его маленькая собачка не сможет его защитить, так как она заперта с ним в спальне. В передних комнатах квартиры темно, что позволяет мне передвигаться незаметно.

Я переставляю неудобный металлический стул в гостиной. На нём мистер Браун будет сидеть, а здесь буду стоять я.

Здесь нет поверхностей, к которым было бы приятно прикасаться, даже в перчатках.

— Мистер Браун, — зову я. — У вас посетитель.

Звук моего голоса будит собаку, которая, в свою очередь, будит мистера Брауна. Я стою в углу, на случай, если он решит сначала стрелять, а потом задавать вопросы. Хотя это излишняя мера предосторожности. Мистер Браун, вероятно, никогда не спускал курок, в отличие от Дейзи.

— Кто там, Орешек?

Орешек? Я передёргивает от имени собаки, выдуманного извращённым умом мистера Брауна. Собака послушно вскакивает и тявкает на меня. Я встаю на колени и даю ей одно из специально заготовленных мною лакомств. И тут над моей головой просвистывает пуля.

Мои брови подлетают от удивления. Мистер Браун, фактически, выстрелил в меня, а промахнулся лишь потому, что я наклонился покормить его собаку. Я по-прежнему сижу, мои глаза уже привыкли к темноте, и мне видно, как он размахивает пистолетом. Придётся разоружить его.

Я скармливаю Орешку последний кусочек и украдкой двигаюсь вокруг мистера Брауна. Он не чувствует меня, я легко могу встать позади и вытащить пистолет из его руки.

Он маленький и лёгкий. Может, отдать его Дейзи? Нет, Дейзи не должна прикасаться к грязи, принадлежавшей мистеру Брауну.

Я указываю пистолетом на стул:

— Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Браун.

— Я не мистер Браун. Вы ошиблись, — говорит он, но, тем не менее, подчиняется.

— Джордж Франклин, бывший сотрудник Братвы Петровича? В настоящее время в бегах?

Мистер Браун задыхается, а затем начинает умолять:

— Чего вы хотите? У меня есть деньги. Много денег. Я дам вам всё, что угодно.

Эти встречи всегда настолько однообразны, что я не удивлюсь, если у преступников где-то есть сценарий для таких ситуаций, согласно которому в случае пленения использовать эти реплики для переговоров. Увы, похоже, это работает от случая к случаю, иначе он бы не предлагал взятку.

— У вас есть информация, которую я хотел бы получить, мистер Браун, — повторяю я. — Вы настолько тупой и жадный, что украли деньги у *Братвы*, но мне плевать. Меня больше заботит то, почему Сергей устранил Александра Зотова.

Я поднимаю руку, чтобы прекратить пререкания:

— И я знаю, что дочь Сергея здесь ни при чём.

Мистер Браун закрывает рот, а затем снова открывает:

— Я не совсем уверен, почему это произошло.

— Ну, тогда, — я поднимаю пистолет мистера Брауна и направляю его на него, — нам не о чем торговаться.

— Подождите, подождите, — он поднимает руки. — Я слышал, как они ругались о работорговле. Александр не считал, что *Братва* должна входить в этот бизнес. Оружие, наркотика — да, но люди — нет.

Я опускаю пистолет и жестом позволяю ему продолжать.

— Александр сказал, что дети это слишком. Он не хотел в этом участвовать и сказал,

что дядя Сергея никогда бы не залез в это.

— Это всего лишь повод, неужели Александра это действительно беспокоило?

Ох, уж этот Александр с его извращённой моралью.

Мистер Браун качает головой.

— Я не знаю, не задумывался об этом. Теперь у вас есть информация, и вы можете оставить меня в покое.

Невероятно наглая просьба, но почему бы и нет.

— Немного информации, и вы ждёте, что я отпущу вас? Кто же, ты думаешь, послал меня?

— Сергей, — угрюмо отвечает мистер Браун. Он смотрит на свои ноги, а затем на свою собаку, которая так и не отошла от меня.

— Вы думаете, что я могу вернуться к нему и сказать, что работа не выполнена, без уничтожительных для себя последствий? — я качаю головой. — Не держи меня за глупого ребёнка.

— Чего ты хочешь от меня? — мистер Браун поднимает руки в мольбе. — Я дам тебе всё, что угодно.

— У тебя нет никаких идей, да?

— Да!

Он готов согласиться на любое условие.

— У тебя есть план на непредвиденный случай? Ты думал, что просто возьмёшь деньги, сбежишь на Средний Запад и никто не будет тебя искать?

— Да, — мистер Браун начинает плакать и пошатываться на своем стуле. — Я слишком долго убегал. Я остановился здесь просто потому, что устал.

— Тогда ты дашь мне информацию, которую хочет Сергей. Потому что он не просил убить тебя, он просил доставить тебя домой.

Это пугает мистера Брауна ещё больше. Он обнимает себя и начинает открыто рыдать:

— Не отправляй меня назад. Просто убей прямо сейчас. Обещай мне.

Я потираю надпись на груди. Смерть — милосердие. Этот человек понимает. Конец — это только начало. Оставаться в живых, когда твою семью пытаются, когда пытаются тебя — это хуже, чем смерть. Я приношу милосердие.

— Обещаю, — говорю я. — Я вернусь к Сергею и скажу ему, что мне пришлось тебя убить, но сначала ты дашь мне информацию, которая поставит Сергея под угрозу. Дашь важную информацию и останешься живым и здоровым.

Мистер Браун начинает говорить и заканчивает лишь сорок пять минут спустя.

Я одним выстрелом простреливаю ему висок. Собаку забираю с собой. Не уверен, что буду с ней делать, но точно не хочу, чтобы она осталась и съела мозги мистера Брауна, как собаки это обычно делают.

Я поднимаю тело мистера Брауна и ложу в ванну, которую залил смесью серной кислоты и перекиси водорода. Она разъест тело, пока от него не останутся одни кости.

Неестественное разложение гарантирует, что его тело найдут ещё не скоро. Я внесу за него арендную плату на три месяца вперёд.

Это даст мне время с Дейзи. Три месяца, чтобы понять, что с ней делать.

Вернувшись в свою квартиру, я снимаю с себя одежду — брюки, рубашку, перчатки и маску — и сжигаю в ванной. Фарфор удивительно вынослив, но запах горящего хлопка и шерсти неприятен. Избавившись от одежды, я принимаю душ, смывая остатки пороха, пепла

и дыма.

Я глажу собаку и иду проверять взломанные мониторы на заправке Дейзи. Она сидит на стуле и таращится в журнал. Кажется, никто не пострадал. Возможно, Дейзи права. Она в порядке.

Ненадолго я задаюсь вопросом, будет ли ей не хватать соседа, хотя она ни разу не упоминала о нём. Я наблюдаю за Дейзи, пока её смена не кончается. Отвлекаюсь лишь на то, чтобы покормить собаку мистера Брауна. Нужно дать ей новое имя. Я не могу звать её Орешком. Эта мысль тревожит мой желудок в отвращении. Сначала собака выглядит потерянной, но пописав в двух углах, она бездушно решает, что моя квартира так же хороша, как и квартира мистера Брауна. Убрав за собакой, я раздумываю, что с ней делать. Может, Дейзи хотела бы завести питомца.

Остаток ночи проходит без происшествий.

Когда её смена подходит к концу, я несусь к Дукати, чтобы забрать её.

— Привет, Ник, — она выглядит довольной и широко улыбается мне. — Не думала, что увижу тебя.

— Почему? — я забеспокоился. Неужели я не сказал, что буду приглядывать за ней?

— Просто я удивлена. Приятно удивлена. Я же не получила ни одного сообщения от тебя, — она перекидывает ногу через мотоцикл и надевает шлем. Сложно говорить с ней, пока она носит его. Нужно было купить шлемы с микрофонами и связанные друг с другом.

Я притягиваю её к себе и глажу руки, обнявшие мою талию. Я устал, и Дейзи тоже, подозреваю. Мы оба должны поспать, но я не могу спать, когда так беспокоюсь о ней. Когда мы подъезжаем к её дому, я говорю ей:

— Дейзи, я чертовски устал, — честно признаюсь я.

Её рука легко касается моей щеки:

— Так ты и выглядишь.

— Ты ведь тоже устала, да?

Она слегка кивает.

— Позволь нам спать вместе. После всего я не смогу спать без тебя.

Я делаю значительную паузу и она понимает.

— Просто спать, ничего больше.

Дейзи фыркает от смеха и качает головой:

— Должна ли я обидеться на то, что всё, что ты хочешь со мной делать, это спать?

— Я не хотел обидеть тебя, — говорю я. — Я хочу от тебя куда большего, но для этого мы оба должны быть достаточно отдохнувшими. Потому что потом ты не сможешь спать несколько часов, если не дней.

Это заставляет Дейзи покраснеть ещё сильнее, хотя я не сказал ничего, кроме правды.

После того, как я окажусь внутри её мокрой щелочки и её киска захватит мой член, я не смогу отпустить её в течение нескольких дней. Нам нужно договориться и не доводить друг друга каждые несколько часов. Потому что, подозреваю, когда Дейзи станет моей, я буду брать её снова и снова, пока наши мышцы не превратятся в желе, а мозг не потеряет способность думать. Но я не могу этого сделать, пока ситуация с Сергеем не решена. Если нельзя окружить Дейзи безопасностью, нужно всё время сохранять бдительность.

Дейзи берёт меня за руку и отводит в квартиру. Когда она захлопывает дверь, я закрываю все замки и прошу у неё несколько металлических предметов.

— Зачем?

— Для безопасности, — отвечаю я честно. Она смотрит на меня, как на безумного, поэтому я добавляю. — Я не смогу уснуть, пока квартира не будет в безопасности.

— Ник, ты вырос в опасном районе?

— Да.

Это правда. В *Братве* ты был мишенью, если не мог постоять за себя. Нужно было быстро учиться.

Дейзи не задаёт больше вопросов. Вместо этого она достаёт из мусора пару металлических банок. Она споласкивает их, а я проделываю дырочки в нижней их части своим перочинным ножом. Затем связываю банки вместе и вешаю над дверью.

— А что насчёт Рейган?

— Если она придёт или уйдёт, мы будем знать об этом.

Я хочу знать обо всех передвижениях кого бы то ни было.

Дейзи смотрит вдоль коридора на спальню, а затем обратно на банки. Мне нужно приложить некоторые усилия, чтобы не достать из куртки пистолет.

— Думаю, ты должен будешь многое рассказать мне об этом, а я должна буду многое спросить, но сейчас я слишком устала, — она даже зеваёт, говоря это.

Я киваю, хотя всё ещё не понимаю, с чем согласился. Я жалею, что оставил собаку, но если пёс нагадит снова, я просто убью его. Завтра. Обо всём этом я подумаю завтра.

— Пойдём, — говорит она, и я следую за ней в спальню.

Я уже видел эту комнату, но находиться в ней совсем не то, что наблюдать через окно.

Я провожу пальцами по древнему деревянному комоду, что хранит одежду, купленную мной. Не уверен, спал ли кто-то на этой кровати до нас. Всё, что мне известно — сегодня я буду прижимать тело Дейзи к себе.

— Тебе нужна одежда для сна? У меня нет ничего подходящего, но, может, парень Рейган оставил что-то.

Я качаю головой:

— Нет, я могу спать в своей футболке и джинсах.

Я не говорю ей, что лучше буду спать голым, чем прикоснусь к его вещам.

Дейзи выбирает себе одежду. Я стараюсь вспомнить, что из ночного белья мы ей купили. При воспоминаниях о клочках атласа и кружева, что были в отделе нижнего белья, моя кровь начинает закипать. Я снимаю куртку и вешаю её на дверцу шкафа, убирая пистолет в промежуток между матрасом и кроватью, выбрав ближайшую к двери сторону. Я снимаю ботинки, но оставляю носки и ремень. Чем меньше одежды придётся натягивать, тем быстрее я среагирую на угрозу. Знаю, Дейзи нервничает, так что я ложусь в постель, запрокинув руку за голову. И жду.

Моё сознание трепещет, когда я отправляюсь в ванную, чтобы переодеться ко сну. Я выбрала мягкую, тёплую фланелевую рубашку. В доме не холодно, но я чувствую, что должна надеть что-то, что не возбудит Ника. Он выглядит измождённым, и я не буду мучить его шёлковыми ночнушками, которые он купил мне в магазине.

Я выхожу из ванной и бросаю взгляд на нанизанные над дверью банки, а затем отвожу его прочь, будто в этом нет ничего странного. Их вид беспокоит меня. Но не потому, что они есть, а из-за того, что они собой представляют. Они заставляют меня думать о моём прошлом с отцом. О множестве способов, помогающих убедиться, что злоумышленники никогда к нам не пролезут. Я до сих пор помню пузырчатую плёнку на подоконниках.

Я задаюсь вопросом, не это ли так тянет меня к Нику. Мы похожи больше, чем любой из нас понимает.

Под его глазами залегли тёмные тени, но взгляд всё ещё остается настороженным, даже когда он расслаблен. Кровать приставлена вплотную к стене, а Ник лежит с краю. Мне придется пролезть над ним, чтобы занять место на кровати. Интересно, он сделал это нарочно, чтобы увидеть меня над собой? Эта мысль заводит меня, и я пролажу над ним, краснея и отводя глаза. Я лежу неподвижно, украдкой ожидая прикосновений к груди и промежности.

Но всё, что он делает — это обнимает за плечи и притягивает к себе. Моя щека упирается в его футболку, а я ложу руку ему на живот.

— *Приятных снов*, — говорит он по-русски, и я догадываюсь, что он пожелал мне спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — бормочу я ему в ответ, и он выключает свет.

Я слушаю его дыхание, но мне не спится. Я не могу спать, когда его большое твёрдое тело лежит рядом с моим. Моя рука отдыхает на его животе, но я хочу переместить её. Я хочу провести рукой по его коже, почувствовать тепло, изучать его в своё удовольствие.

Но он так устал. Я не хочу беспокоить его. Меня разрывает. Я жажду исследовать его, но замираю на месте. Это как если бы вам предложили весь мир, но сказали не трогать.

Его большая рука гладит меня по спине.

— Что тебя беспокоит, *душа* моя?

— Всё в порядке.

Ник хмыкает:

— Я чувствую напряжение в твоём теле, мой маленький цветочек.

— Может, мне откатиться? Не хочу тебя беспокоить.

Моя рука гладит его живот, желая ощущать кожу, а не ткань.

— Ты должен поспать.

Его рука оборачивается вокруг меня.

— Я наслаждаюсь ощущением твоего тела рядом со своим, Дейзи. Твои прикосновения не приносят ничего кроме комфорта. А сейчас расслабься.

Я расслабляюсь, мои руки выводят какие-то мягкие узоры на его теле. Я жду, пока его

дыхание выравнивается. И когда это происходит, я радуюсь, что он наконец-то заснул.

Медленно, очень медленно моя рука сползает к краю его рубашки. Она немного задрана. Я в дюйме от обнажённой кожи и не могу устоять перед этим искушением. Моя рука скользит ниже, и пальцы прикасаются к теплу. Его кожа плавит мои пальцы. Такая мягкая. Я скована.

— Дейзи, — бормочет он густым голосом.

Я вырываю руку, будто обжёгшись его голосом.

— Прости, ты спал. А я помешала.

Он хватает мою руку и кладёт на ещё более низкую часть живота.

— Ты хочешь потрогать меня, Дейзи? Я не возражаю.

— Не возражаешь? Но ты ведь не заснёшь.

— *Нет*, не усну, но я не против, — его пальцы ласкают мою щеку. — Как я могу возражать, когда моя женщина хочет исследовать моё тело? Это невозможно.

Долгое время моя рука лежит неподвижно. Я боюсь двинуться дальше в своих желаниях, теперь, когда я знаю, что он обратил на это внимание. В конце концов, моё любопытство берёт верх, и я скольжу рукой под его футболку, надавливая ладонью на его тёплую плоть.

Ник стонет и сжимает бёдра. Я замечаю, как его промежность увеличивается от моего простого прикосновения.

Я очарована его эрекцией, вызванной лишь одним моим прикосновением к его животу. У него упругая кожа с рядком волосиков посередине живота. Моя рука смелее и двигается дальше, исследуя пупок, окружённый мышцами. Я прохожусь пальцами по линии волос, вверх и вниз, делая паузу у пояса его джинсов.

Сколько я могу себе позволить?

Ник выхватывает вопрос из моего разума и расстёгивает свои джинсы. На них нет молнии, и я с изумлением смотрю, как быстро отстреливают пять пуговиц. Затем он убирает руку.

Я вижу, как его член давит на ткань нижнего белья. Пока мои пальцы играют с его волосиками чуть ниже пупка, его дыхание ускоряется. Он возбуждается от моего прикосновения, и его чувства передаются мне, прогоняя мою застенчивость.

Ему нравится моя разведка, и это придаёт мне смелости.

Я скольжу рукой к выпуклости его члена и глажу плоть под тканью. Из уст Ника вырывается шипение, но он не останавливает меня. Он наслаждается этим, побуждая меня сделать больше. Я нажимаю на ткань нижнего белья, и из-под неё выскакивает головка члена.

Он толстый и круглый, больше, чем я помню. На головке бисером блестят капельки, и я импульсивно облизываю губы. Мне помнится, каким был его вкус в прошлый раз, и я хочу ещё.

— Ник, — шепчу я, скользя под бельё и обхватывая его жезл, — можно я поцелую его?

Он напряжённо что-то бормочет на русском языке. Его рука гладит мои волосы.

— Я твой, цветочек, делай всё что угодно.

— Тебе понравится?

Я сжимаю кулак вокруг его увеличивающегося члена. Он такой длинный и твёрдый, горячий и гладкий, а кожа нежная и шелковистая.

— *Да*, — говорит он глухо. — Я бы хотел этого.

И я хочу, я хочу свести его с ума. Мне нравится мысль, что Ник может потерять

контроль от того, что я с ним делаю. Я проскальзываю вниз к его животу, пока мои зубы не оказываются прямо напротив его члена. А затем ловлю языком капельку и пробую её. Вкус сильный, солоноватый, чуть горьковатый. Это интригует меня, на смену одной капли сразу же приходит другая.

Я провожу языком по головке пениса, чувствуя очаровательную бархатистую текстуру. Ник становится твёрже с каждым моим движением. Я знаю, что чем твёрже, тем лучше. Но он ещё пытается сохранить контроль.

А моя цель заставить Ника потерять его.

Я нажимаю губами на головку, чувствуя невероятное прикосновение мягкой кожи. В книгах, что я читала в библиотеке, героиня всегда брала член в рот и сосала. Но у Ника он такой большой, что просто не войдёт в мой рот полностью. Я обдумываю это, мягко целую и исследую член губами. Не хочу сделать это неправильно.

Его бёдра снова дёргаются вверх, а пенис скользит по моей кисти к губам. Если это не приглашение, то не знаю что. Я открываю рот шире, обхватывая губами головку, и отступаю, всё ещё неуверенная.

— Можно я возьму твой пенис в рот, Ник?

Я поднимаю на него взгляд в ожидании ответа. Его глаза сверкают в темноте, он нервно кивает:

— Это член, Дейзи. *Хуй*. Скажи это для меня.

— *Хуй*, — говорю я. — Я хочу попробовать твой *хуй*.

Я вознаграждаюсь стоном удовольствия, и он прикрывает глаза. Мне нравится напряжение на его лице, его тело словно гудит подо мной. И причина этого я, это потрясающее чувство. Моя рука сжимается вокруг основания его члена — нет, его *хуя* — и я сгибаюсь, чтобы снова взять головку в рот.

И я сосу.

Он шипит.

— Зубы, Дейзи.

— О, — говорю я, — прости, я не знала.

— Всё нормально, *душа* моя.

Его рука скользит по моей спине, по этой дурацкой ночной рубашке.

— Кожа в этом месте у мужчин очень чувствительная.

И он снова доверяет мне достаточно, чтобы позволить мне засунуть его член в рот.

Это радует. Я широко открываю рот, давая ему отдохнуть от моего языка, поворачиваю голову и смотрю на него.

Ник только стонет и убирает мои длинные волосы, чтобы увидеть мой рот на своем члене.

— Боже милостивый, как же ты прекрасна.

Он такой твёрдый, что мне даже не нужно держать его руками, чтобы вводить в рот. Я нежно посасываю головку, двигаясь вверх-вниз, исследуя его ротом. Я не уверена, правильно ли делаю, но, кажется, всё в порядке, пока он твёрд. Ник тихо бормочет русские эпитеты или указания. Я не уверена, как заставить его кончить. В книгах процесс простой: берёшь член в рот, а потом герой тянет его обратно. Ник, похоже, не хочет его вытаскивать.

И мне слишком весело, чтобы расстаться с ним.

Так что я немного изменяю тактику, усиливая поцелуи. Я двигаюсь по всей длине, облизывая и покусывая губами. Вены в нижней части я тоже целую. У основания его член

окружён упругими тёмными волосиками. Я вижу его яйца, но не уверена, что с ними делать, поэтому возвращаюсь к члену.

Я склоняюсь над ним в неловком присиде, не понимая, сколько пространства между ним и моей попой, пока его рука не начинает скользить по ней, лаская и исследуя. Я сосу, задыхаясь, когда он поднимает мою фланелевую рубашку, обнажая трусики, и гладит мои ягодицы, проскальзывая между ног.

Мои ноги слишком близко прижаты друг другу, а я хочу, чтобы его рука оказалась именно там. Переставляя колени на кровати, я облегчаю ему доступ туда, в случае, если он захочет.

Я надеюсь, что захочет.

Я снова беру головку его члена в рот, и теперь мой язык упирается в неё.

Он стонет ещё раз, а пальцы скользят по шелковистой линии моих трусиков, приближаясь к моей промежности. Я бессознательно приподнимаю бёдра, нуждаясь в его прикосновениях, и чуть отвлекаюсь, моё дыхание учащается. Я ласкаю языком его головку и жду, что Ник будет трогать меня, но он не заходит дальше трения через ткань.

Он скользит по полоске моих трусиков, и я чувствую, как один его палец оказывается в моих складочках.

— *Боже мой, Дейзи, ты чертовски мокрая.*

Я чувствую, как его палец скользит в поисках дырочки, а затем проталкивается глубоко внутрь меня.

Я всхлипываю, чувствуя себя такой наполненной. И это так хорошо. Я выгибаюсь навстречу его руке, а его член трепещет у меня во рту. Бусинки его возбуждения капают с моих губ на головку его члена. Я снова вскрикиваю, когда его палец ещё раз заходит в меня.

То, что мы делаем, невероятно грешно и восхитительно.

Его палец толкается во мне. Я настолько мокрая, что слышу хлюпающий звук его движений. Он бормочет что-то по-русски и вытаскивает пальцы, я шумлю в знак протеста. И через мгновение он меняет пальцы, теперь большой внутри меня, а указательный ищет мой клитор.

И вдруг я с трудом принимаю судорожное подёргивание его члена. Меня пробирает дрожь от слабости и необходимости разрядки. Я контролировала ситуацию, но теперь он, как дикий, ведёт меня, и я иду за ним. И не хочу, чтобы он прекращал это. Он находит пальцем мой клитор, и я чуть не плачу в его член, когда он пускает его в ход.

— Возьми меня в рот, Дейзи, — говорит он, — будто ты затягиваешь меня в горло.

Ох, реальность осеняет, я хочу сделать это для него. Я сосу головку его члена, пытаюсь сконцентрироваться, даже когда он продолжает работать пальцем в моём влагище.

Я открываю рот шире, чтобы его член тёрся о мой язык. Небольшой толчок его бёдер, и я принимаю его так глубоко, как могу. Срабатывает рвотный рефлекс, я освобождаюсь, кашляю и снова беру его глубоко в рот.

— Ах, Дейзи, — скрипит он. Его пальцы двигаются напротив моего клитора, в то время как большой мечется внутри.

— Ты совершенство. Ты кончишь для меня? Пока твоя киска в моих руках? Пока мой член у тебя во рту?

Его слова невероятно возбуждают, и я не могу сопротивляться и подаюсь телом назад, насаживаясь на его пальцы. Из моего горла доносятся различные звуки, сопровождающие мои попытки принять его глубже. Я тяну его член в себя так, что он касается задней стенки

гортани, и это поражает нас обоих. Я смотрю на Ника, и ему так нравится, что я пробую ещё раз.

Мне всё труднее концентрироваться, его пальцы бьются о мои трусики, и от меня ускользает контроль. Я не могу удерживать его член во рту. Мои губы жаждут его, но тело дрожит и отвлекается, дыхание становится похожим на мелкую дробь. Всё это время Ник бормочет какие-то нежности. Я снова направляю его член к своим губам, отчаянно работая бёдрами напротив его пальцев.

И вот оно. Странное, замечательное ужесточение глубоко внутри меня сообщает мне, что я кончаю. Я вскрикиваю, тело судорожно бьётся в агонии. Член Ника вырывается из моих рук, и тёплые брызги попадают на мои губы. Он тоже кончил. Я отступаю, но он продолжает изливаться на моё лицо, руки и даже его джинсы и футболку.

Он осматривается, его пальцы выskalзывают из моего тела. Ошеломляюще громкий звук оповещает, что его пальцы покидают моё влагалище, а затем он скатывается с кровати и направляется в ванную.

И я остаюсь одна, присаживаясь на край кровати, в пятнах от спермы и моего собственного сока. Не совсем уверенная, что с этим делать. Мы не сталкивались с этим, когда были в автомобиле.

К моему облегчению, через минуту он возвращается с полотенцем в руках и подходит к моей половине кровати. А потом начинает нежно вытирать мои лицо и руки. Я могла бы сделать это и сама, но властные огоньки в его глазах не позволяют мне перечить. Он очищает мне низ живота, а затем бросает полотенце в прачечную корзину. После этого он возвращается в ванную, и до меня доносятся звуки льющейся воды, а мгновение спустя он появляется с влажной мочалкой.

— Сними трусики.

Я задыхаюсь.

— Зачем?

— Я позабочусь о них.

Моё лицо горит от смущения, но я снимаю свои мокрые трусики. Ник привлекает меня к себе и начинает тереть тёплой мокрой мочалкой между ног. Его взгляд всё это время сосредоточен на моём лице, и я, к своему ужасу, снова начинаю возбуждаться.

— Тебе больно, Дейзи?

Его шёпот смущает меня.

— Немного, но это приятная боль.

Он убирает волосы с моего лица и нежно целует в губы.

— Я должен помнить, что надо быть осторожным с тобой. Ты сокровище, и не хочу причинять тебе боль. Я просто потерял контроль. Мне нужно беречь тебя.

— Я рада, что ты сделал это, — говорю я, застенчиво обхватывая его шею руками.

Он снова одаривает меня долгим поцелуем, а затем бросает взгляд на кровать.

— Пойдём. Теперь будем спать, да?

В этот раз, когда он тянет меня к своему боку, я наконец в состоянии расслабиться и поспать. Я сворачиваюсь рядом с ним калачиком и думаю, что находиться в своей постели рядом с Ником — самое лучшее, что когда-либо со мной случилось.

Я так рада, что убежала из дома. Мои домашние ласки совершенно отличаются от исследований с Ником. С ним так комфортно, чувствуется спокойная уверенность в том, что ты там, где надо. Я смотрю на тёмные круги под глазами Ника и ощущаю укол вины, из-за

того, что не дала ему поспать. Он измождён из-за своей работы, мне нужно больше думать о нём.

Я решаю, что сейчас подходящий момент:

— Ник.

— М-м-м?

У него сонный голос, он обнимает меня крепче.

— Ты всё ещё следишь за мной?

Я ведь работаю допоздна, а он знает все подробности моей работы.

— Да.

— Даже когда я работаю?

Он долгое время ничего не говорит, очень долгое, что означает, что он пытается подобрать слова и соврать. Через минуту он произносит:

— Да. Это небезопасная работа. Я переживаю.

Я сажусь в постели и смотрю на него.

— Ты измучен. Ты не можешь постоянно бодрствовать и наблюдать за мной.

Его широко раскрытые глаза смотрят на меня в темноте.

— Ты сказала, что не против.

— Я сказала, что не против, если ты смотришь, и я об этом знаю. Есть разница между смотреть и преследовать. На работе со мной ничего не случится. Там есть камеры наблюдения и прочее, — я делаю самый строгий вид. — Я не хочу, чтобы ты наблюдал за мной там, хорошо?

— Это не обсуждается.

— Ник, — говорю я предостерегающим тоном. — Серьёзно. Если ты не сможешь уважать это в наших отношениях, то я не уверена, что они у нас будут.

Его глаза леденеют.

— Это ультиматум, Дейзи.

— Да, — говорю я. Моё сердце сжимается от боли, но это не важно. — Мой отец держал меня в ловушке двадцать один год, потому что ему нужно было контролировать всё, что я делаю. Причина того, что мне так хорошо с тобой, в том, что ты даёшь мне столько контроля, сколько мне самой хочется, — я кладу руку ему на грудь и тихо молю. — Если ты не сможешь уважать мои границы, ты не лучше, чем он.

Его молчание продолжается так долго, что я понимаю, он сердится. Мне кажется, что он сейчас выберется из кровати и оставит меня одну. Но вместо этого он смотрит на меня печальными, замученными глазами и начинает водить пальцем по моему подбородку.

— Да. Я сделаю это для тебя, Дейзи. Я буду наблюдать за тобой только тогда, когда ты находишься в этой квартире. Хорошо?

— Да, — облегчённо говорю я. И добавляю по-русски: — Спасибо.

Он смеётся, удивлённый моим русским.

— За что ты благодаришь меня?

— За заботу о том, что мне важно.

Он притягивает меня к себе и сам придвигается ближе на кровати.

— Не думаю, что ты понимаешь, Дейзи. Но ты для меня — всё.

— Боже, погода просто ужасная.

Рейган всматривается в окно, за которым бушует проливной дождь и гроза.

— Ты уверена, что хочешь пойти на работу пешком? Я могу тебя подвезти.

— Тут всего два квартала, — отвечаю я, натягивая пальто, пожимаю плечами и вглядываюсь в окно, становясь рядом с Рейган.

В нерешительности, я наблюдаю за косым дождём. К тому времени, как я дойду до работы, этот дождь намочит меня с головы до ног, что испортит мне весь вечер. Ехать на автобусе смысла нет. Я решаю принять предложение:

— Раз уж ты поедешь, докинешь меня?

Она поднимает большой палец вверх, а затем быстро хмурится:

— Ох, можно мне одолжить твой телефон? Я уронила свой вчера, и теперь он не работает.

Я смотрю на бушующую за окном бурю и неохотно вытягиваю из кармана телефон.

Мне не хочется отдавать его Рейган. Он — моя единственная связь с Ником, уехавшим из города. Я буду скучать по его сладким вдумчивым текстам, что заставляют часы на работе бежать быстрее. Но они не скрасят мне простаивание за прилавком всю ночь в мокрой одежде. Немного поколебавшись, я вручаю телефон Рейган:

— Если Ник позвонит, просто отправь это на голосовую почту.

— Конечно, — говорит она и засовывает телефон в карман, даже не взглянув на экран. — Там же нет грязных селфи?

— Что? Нет!

— Я шучу, шучу, Поллиана, — она обнимает меня. — Я не собираюсь шарить в твоём телефоне. Не дёргайся. Просто позвони мне, когда будешь готова, и я приеду за тобой.

Обещаю.

Я киваю:

— Я верю тебе.

Она мой единственный друг, кроме Ника. Конечно, я ей верю.

— Так что? Ты и Ник — это серьёзно, да?

Она поворачивается к подоконнику и берёт ключи от машины.

— Думаю, да.

— Это твои первые серьёзные отношения, да?

Я киваю и чувствую, как краска заливает щёки.

Рейган кладёт руку мне на плечо и серьёзно смотрит мне в лицо.

— Я знаю, что ты очень невинна, Поллианна. Нужно ли нам поговорить о пестиках и тычинках?

— Я знаю о сексе, Рейган!

Не могу поверить, что мы ведём такую беседу. Рейган старше меня не больше, чем на год. Хотя в сексуальном плане она всё же опытнее меня, даже после встреч с Ником.

— Я просто переживаю за тебя, подруга, — она сжимает моё плечо. — Хотя я рада

слышать это. Не позволяй ему давить и заставляй делать то, чего ты не хочешь.

— Ник не такой, — протестую я. В любом случае, в наших сексуальных экспериментах именно я давлю больше, чем он просит. Просто так хочется испытать всё, что может предложить мне эта жизнь. Я жадная. Он предлагает мне поцелуи, а я хочу больше.

— Тебе не нужно волноваться.

— Мне больше ничего не остаётся, кроме как волноваться, — говорит Рейган, когда мы выходим из квартиры в коридор. — Просто ты такая сладкая и невинная. Я представляла тебя с, не знаю, не с таким типом мужчин.

— Что ты имеешь в виду под таким типом? — мне любопытно, что она думает.

— Не знаю. Я представляю тебя с милым, таким же невинным, носящим свитера маменькиным сыночком. А не с тем, кто носится, будто у него ракета между ног.

Я думаю о своём Нике. У него сильное тело, руки, покрытые татуировками, а глаза походят на две ледышки, пока он не посмотрит на меня. Тогда в них отражается тепло всего мира.

— У него есть свитер, — бормочу я.

По крайней мере, я почти уверена, что он у него есть.

— Как я уже говорила, я просто переживаю за тебя, — говорит она, и я вижу опасения в её глазах, когда мы спускаемся по лестнице.

— Знаю, это не моё дело. Просто я будто чувствую себя твоей старшей сестрой. И хочу убедиться, что тебе не будет больно.

— Ник никогда не причинит мне боль, — говорю я мягко. Это правда. Он пытается удержать меня вдали от себя, уверенный, что однажды я проснусь и пойму, что он не для меня. Он не понимает, что я люблю его противоречия. Мне не важно, насколько тяжёлая и уродливая жизнь у него была до меня. Только настоящее имеет значение, я с Ником, он со мной. И то, что я чувствую, невозможно описать словами.

— Когда вы познакомитесь, ты поймёшь, какой он замечательный парень.

Мне кажется милым, что Рейган волнуется обо мне. Она хорошая подруга. Но, несмотря на её озабоченность, в конце концов, это мой выбор. И я его сделала.

Без телефона в руке у меня такое чувство, словно я голая. Мне не составит труда провести несколько часов без сообщений Ника, но я уже остро ощущаю потерю.

— Так ты ждёшь звонка от Ника? — спрашивает Рейган. — Хочешь, я перезвоню тебе на заправку, если он позвонит?

— Я не знаю, позвонит ли он, — отвечаю я честно. — Он уехал из города.

— По работе?

— Думаю, да.

— А чем он занимается?

— Чем-то связанным с компьютерами, — отвечаю я. Ник не слишком много рассказывал мне о своей работе, а я никогда не спрашивала. Очевидно, он не хочет делиться этим, и я понимаю его. Я всего лишь работница заправки, а Ник лучше, кем бы он там ни был.

Когда Ник говорил о работе, мне казалось, что он испытывал чувство стыда.

Подозреваю, его работа не совсем законная. Наверное, он продаёт пиратские фильмы в интернете. А может быть, хакер. Возможен любой из вариантов, однако я волнуюсь, что однажды он позвонит из тюрьмы.

Тем не менее, Ник взрослый мужчина. И я не хочу контролировать его больше, чем он

хочет контролировать меня. Так что я не затрагиваю эту тему. Когда он захочет, чтобы я узнала больше, он расскажет.

— Ну, тем не менее, — говорит Рейган, когда мы спускаемся, — если он позвонит, я не отвечу.

— Спасибо тебе, — говорю я, а через секунду добавляю: — Но ты же наберёшь мне, если он позвонит, хорошо?

Она смеётся:

— Хорошо.

* * *

Без телефона и сообщений Ника мне кажется, что эта ночь не закончится никогда.

Стрелки часов ползут всё медленней. Я думаю о Нике. Скучает ли он по мне? Думает ли? Пишет ли и удивляется, что я не отвечаю? Я должна была написать ему, дать знать, что отдала свой телефон Рейган. Я не подумала об этом, и теперь он не будет знать, где я.

Бедный Ник. Его вечер будет таким же безжизненным, как и мой.

Когда смотреть в мониторы становится невыносимо, я решаю разложить конфеты и лотерейные билеты. Мне не нравится оставлять кассу, хотя Крэйг говорит, что иногда можно. Нужно выбрать подходящий момент, чтобы сходить в туалет, предпочтительнее поздно ночью. Я научилась писать быстро и не слишком много пить перед сменой. Но скука заставляет меня отправиться в заднюю комнату в поисках какой-нибудь коробки, поэтому мои руки будут хоть чем-то заняты, пока я слежу за кассой.

Последний покупатель, бравший молочный коктейль, жаловался на ароматизатор, поэтому я решаю заправить машинку и обновить баллончики с сиропом. Они хранятся на задней полке, так что я ставлю себе небольшую стремянку и поднимаюсь выше, чтобы суметь достать их, когда слышу знакомый звоночек. Колокольчик над дверью даёт мне знать, что пришёл клиент. Это необычно само по себе, ведь уже утро, на улице дождь и прохожих немного.

— Минуточку, — кричу я, выдёргивая коробку с диетической содовой из-под снеков к пиву. Прodelывая это, я бросаю взгляд на монитор камеры наблюдения.

Он показывает мне двух мужчин в костюмах. Один из них придерживает дверь, кладёт руку за пазуху и оставляет её там. Он сканирует комнату и другие части помещения.

Это вызывает у меня беспокойство. Я не совсем уверена почему. Противоестественно, но они начинают говорить на языке, который я не понимаю, но узнаю — русский.

Моя кожа покрывается тревожными мурашками. Знают ли эти люди Ника? Есть ли в городе и другие русские? И почему они на заправке рано утром в костюмах? Я думаю о работе Ника, о компьютерных взломах. Эти люди ищут его? Может, они из полиции, но это не объясняет того факта, что они говорят по-русски.

Я напугана. Мне так страшно, что я начинаю дрожать, но мне удаётся как-то собраться, пойти в кладовую и закрыться там, прежде чем кто-либо войдёт.

Две секунды спустя ручка двери поворачивается. Я слышу ругань и обращение одного к другому на русском языке. Он, похоже, зол и хлопает дверью. Я смотрю на камеры, но мужчин нет в пределах видимости. Они, наверное, стоят у двери.

Я в ловушке.

И тут мой мозг включается. Меня перестаёт трясти. Я и раньше попадала в ловушки.

Я двадцать один год провела в одной из них и знаю, как это работает. Лучшее, что можно сделать — это перестать думать и обрабатывать информацию, начать существовать в ситуации. Делать то, что должно.

Я спокойно подтаскиваю к двери полку. Она и тяжеловатая, но с парой футов справлюсь и я. После того, как они выяснят, как открыть дверь, полка преградит им путь, но я по-прежнему застряла здесь.

Однако надежда во мне не гаснет. Я иду к сейфу с часами, открываю его и достаю пистолет «Тазер». Бита находится под прилавком у кассы, и у меня нет возможности до неё добраться. Я спокойно собираю пистолет и вставляю в него аккумулятор и воздушный картридж. Эти люди выглядят так, будто у них есть оружие. Если я буду использовать своё, нужно быть быстрее. Эффект неожиданности сыграет мне на руку. Я отключаю воздушный картридж, чтобы использовать пистолет, как электрошокер. В любом случае, если они подойдут ко мне достаточно близко, чтобы схватить, у меня будет только один шанс.

Во мне нет ни капли беспокойства, пока я сдвигаю защитную крышку и передвигаю переключатель. Пистолет готов. Теперь я приседаю в дальнем углу комнаты, засовывая руки между ног, чтобы скрыть пистолет. И жду.

На камерах мне видно, как один из мужчин возвращается к входной двери. Он следит, чтобы никто другой им не помешал. Второй продолжает возиться с дверной ручкой, и я жду щелчка, который скажет мне, что он справился.

Это происходит секунду спустя, и я каменею, но всё ещё остаюсь спокойной.

Дверь открывается не до конца, встречая подвинутую мной полку. С той стороны слышатся проклятья, мужчина просовывается через дверь и словно в замедленной съёмке опасно наклоняет полку.

В конце концов, она издаёт громкий звук, банки с конфетами бьются об пол.

Один мужчина выкрикивает команды на русском, второй у двери раздражённо ему отвечает. Он толкает дверь и переступает через упавшие товары. Я, наконец, могу его рассмотреть.

Он примерно моего возраста, но что-то твёрдое и знакомое в его глазах делает его старше. На нём помятый костюм, и он выглядит раздражённым. Незнакомец сканирует комнату, пока его взгляд, наконец, не падает на меня, забившуюся в угол.

— Пошли, — говорит он и машет на меня рукой.

Я не двигаюсь. Просто отказываюсь, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Он говорит что-то через плечо второму человеку и двигается ко мне.

Я зажимаюсь ещё дальше в свой угол, делая всё возможное, чтобы выглядеть испуганной. Мой мозг всё ещё в оцепенении, но не я.

Мужчина делает ещё несколько шагов вперёд, протягивая мне руку, но я не беру её.

Очевидно, он пытается выглядеть безобидным, но проваливается. Его глаза слишком холодные и ликующие для этого образа.

Он становится прямо передо мной, склонившись.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — шепчу я, зная, что он хочет услышать нечто подобное.

— Ты пойдёшь со мной, и боли не будет, — говорит он, хватая меня за руку.

Я выбрасываю руку с «Тазером» вперёд и нажимаю на кнопку. Без воздушного

картриджа он срабатывает как электрошокер. Электрическое потрескивание, *щелчок, щелчок, щелчок*. Он оправляется от шока и хватается за свою промежность.

Затем вскидывается, дёргается и падает.

Я спокойно встаю, хотя колени болят от долгого приседа. Он определённо не ожидал сопротивления, но забота отца хорошо подготовила меня к таким ситуациям. Я перешагиваю через упавшего и выхожу из комнаты.

Второй человек удивляется, увидев меня. Он крупнее, чем первый, с ним будет сложнее справиться. Его глаза сужаются, когда я выхожу из комнаты. Он понимает, что мне как-то удалось вырубить его подельника. Крепко сжимая пистолет мокрыми руками, я начинаю двигаться, сохраняя дистанцию. На улице всё ещё идёт дождь, и я не могу просто ворваться в ночь и пробежать весь путь до дома.

— Так-так-так, — говорит мужчина с таким же восхитительным акцентом, как у Ника. — Значит, ты и есть его маленький цветочек, *да?*

Я молчу. Моя рука крепко сжимает пистолет. Он отошёл от двери, но всё же находится слишком близко ко мне, чтобы я могла проскочить мимо. Его слова заставляют похолодеть мои внутренности. Это не ограбление. Хотя я и так это знала.

Они пришли за *мной*, и это как-то связано с делами Ника.

Он тянется рукой в карман и задерживает её там. Я напоминаю себе, что у него есть пистолет, но он не использует его. Пока. Я держу «Тазер» внизу, на случай, если он его не видел. Дура. Надо было взять воздушный картридж. Тогда бы я смогла выстрелить в него с расстояния и позвонить в полицию. Но картридж остался в другой комнате, и теперь я не смогу вернуться. Неизвестно, сколько тот человек пробудет без сознания.

Мне необходимо сделать что-то кроме того, чтобы прятаться между полок. Но что?

Тяжёлый взгляд этого человека замирает на моём лице, когда он кричит:

— Юрий!

Затем говорит что-то на русском. Ответа нет, и его глаза становятся злее. Он достаёт из кармана пистолет и показывает мне:

— Если ты ко мне подойдёшь, я не использую это.

Догадываюсь, что если пойду с ним, то, вероятно, умру. Я обхожу кругом ещё одну полку, отступая.

— Если ты убьёшь меня, Нику это не понравится, — говорю я.

Он отрывисто смеётся:

— Есть много способов использовать пистолет, малышка. Нет необходимости убивать, когда можно обездвигить. Но что ж, хорошо. Сделаем по-твоему.

Он засовывает пистолет обратно в карман и достаёт что-то ещё. Продолговатое, плоское, чёрное. Через некоторое время я понимаю, что это телефон.

Большим пальцем он снимает его с блокировки и показывает цветочный дисплей. Это *мой* телефон!

Это прогоняет моё неестественное спокойствие:

— Как ты его...

— Белобрысая *блядина* поёт, как канарейка, когда пугается, *да?* А немного верёвок на запястьях и маленький пистолет у лица не на шутку напугали её, — в его глазах лёд. — Ты никогда не увидишь её в целости, если не пойдёшь со мной. Я пришлю её по кускам прямо Нику. Как тебе такое?

Я дрожу и таращусь на свой телефон. Этот человек обидел Рейган. Милую, беззаботную

Рейган, которая была добра ко мне как никто другой. Которая считает себя моей сестрой и волнуется о моём счастье. Это моя вина.

— Где она?

— На заднем сиденье моей машины, — он указывает за стеклянные двери. — Можешь присоединиться к ней, малышка, если не станешь бороться. А если станешь, то ей будет очень плохо.

Мой отец научил меня, как вести себя в такой ситуации. Самое глупое, что можно сделать, это дать ему то, что он требует.

Но Рейган не должна платить собой, это несправедливо. Что же делать.

Я смотрю на телефон в его руке.

— Откуда мне знать, что ты не убил её?

Мой голос очень спокоен, будто принадлежит кому-то другому.

— Такая подозрительная, — говорит он и смеётся, оглядываясь на кладовку, в ожидании, что появится второй человек. Его глаза снова сужаются от гнева, несмотря на смех. Он щёлкает пальцем по телефону, который Ник купил для меня, и поворачивает экран ко мне. — Нужны доказательства, да?

На экране что-то есть, но я слишком далеко, чтобы увидеть.

— Это мне поможет.

— Подозрительная. Мне нравится это в тебе. Подозрительная и невинная. Понимаю, почему Николай так помешан на тебе. Твоя киска, должно быть, очень узкая.

Он кладёт телефон на пол и толкает его вперёд.

Я дрожу. Ник — это Николай для него. Я делаю шаг к телефону. Мне придётся подбежать к нему, ведь он проскользил только полпути. Надо оставить эту идею.

Но я должна знать. Должна.

Сжимая пистолет крепче, я бегу к телефону. Если он подойдёт ближе, я ударю его так же, как того мужчину.

Он настигает меня, когда я хватаю телефон. Знала же, что он сделает это. Теперь придётся заплатить за такую глупую ошибку. Я поднимаю электрошокер, когда он бросается на меня, но он быстрее. Его рука ударяет по соседней полке. Летящие на пол банки выбивают «Тазер» из моих рук.

Я даже не коснулась своего телефона.

Мужчина бормочет что-то по-русски, когда его рука хватается мое запястье. Я вырываюсь изо всех сил, ведь знаю, что теперь, раз он схватил меня, мне не выжить. Я бью его, царапаю свободной рукой, не обращая внимания на то, что его крепкая хватка почти ломает мне запястье.

Мужчина отступает и наносит удар по моему лицу. Мир накреняется, в моей голове будто взрываются чёрные звёзды, а затем приходит боль. Шатаюсь, я стараюсь оставаться в вертикальном положении и не отключиться.

Его жёсткая рука хватается меня за подбородок, заставляя смотреть в его ледяные глаза.

— А сейчас мы сделаем по-моему.

Мужчина тащит меня к своей машине, припаркованной именно в том месте, где нет камер видеонаблюдения, будто бы он точно знает, где заканчивается радиус съёмки.

Моя голова ещё не оправилась от удара, и мне трудно сосредоточиться. Теперь, когда он удерживает меня в своём захвате, любая борьба бесполезна. Он слишком силен, я не знаю, что мне делать. Когда он выволакивает меня на улицу и засовывает в машину, я снова пытаюсь вырваться.

Внутри мой взгляд цепляется за длинные светлые волосы, разбросанные по сиденью, и это пугает меня.

Я чуть не спотыкаюсь о распростёртое тело Рейган, когда он захлопывает дверь машины. Я сразу же бросаюсь на ручки дверей, но машина блокируется, и её нельзя открыть.

Я сосредотачиваюсь на Рейган и провожу рукой по её щеке. Даже в темноте на ней видна большая ссадина, а её глаза в ужасе распахнуты. На рот наклеена липкая лента, руки и ноги связаны, из глаз льются слёзы.

Моя бедная подруга.

— Прости меня, — шепчу я. Всё произошло потому, что эти люди хотят навредить Нику через меня.

Я усаживаю её в максимально удобную позу и начинаю гладить по волосам, чтобы успокоить приглушенные кляпом рыдания. Я должна бороться за неё, но мне не известно, что эти мужчины сделали с ней, или ещё сделают со мной. На этот раз мы поменялись ролями. Теперь я спокойная, а она маленькая и напуганная. Я прожила всю свою жизнь в ожидании насилия, именно поэтому я сейчас так спокойна.

Будет ли Ник выяснять, что со мной произошло? Я раздумываю об этом, издавая успокаивающие звуки, чтобы облегчить страх Рейган.

Мужчина направляется обратно на заправку, несомненно, чтобы проверить своего друга. Он настолько уверен, что мы никуда не сможем выбраться из машины, что оставляет нас одних. Я изучаю заднее сиденье, оно отделено от переднего стеклом, туда не добраться.

Я пинаю сиденье, возможно, оно пробьётся до багажника. Но что мне там делать? Я снова дёргаю двери, но они не поддаются.

Мужчины возвращаются через минуту, младший прихрамывает. Усевшись на переднее сиденье, он достаёт пистолет и направляет на меня, дико ругаясь на русском языке.

Другой хлопает по нему и лает что-то резкое. Такое чувство, будто ему приходится терпеть второго. Молодой прячет пистолет, но корчит ещё одну уродливую рожу.

Он злится на меня больше, чем второй. Этот человек заставит меня пожалеть об использовании против него электрошокера. Я просто уверена в этом.

А пока я обнимаю и глажу Рейган:

— Всё будет хорошо, — вру я ей.

* * *

Стёкла сзади так сильно затонированы, что я даже не представляю, куда мы направляемся. Мне кажется, что мы едем уже несколько часов, когда автомобиль останавливается, и мой желудок сжимается в комок от страха. Похоже, мы находимся в самом центре неизвестности. Нас привезли сюда, чтобы прикончить? Я вспоминаю фильм,

который недавно показывала мне Рейган, где главного героя привезли в пустыню и расстреляли.

Задняя дверь открывается:

— Выметайся из машины, — зло говорит мне тот, что постарше.

Я выхожу, нет смысла сопротивляться. Выходя, я вижу массивное здание вдалеке и маленькие огоньки на земле.

С другой стороны автомобиля молодой мужчина разрезает верёвки на ногах Рейган, чтобы она смогла ходить, но кляп не достаёт. После этого нас подводят к огромным дверям, за которыми показывается небольшой самолёт.

Мы полетим куда-то?

Конечно же, они заводят нас в самолёт, и мы оказываемся в том, что, видимо, должно быть роскошью. Глаза Рейган широко распахнуты от страха, а дыхание из-за кляпа прерывистое.

— Всё будет в порядке, — пытаюсь я успокоить Рейган.

Старший мужчина поворачивается ко мне:

— Заговоришь снова, и я выстрелю тебе в ногу. Может, она и исцелится потом. А может, и нет.

Из глаз Рейган текут слёзы, я ощущаю влагу и на своём лице тоже и замолкаю.

Интерьер самолёта составляют кожаные сиденья и плюшевые диваны, а также телевизоры, установленные на стенах. Я никогда не летала, но даже мой неискушённый глаз видит, как всё здесь дорого. Позади меня находится дверь, ведущая, кажется, в другую комнату. Там я замечаю спинку кровати, и меня окатывает ужас от того, что это может означать.

Старший толкает меня в ближайшее свободное кресло:

— Пристегни ремни.

Я шарю руками, чтобы найти их. По крайней мере, это место достаточно далеко от зловещей кровати в соседней комнате. Я быстро пристёгиваюсь и делаю то же для Рейган, ведь её руки всё ещё связаны. Мужчины располагаются рядом, расслабляются и начинают со смехом разговаривать на русском языке, пока самолёт ускоряется и взлетает.

Я смотрю на подругу, она отвечает мне вопрошающим взглядом. Её синяк окрашивает уже большую часть щеки, а у меня нет для неё ответа.

Я не знаю, куда мы летим.

Не знаю, зачем нас похитили.

Два русских парня пришли за мной из-за моих отношений с Ником — это всё, что мне известно. И я жутко напугана, но и за Ника мне тоже страшно. Что, если они причинят ему вред? Он так старался держать меня в безопасности. Это опустошит его.

И подозреваю, что причина как раз в этом.

— Куда мы летим? — спрашиваю я, когда самолёт выравнивается и рёв двигателей чуть стихает. Мой голос звучит смелее, чем я себя чувствую на самом деле. Рейган рядом со мной напрягается.

Молодой человек, Юрий, смеётся и говорит что-то старшему. Он встаёт и направляется к нам с моим телефоном в руках.

— Думаю, нам нужно сделать несколько фотографий, чтобы отправить Николаю, — говорит Юрий, глядя на меня. Его пальцы гладят мою щеку и подбородок.

Я по-прежнему не шевелюсь. Мне хочется отвернуться от него, но это сделает ситуацию

только хуже. Так что я безучастно смотрю вперёд и крепко сжимаю руку Рейган.

Юрий водит по моим губам большим пальцем.

— Бьюсь об заклад, ты хорошо сосёшь член, да?

Я отшатываюсь, с ужасом глядя на него.

Он нажимает на мой рот ещё раз, и я в страхе отклоняюсь назад, когда он спрашивает ещё раз:

— Ты сосала хороший член? Поэтому Ник рискует всем ради тебя?

Если я начну отвечать, его палец попадёт внутрь. Мне хочется оттолкнуть его руку, но опасные огоньки в его глазах пугают меня.

— *Нет*, Юрий, — говорит другой уставшим голосом. И добавляет на русском что-то ещё, что мне бы очень хотелось понять.

Юрий снова толкает палец в мои губы, а затем, указывая жестом на Рейган, что-то говорит.

Старший пожимает плечами.

— Ну, сделаем фотографии для Николая, чтобы он знал, как ведётся бизнес.

Юрий снова подносит палец к моему рту и толкает.

— Я хочу показать ему, как ты сосёшь.

Я держу свои губы плотно сомкнутыми и свирепо смотрю на него.

— Соси палец, а не то достану член, — говорит он и смотрит на второго человека для одобрения. Когда тот не велит оставить меня в покое, его улыбка становится триумфальной.

Он самонадеянно смотрит на меня:

— Ну, так что, маленькая *иллюшка*, что ты хочешь сосать?

Выбора нет. Я раскрываю губы и позволяю ему протолкнуть палец внутрь, чувствуя себя разрушенной. Горячие сердитые слёзы доверху наполняют мои глаза. Я ненавижу его ещё сильнее, когда он растягивает мои щёки и с мерзкой усмешкой достаёт палец из моего рта.

— Прекрасно. Николай не сможет оторваться от этого зрелища.

Вспышка камеры отражается на моём лице, он вновь усмехается и бросает взгляд на второго человека:

— Сделано. Можно мне теперь блондиночку?

— Делай, что хочешь, — отвечает второй. — Просто накачай её, чтобы она не сопротивлялась и не навредила себе ещё больше.

Юрий смеётся:

— Долгой жизни Сергею Петровичу.

Второй с отвращением вздыхает и махает рукой на своего компаньона, будто мысленно уже с ним покончил.

Юрий хватает Рейган, и я слышу приглушенные кляпом крики страха.

— Нет! — я начинаю возиться со своим ремнём, когда Юрий начинает отстёгивать Рейган и ставит её на ноги. Он тянет её в спальню, и она бросает на меня беспомощный взгляд. — Оставь её в покое!

— Сядь, — командует второй человек, хватая меня за запястье, когда я прохожу мимо него. — Сядь и заткнись, или я и тебя накачаю. А если ты будешь под наркотой, я не смогу контролировать то, что сделает с тобой Юрий. Поняла?

Меня насквозь пробивает страх. Я хочу сберечь Рейган, но не знаю, как это сделать.

Рука на моём запястье сжимается крепче, оставляя кровоподтёки. Я возвращаюсь обратно на сиденье, наблюдая, как моя лучшая подруга удаляется в спальню с ужасным,

отвратительным Юрием. Деверь захлопывается.

Наступает тишина. Кошмарная гробовая тишина.

— Он рассказывал тебе о нас?

Я перевожу взгляд с дверей спальни на большого страшного блондина, сидящего напротив меня:

— Что?

— Николай. Он говорил тебе о нас?

— Я не знаю, кто вы, — шепчу я.

Он издает звук, будто я поражаю его этим.

— Я Василий. Это Юрий. Мы из *Братвы*.

Он наблюдает за моим лицом, ожидая реакции. От её отсутствия его брови взлетают вверх.

— Что ж. Он не рассказал. Очень интересно. Никогда бы не подумал, что он действительно сможет завязать. Но возможно и так.

— Куда мы летим?

— В Москву, конечно. Но не волнуйся. Николай придёт за тобой. В этом я не сомневаюсь. И если ты будешь хорошо себя вести, то встретишь его живой, — улыбка Василия кажется усталой. — А если нет, то мы будем держать части твоего тела, чтобы он думал, что ты ещё жива. Вот так делаются эти вещи.

— Почему?

— Почему что?

— Почему так делаются эти вещи?

Он пожимает плечами, и мгновение в его чертах мелькает та же усталость. Но он снова тут же надевает свою маску.

— Не я отдаю приказы, малышка. Я их выполняю.

— Но зачем вам я? И Рейган?

— Твоя подруга просто помеха. Она оказалась не в то время и не в том месте, — он пожимает своими огромными плечами. — Такое случается. Она понравилась Юрию, поэтому пошла с нами. Когда он устанет от неё, её продадут за хорошую цену на чёрном рынке.

Он указывает на меня:

— А ты нужна Сергею, чтобы выгнать змею из травы.

— Если он не приедет к вам, у него могут быть причины, — отчаянно говорю я, стараясь не смотреть на дверь спальни. О, Рейган. Моя бедная подруга. Мне хочется заплакать. Хочется пойти туда и спасти её, но холодные глаза Василия приковывают меня к креслу.

Я будто заморожена. Ни одна из отцовских тренировок не готовила к тому, что делать, если тебя похитили плохие парни.

Он жестикулирует руками, и я замечаю на них такие же татуировки, как и у Ника.

Я задерживаюсь взглядом на одной из них.

Василий заинтересовывается моей реакцией:

— Ага, теперь ты видишь?

Он показывает мне шею, где вытатуирован кинжал, будто для меня это должно что-то означать. У Ника такая же татуировка. Но они есть у многих людей. А вот эти на руках выглядят знакомо.

И знакомый холодный мертвенный взгляд, который время от времени появляется на лице Василия.

— Вы из его семьи, да?

Мне вспоминается, как Ник рассказывал о своём детстве. Он вырос с группой мужчин, которые работали вместе.

Он кивает, будто я сказала что-то умное:

— Теперь ты понимаешь. Николай устал от своей работы, поэтому о нём надо позаботиться. Мне нравится Николай, но он нарушил правила. Ничего личного. Просто бизнес. Ты же понимаешь.

Но я не понимаю.

Видимо, это отражается на моём лице, потому что Василий вздыхает и бормочет что — то по-русски.

— Чем, по-твоему, занимается Николай, малышка?

Я думаю, что, хоть Ник и не рассказал мне обо всём вовремя, он шёл к тому, чтобы довериться мне. Но сейчас в этом уже нет смысла. Разве могут быть в компьютерной сфере такие проблемы?

— Компьютерами. Он хакер?

Василий смеётся. Его большие плечи радостно содрогаются:

— Компьютеры? Он сказал компьютеры?

Он всё смеётся и смеётся.

— Ты такая милая, маленькая Дейзи Миллер. Видимо, это его и привлекло.

Его взгляд заостряется, и он внимательно смотрит на меня:

— Скажи мне, если я прямо сейчас трахну тебя на этом полу, я буду первым?

Я шокировано задыхаюсь и отстраняюсь от него.

Но он только кивает:

— Да. Как и я подозревал. Всё написано на твоём лице. Девственница.

Неудивительно, что Николай вне себя от похоти. В этом возрасте такие, как ты, встречаются реже, чем единороги.

Его татуированная рука проходится по моему лицу.

— Ты стоишь гораздо больше, чем твоя подруга. Вот почему Юрий не тронет тебя, хотя я знаю, что он хотел бы оттрахать тебя, чтобы отомстить Николаю.

Он пожимает плечами.

— Кто ты? — шепчу я. — Кто такой Ник?

Василий гладит край своей куртки, где, я знаю, у него пистолет.

— Разве ты не догадываешься, невинная Дейзи? Даже после всех этих намёков?

Я качаю головой. Пустота. Я в онемении. У меня нет ничего, что поможет вообразить это.

— Я убийца. Злодей. Киллер, — его улыбка тонкая и горькая. — Убиваю за деньги. Так же, как и твой Николай.

Он расставляет пальцы веером, демонстрируя татуированные костяшки пальцев, такие же, как у Ника. И выражения их глаз очень похожи. И я знаю, что он говорит правду.

Меня тошнит.

Я не хотел улетать от Дейзи в Сиэтл, однако мне нужно изучить план удара и позаботиться о Часовщике, и мне показалось важным получить все необходимые сведения для выполнения этого заказа. Не уверен, что мы с Сергеем придём к резолюции, поэтому выжить у меня шансов мало. Но мне нужно быть уверенным, что о Дейзи позаботятся. Этот последний удар пополнит мой банковский счёт. Я никогда не думал насчёт того, как буду тратить эти деньги. Чувство голода не проходит никогда.

Местный питомник согласился присмотреть за собакой, пока я в Сиэтле. Мне на ум так и не пришла хорошая история о том, откуда она взялась, поэтому Дейзи до сих пор о ней не знает. Я сообщаю Сергею, что позаботился о мистере Брауне и еду к следующей цели в Сиэтл. Подальше от Дейзи.

По пути в Россию нужно будет остановиться в Швейцарии и посетить банк, чтобы Дейзи смогла получить доступ к счёту, когда пожелает. Позаботиться о хирурге для Часовщика. Убрать Сергея. Обеспечить Дейзи. Я начинаю с врача. Это обычная регулярная рутина.

Пока он на работе, двое детей в школе, а жена занята в постели с соседом, я изучаю его бумаги. Большинство информации он держит на компьютере в защищённых папках.

Пароль даже не зашифрован. Я качаю головой на его тщетные попытки обезопаситься.

Взламываю пароль нажатием нескольких клавиш, копирую папки, файлы и таблицы на свою флэшку и ухожу.

В электронной таблице показаны доходы от продажи собранных органов. Столбцы обозначены сокращенно. «А», «Н», «Б» — алкоголь, наркотики, болезни. В этом есть смысл, учитывая, что он продает испорченные органы. Нельзя продавать чистые. Это стало бы заметно, но наркоманы, алкоголики и бродяги способны обеспечить его ресурсами. Скорее всего, органы этого врача убили не того пациента, и теперь ему придётся заплатить.

Мои пальцы замирают над клавиатурой. В прошлом для меня было бы достаточно этой информации, чтобы выполнить задачу без лишних вопросов. Это ведь не ребёнок и не чья-то мать, но теперь ко мне закрадываются мысли: «Кто мой клиент? Кто жертва?» Я никогда не задавался вопросами нравственности, придерживаясь своих границ. В противном случае может начаться безумие. Убрать цель. Просто работа.

Я откатываюсь от стола и беру телефон, чтобы написать Дейзи. Сейчас день.

Возможно, она спит. Ночная работа разрушает её тело. Она говорила, что чувствует, будто куда-то проваливается. Мне нужно увезти её в какое-нибудь тёплое место, может, на Мальдивы. Там есть частные острова, где можно восстановить силы и заниматься любовью, не думая ни о каких заправках и Сергеях. Но это после, а пока я могу позволить себе только проблески надежды.

После.

Решение принято. Я возвращаюсь к компьютеру, чтобы найти данные о неудачной трансплантации органов. Результатов много, но один из них выделен. Двенадцатилетняя дочь швейцарского банкира скончалась от некой длительной хронической болезни. Ах, вот

оно что. Чёрный рынок опасен особой регулярностью торговли нерегулируемыми товарами.

Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки. Я понимаю горе этого безымянного человека и его стремление к справедливости, но меня практически убивает неизбежность всего этого. Но я знаю, что когда исчезнет этот хирург, его место займет кто — то другой. Рынок по-прежнему будет существовать. Рынок нелегальных товаров для извращенцев, наркотиков и оружия будет функционировать независимо от того, скольких людей я ликвидирую.

Я чешу надпись на груди. Разве смерть — это милосердие, которое я обещал? За годы убийств я так и не нашёл мира.

Нет, мир настанет на ферме с Дейзи, где она будет возиться с моими детьми. Мир будущего без убийств и *Братвы*. Кто-то займёт моё место, но я должен обеспечить наше будущее. Сначала разобраться с хирургом, а потом и с Сергеем. Только так я смогу стать неприкосновенным.

Полученная от мистера Брауна информация была полезной. Он слышал крамольный шёпот Александра о его недовольстве решениями Сергея в *Братве*. Мистер Браун думал, что если он нажалуется на Сергея Александру, то с помощью этой информации заслужит прощение и Александр отошлёт его на безопасное расстояние. Но Александр не был главой *Братвы*, потому что был блестящим солдатом. Ещё он любил семью Петровича, хотя и был дальним родственником и, возможно, любил дочь Петровича. В конце концов, Александр был просто предан *Братве*.

Но информация мистера Брауна обладала слишком большой ценностью, чтобы её не использовать, поэтому Александр должен был потребовать изменений. И они произошли.

Сергей убил Александра, а Василий занял его место. Но в настоящее время я располагаю достаточной информацией о секретах Сергея, чтобы купить себе и Дейзи безопасность.

Сейчас я еду по автомагистрали, чтобы найти хорошее место для убийства дальним выстрелом. Мне приходится навернуть три круга, прежде чем удаётся его найти. Примерно в трёх километрах к югу от больницы шоссе проходит по захудалому району с граффити, пустыми высотками и заброшенными железнодорожными путями. Достаточно одного взгляда на стоящее недалеко от автострады здание, чтобы понять — это наркопритон.

Идеально. Мистер Синий, как я его прозвал, каждый четверг посещает любовницу, живущую на Рейнерском пляже к югу от больницы.

Я устанавливаю бинокль и перехожу в другую комнату, чтобы выбрать точку для удара. Нахожу идеальное место для моей винтовки и ставлю крошечный крестик на половице. Позже я вернусь сюда. На всё про всё уйдёт не менее сорока восьми часов, а пока нужно вернуться домой, доложить Невшателю и связаться с Дейзи. Они дадут мне последние детали, и удар будет нанесён, а сейчас можно подумать о Сергее.

Для этой цели потребуется совершить трансатлантический перелёт, сначала в Швейцарию, а потом в Москву. Я могу исчезнуть на пару недель, но мне тяжело оставлять Дейзи на такой долгий срок. Согласится ли она на поездку за границу? Это рискованное мероприятие, но в любом случае более безопасное, чем её нахождение здесь, на заправке, где её легко могут изнасиловать или ограбить.

Я проверяю камеры на заправке, там сейчас какой-то другой человек, для смены Дейзи ещё рано. Она придёт позже. Я проверяю навигатор своего автомобиля — мне не хотелось, чтобы она пользовалась общественным транспортом. И хотя она отказалась, я оставил ей

ключи, но автомобиль по-прежнему стоит на парковке между нашими домами.

Я отправляю ей сообщение.

Скучаю по тебе. Вернусь завтра.

Ответа нет.

Значит, она спит. Я тоже должен поспать, чтобы хорошенько отдохнуть перед тем, как увижу её завтра и буду в состоянии лучше спланировать ликвидацию Сергея.

Мысли о тёплой постели с Дейзи возбуждают меня. Когда я оказываюсь в душе, руки, тёплая вода и мыло упрощают мой оргазм. Я закрываю глаза, прижимаясь лбом к кафельной стене, вспоминая о своих пальцах внутри Дейзи. Она такая тугая и гладкая. Мне трудно было проталкивать в неё пальцы, а после того, как её стенки опухали и увлажнялись, даже один палец казался огромным для неё. Мысли о пребывании в её плотном влагалище заставляют меня содрогнуться. Я сжимаю свой член, воображая, что его окружает её плоть.

Моя Дейзи горит желанием. Она цепляется за мои плечи своими крошечными пяточками, нажимая на спину и притягивая меня ближе к себе. Я словно помповый насос внутри неё. Её тепло плотно сжимается вокруг меня. Я чувствую необходимость её рта на себе. Мне хочется отыметь её своим языком, трахнуть её влагалище своим членом и обнять её, окружив своим телом и запахом. Вместо того чтобы кончить в неё, я достаю член и кончаю ей на живот. А затем начинаю втирать в неё сперму, пока она не впитывает каждую унцию.

Я кончаю мощной струёй, брызнувшей в душ. Но моя рука не может заменить Дейзи.

От одной только мысли о ней я снова твердею. Я поворачиваю кран с холодной водой, пока она не становится ледяной, и стою под ней, пока эрекция не ослабевает, а я не сиенею.

О Сергее необходимо позаботиться за неделю. Из-за Дейзи я не могу ждать дольше.

Если не покончить с этим сейчас, то я не смогу думать ни о чём, кроме неё и её тёплого податливого тела.

Я ещё раз проверяю свой телефон, но ответа на сообщение всё ещё нет. Канал с заправки показывает владельца. Он выглядит несчастным. Возможно, Дейзи заболела и осталась дома. Может быть, она уволилась. Эта мысль приносит мне больше удовольствия, чем должна.

Кровать заманивает меня к себе с телефоном в руках и вялым членом между ног. Я ещё немного думаю о Дейзи и проваливаюсь в сон.

Но меня сразу же будит звонок телефона. Я сажусь на кровати, как складной нож.

Дейзи. Я знаю, что это должна быть она.

— Алло, — немедленно отвечаю я.

Она, наверное, больна. Я должен вернуться первым же рейсом. Мои пальцы уже вбивают адрес авиакомпании, чтобы найти время первого вылета из Сиэтла.

— Алло, Николай.

Страх сжимает моё сердце. Я быстро смотрю на телефон. Это номер Дейзи.

— Ты — труп, Сергей, — выплёвываю я в трубку.

Он смеётся надо мной:

— Мне с трудом верится, что ты встаёшь на задние лапки из-за девчонки! Из-за девчонки, Николай.

Его голос звучит радостно, это забавляет его. Я отрежу ему язык и его самого же

заставлю его сожрать.

— Я действительно не думал, что из пуританского монаха ты можешь превратиться в глупого мальчика-любовника. Последняя шлюха, что ты снял в Амстердаме пару месяцев назад, сказала, что ты выглядел так отстранённо, будто трахал подушку.

Я с шипением выдыхаю воздух. Сергей следил за мной намного дольше, чем я ожидал.

— Почему?

— Ну, это правильный вопрос. Я считал тебя большой угрозой, но мы оба знаем, что все усилия были бесполезны, — Сергей делает паузу, приглашая меня в разговор, но я молчу, прикусывая язык, пока не чувствую вкус крови. — А знаешь почему? Потому что я знал, что после убийства Александра вы все придёте за мной как голодные животные.

Животные? Наверное, он имеет в виду других парней, других наёмных убийц, которых обучал Александр. Мне не приходило в голову, что другие захотели бы отомстить за него. Что там говорил Дэниел? Я не одинок.

— Ты недооцениваешь ситуацию, — говорю я, стараясь звучать так спокойно и независимо, как могу. Должно быть, Дейзи у него. Он может посадить её на наркотики. Он может... Мои мысли разбиваются на осколки. Я не могу представлять всё это о Дейзи.

— Знаешь, нам не было известно наверняка, какая из этих девчонок твоя, потому что этот телефончик был у блондинки, но мы почти уверены, что ты трахал этот маленький цветочек.

Он делает паузу, наверное, пьёт водку:

— Я не стал брать твою Дейзи, потому что она — девственница, — говорит Сергей удивлённым голосом.

Я отключаю звук микрофона на телефоне, поднимаю стул, на котором сидел, и начинаю колотить им об стол, пока тот не разлетается на куски.

А на заднем фоне Сергей продолжает:

— Никогда не думал, что рынок в штатах такой привлекательный. Большинство девушек взрослеют, едва выходя из подросткового возраста. А этой около двадцати, и она до сих пор девственница. Я в восторге! У меня на её счёт только деловые мысли. Есть один клиент, Гарри, к сожалению, больной сифилисом, но твёрдо уверенный, что излечится, оттрахав достаточное количество девственниц.

Сергей смеётся. Я сжимаю сломанный кусок дерева в руке до такой степени, что она начинает кровоточить в трёх местах. Этого достаточно, чтобы сдержать мой голос на должном уровне.

— Даже не представляю, почему ты звонишь и рассказываешь мне всё это, Сергей. Я ведь позаботился о твоём бухгалтере.

— Подразумевалось, что ты вернёшь его назад, а не убьёшь, — гремит Сергей.

Он так громко ударяет кулаком по столу, что я отчетливо слышу это в трубке.

Его кричащий гнев действует на меня успокаивающе. Я открываю ноутбук, чтобы отследить по GPS телефон Дейзи. Спутник фиксирует его к югу от Москвы, в усадьбе Петровича. Это большой дом с садами, охранниками и собаками за высоким забором. Я копирую эти координаты и отправляю Дэниелу. Если я не одинок, то для него это та самая возможность.

Когда мы приземляемся, мои руки заводят за спину и плотно связывают. Юрий надевает на мою голову наволочку и проводит вниз по лестнице и по асфальту в машину. Я дрожу от холода и страха, но никто не предлагает мне куртку. Меня бросают на заднее сиденье машины и захлопывают дверь. Вокруг себя я слышу множество людей, говорящих по-русски, но, кажется, никто из них не обеспокоен человеком со связанными руками на заднем сиденье.

Я немного подвигаюсь, но оказывается, что больше здесь никого нет. Рейган нет рядом со мной. Страх сжимает моё сердце, и я думаю: «Куда они её отвезут? Почему мы едем в разные места?».

Кроме сильного испуга меня одолевает ещё и чертовская усталость. По дороге в машине я засыпаю, так что не знаю, сколько времени продолжается наш путь. Меня будит резкая остановка автомобиля. Я прислушиваюсь к тому, сколько открывается и закрывается дверей, чтобы понять, сколько вокруг людей.

Хлопает только одна. Значит, со мной только один человек. Смогу ли я в одиночку с ним справиться? Я раскручиваю запястья за спиной. Верёвки больно впиваются в кожу, но что такое боль по сравнению с моей беспомощностью.

Задняя дверь открывается, и кто-то хватается меня за ноги.

— Выметайся, — слышу я голос и с сожалением понимаю, что это Юрий.

Меня оставили одну с человеком, который пугает меня ещё больше, чем Василий.

Василий не хотел меня, для него я просто пешка, которой он манипулирует.

А Юрий ненавидит меня за то, что я повредила его яйца. Я в ужасе от того, что он может сделать, чтобы нанести ответный удар.

Я извиваюсь на заднем сиденье, пытаюсь вытащить ноги. Меня пошатывает и трясёт.

Я не ела перед работой, и сейчас чувствую себя слабой и вялой. Во рту сухо и я хочу в туалет, но боюсь спросить.

Грубые руки хватают меня и ведут вперёд. Пошатываясь, я следую за Юрием. Он движется в быстром темпе, и моим коротким ногам тяжело не отставать от него. У него плохо получается вести меня в правильном направлении. Я спотыкаюсь обо что-то, может, бордюр. Затем, спустя мгновение, моё лицо врезается во что-то так сильно, что в глазах темнеет.

Юрий зло смеётся:

— Глупая *тварь*. Как я могу отвечать за твою сохранность, если ты сама врезаешься в стены?

Кровь начинает стекать из носа в рот, лицо трещит и опухает. Зубы болят. Я хочу плакать от боли, но кусаю губы, чтобы не давать ему удовлетворения, которое он получит от моей боли. Босс Василия хочет использовать меня как товар на торгах, но Юрий просто может сделать мне больно. Когда он тянет меня за руку, пытаюсь тащить вперёд, я горблю плечи, готовясь к новой стене. Но ничего нет.

Затем мы куда-то входим.

Я определённо могу сказать, что мы в закрытом помещении, потому что воздух изменился, и наши шаги издадут эхо, что говорит о большом здании. Наволочка до сих пор на мне, я ничего не вижу. Рука Юрия больно сжимает моё плечо, он тащит меня вперёд, пока я

не упираюсь коленками в кусок металла:

— Садись.

Я пытаюсь прочувствовать эту вещь у себя перед ногами. Кажется, это металлический стул. Я осторожно сажусь и жду. Связанные руки болят. Кажется, что у меня не лицо, а один гигантский синяк. Здесь слишком тихо. Мне хочется, чтобы Рейган вернулась назад. Просто понимание того, что она рядом, сделало бы меня чуть более счастливой.

Но здесь лишь я и Юрий.

Секунду спустя с меня срывают наволочку. Я моргаю, пытаюсь привыкнуть к обстановке, а мои волосы статическим облаком окружают лицо. Мы на каком-то складе. Он не пустой, хотя на стройных рядах металлических полок нет ничего кроме пыли. С потолка свисает одинокая лампочка, а всё вокруг тёмное и зловещее. Здесь есть несколько складных стульев и карточный столик. Юрий нависает надо мной.

Он смотрит вниз на моё лицо и что-то бормочет по-русски, а затем сжимает мою переносицу:

— Больно?

Это так, но я никогда не доставлю ему удовольствия и не скажу этого. Я вырываюсь из его хватки.

Он ворчит:

— Хорошо, что не сломал. Сергей три шкуры с меня сдерёт, если я испорчу его маленький кошелёчек, — он одаривает меня холодной улыбкой: — На секунду ты меня напугала.

Я пялюсь на него. То место на лице, где он ущипнул, теперь пульсирует.

— Вы собираетесь продать меня обратно Нику? Разве это план?

Юрий смотрит на меня секунду, а затем начинает смеяться, будто я сказала что-то смешное.

— Ты думаешь, что твой парень будет оставаться в живых так долго, что успеет выкупить тебя? А ты забавная.

Я стараюсь не беспокоиться об этом, но мне очень страшно.

Теперь я знаю, что Ник — один из плохих парней. Василий сказал, что он убийца.

Один из Братвы, но я предполагаю, что это не полное определение Ника.

Ник убивает людей за деньги. Он омерзителен, так же, как и человек, который убил мою мать и разрушил жизнь отца.

Это ужасно. Ужасно, что мне хочется, чтобы именно этот человек вошёл в эту дверь и спас меня. Чтобы он победил моих похитителей и сказал мне, что всё будет хорошо. Я всё ещё принадлежу ему.

И за это я себя ненавижу.

— Больше шуток для Юрия нет? Стыдно, — мой похититель долгое время изучает меня, а затем чешет свой подбородок: — Может быть, твой ротик готов запустить в себя кое — что?

Я вспоминаю его угрозы в самолёте.

— Если ты положишь что-нибудь мне в рот, я откушу это.

Он может ударить меня или дать пощёчину, но настоящую боль ему мне не причинить. Его страх перед своим шефом и зависимость от этого Сергея слишком велики.

Его глаза сужаются, и он смотрит на меня долгим взглядом:

— Пойди в ванную комнату и умойся. Со всеми этими соплями и кровью, стекающими

тебе в рот, ты отвратительна.

Этот раунд за мной:

— Мои руки связаны, — пожимаю я плечами, демонстрируя невозможность пошевелиться. — Я не могу засунуть голову под кран и ждать, что моё лицо само почистится, а ещё мне надо пописать. Может, развяжешь меня?

— Чтобы ты смогла меня ударить?

Да, я думала об этом, но знаю, что не получу того, чего хочу.

— Боишься, что я выиграю?

Он фыркает. Я торжествую, когда он подходит ко мне, но внезапно он даёт мне звонкую пощёчину, которая оглушает меня. Затем Юрий хватает меня за подбородок, пока моя голова качается от удара:

— Слушай меня очень внимательно. Я собираюсь развязать тебя, но если ты попытаешься сбежать, я сломаю тебе руку. А Сергею скажу, что это было случайно, но ты же всё ещё сможешь шевелить своими ногами, да?

Меня пробирает дрожь. Я знаю, что он говорит серьёзно.

— Ненавижу тебя, — говорю я ему спокойно. — Надеюсь, Ник убьёт тебя.

Я немного встревожена пониманием того, что именно говорю, но моё нутро полно ужаса и ярости. Я ничего не хочу так, как увидеть Ника, который войдёт в эту дверь и уничтожит Юрия прямо у меня на глазах. Я так сильно его ненавижу. Ненавижу потому, что знаю — он изнасиловал Рейган. Ненавижу потому, что знаю — он сможет сломать мне руку так же легко, как ударил только что.

Я ненавижу его потому, что это легче, чем ненавидеть себя за то, что именно я ответственна за всё это. Из-за того, что я думала, что влюбилась в компьютерного хакера.

Я глупейшая из дур.

— Ты можешь ненавидеть меня, *тварь*. Но будь умненькой и не сбегай, иначе для тебя это может плохо кончиться.

Он достаёт нож, разрезает верёвки и освобождает мои запястья.

Я встряхиваю руками и встаю. Мне хочется растереть запястья, но вместо этого я с опаской смотрю на Юрия. Юрия, нож которого всё ещё направлен на меня. Он как будто ждёт от меня какой-нибудь глупости. Больше всего ему хотелось бы, чтобы я напала на него.

Тогда у него будут основания сломать мне руку или сделать что похуже. Так что я просто спрашиваю:

— Где ванная?

Он указывает на дверь в дальнем тёмном пустом углу:

— Почисти лицо. Ты омерзительна.

Я иду туда, куда он указал. В двери нет ручки, только дырка, но я всё же закрываюсь от него в своём личном пространстве. В туалете омерзительно, унитаз разбит и запачкан столетней грязью, но я всё равно быстро справляю нужду. А затем мою руки с таким же грязным куском мыла.

Здесь есть зеркало, треснувшее и грязное, как и всё остальное в этой комнате, но я могу разглядеть своё лицо. Переносица опухла и стала фиолетовой, под глазами синяки, будто меня били в каждый из них. Над верхней губой запеклась кровь, а рот заплыл. Я тщательно умываюсь холодной водой, но мой вид лучше от этого не становится, просто кровь смылась. На запястьях проявилось множество синяков от слишком тугой перевязи Юрия. Я выгляжу ужасно.

Хотя в любом случае лучше, чем Рейган. Мои глаза наполняются слезами, когда я думаю о ней. Это моя вина, что её похитили, и я до сих пор не знаю, где она. *«Прости меня, Рейган».*

Моё лицо теперь чистое, но я не тороплюсь возвращаться и снова видеть Юрия. Я соскальзываю вниз по кафельной стене, приседаю на пол и обнимаю себя руками. Здесь так тихо, что даже за такой незапертой дверью я чувствую себя в намного большей безопасности от своего похитителя.

Мои мысли возвращаются к Нику.

Я не знаю, что и думать о словах Василия. Он мог бы соврать мне, но татуировки на руках и холод его глаз, когда он зол, казались мне слишком знакомыми, и я поняла — он говорил правду. Василий — убийца, как и мой Ник.

Я должна была заметить всё это раньше. То, как он смотрел на меня, его деньги и те пугающие татуировки на его теле.

Боль в его глазах, одиночество.

Я кусаю костяшки пальцев, чтобы заглушить рыдания, грозящие вырваться из моего горла. Меня разрывает на части. Одна из них хочет ненавидеть Ника за то, кем он является.

За ложь. За то, что он позволил мне быть такой наивной и так заблуждаться, ведь он врал мне прямо в глаза. Приходилось ли ему убивать людей со времени нашего знакомства? Убивал ли он кого-то перед тем, как прийти ко мне и целовать меня? Эта мысль возмутительна. *«Я должен покинуть город по делам»*, — сказал он, а я ни разу не подумала спросить подробнее. Я такая глупая.

А хуже всего то, что у меня всё ещё есть к нему чувства. Я думаю о печали в его глазах. Об отвращении к самому себе. Он считает себя недостойным меня. Теперь, когда мне открыли правду, я понимаю почему. И моё волнение о нём не угасает.

Я не могу обманывать себя. Несмотря на знание всего этого, я всё равно хочу, чтобы Ник вошёл в эту дверь, спас меня и крепко обнял. Чтобы он пришёл, поцеловал меня и заставил забыть весь этот кошмар.

Но теперь я боюсь его, потому что знаю правду о том, кем он является. Он как Юрий.

Как Василий. И мне интересно, есть ли другие Дейзи, закинутые на заброшенные склады, где Ник сидит за складным столиком и ждёт, пока те выйдут из ванной.

На этот раз я не могу заглушить своих рыданий.

* * *

Юрий не приходит за мной в ванную. Прячась, я несколько часов сижу на полу. До меня доносится, как он говорит по телефону. Односторонний разговор может быть о погоде или спорте, но по его смеху ни о чём не догадаешься.

Однако вскоре я слышу другой голос. Женский. Она кашляет и говорит на русском, Юрий отвечает. Тон женского голоса становится плаксивым и умоляющим, в то время как Юрий остаётся сдержанным.

Затем до моего слуха доходит ещё один мужской голос. Его русский звучит по — другому, проще.

А затем я чувствую запах еды. Будто пахнет картошкой фри. Мой рот наполняется

слуной.

Я встаю на ноги и с опаской выглядываю в отверстие, где должна была быть дверная ручка, но мне ничего не видно. Придётся покинуть своё убежище, чтобы увидеть, что происходит. Мой желудок рычит, напоминая, сколько я уже не ела, и меня накрывает страх перед неизвестностью происходящего.

Я открываю дверь и выглядываю из ванной.

Юрий всё ещё сидит за карточным столом. Пока я пряталась, он достал сигарету, свисающую сейчас с его губ, и поставил на стол перед собой пепельницу. В помещении находится ещё двое мужчин. В одном из них я узнаю Василия, а другой мне неизвестен. Ещё здесь женщина. Она худая и костлявая, в тяжёлом пальто, словно сделанном из мусора. Её лицо облеплено тяжёлым макияжем, волосы светлые и прямые.

Мужчины одеты в длинные пальто, их лица ничего не выражают, пока они смотрят на меня. Незнакомый мужчина держит пакет из МакДональдса.

Когда я выхожу, все поворачиваются ко мне. Темноволосый человек долго смотрит на меня, оценивая, и качает головой.

— Боже, Юрий! Я не думал, что ты сделаешь ей так больно. Сергей хочет продать её, а она выглядит как дерьмо, чувак.

Я вздрагиваю, он говорит по-английски и без единого намёка на акцент. Этот человек — этот новый убийца — американец?

Юрий затягивается сигаретой и тонко улыбается:

— Она неуклюжая. Это произошло случайно, — он пожимает плечами. — А тебе какое дело?

— Я получу откат от её продажи, — прямо говорит мужчина. Он бросает на стол пакет: — Изысканные блюда, пока ты ждёшь.

Юрий хрюкает и бросает взгляд на тощую блондинку в пальто.

— Вижу, ты принёс мне подарок.

— Галина не заплатила долг Сергею. Она сидит на крокодиле (прим. ред.: «крокодил» — наркотическое вещество, известное также как «дезоморфин», второе по популярности после героина), — говорит Василий. — Это всего лишь вопрос времени, так что Сергей сказал привести её сюда. Она хочет отработать свои долги, — мужчина иронично улыбается.

— Проблема в том, что её никто не хочет.

— Так зачем ты привел эту суку ко мне?

Юрий выглядит лишь слегка заинтересованным, его глаза сужаются при взгляде на женщину. Остальные мужчины игнорируют и её, и меня.

— Потому что так сказал Сергей, — прямо говорит американец. — Мне наплевать, что ты с ней сделаешь. Просто не хочу, чтобы она стала моей проблемой.

Юрий кивает:

— Я подумаю об этом.

Он поглаживает складной стул рядом со своим, и женщина бухается на него.

— Сергей прислал нас сюда, чтобы облегчить твою караульную службу. Мы возьмем её на некоторое время, — говорит американец, жестом указывая на меня.

Мои глаза расширяются, и я делаю шаг назад в ванную. Да, Юрий — дьявол. Я боюсь его, но этот мужчина пугает меня ещё больше, потому что я не видела его раньше. Он может быть в четыре раза более жестоким, чем Юрий. Как я могу доверять американцу, работающему с такими ужасными людьми?

— *Нет*, — говорит Юрий. — Нам было весело, так ведь? — и смотрит на меня.

— Иди к чёрту, — говорю я дрожащим голосом.

Я отступаю, ожидая, что кто-нибудь нападёт на меня.

Но мужчины смотрят на меня с тем же холодным выражением лица, которое я видела слишком часто.

— Видишь? — говорит Юрий насмешливым голосом. — Весело. Я нравлюсь ей и уверен, что она станет более дружелюбной, как только поест. И тогда она будет хорошей и для меня.

Я не стану есть его пищу. Не стану. Я игнорирую ворчание своего желудка.

— Как хочешь, — говорит американец. — Так ты остаёшься?

— *Да*. Ты можешь идти, — Юрий щёлкает своей сигаретой по другим. — Я позвоню, когда станет скучно, а пока что поиграю со своим подарком.

Улыбка, которой он одаривает тощую женщину, замораживает мои внутренности.

— Ну что ж, хорошо, — говорит американец, глядя на Василия, после чего кивает и начинает уходить. Высокий блондин, стоящий у входа, — Василий — остаётся охранять его.

Через мгновение остаёмся только я, Юрий и женщина по имени Галина. Василий остаётся у двери и скорее напоминает статую, не обращающую никакого внимания на ситуацию вокруг.

Галина и Юрий сидят за столом. Юрий смотрит на меня, неуверенную и дрожащую у дверей ванной. Он указывает на один из складных металлических стульев:

— Садись.

Должна ли я драться с ним? Или послушаться? Моё лицо болит, и я не вижу каких — либо преимуществ над ним. В ванной не было ничего, что я могла бы использовать в качестве оружия, да и весь склад абсолютно пустой. После секундного колебания я подхожу и сажусь напротив Юрия и женщины.

Он подталкивает ко мне пакет с фастфудом:

— Ешь.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, не уловка ли это, но он не двигается, и тогда я дотягиваюсь своей ушибленной рукой до пакета.

Он одаривает меня улыбкой и делает ещё одну затяжку.

В пакете обнаруживается гамбургер и картошка, а также салфетки. Я копаюсь в пакете, пытаюсь найти пластмассовый нож или что-то ещё, но нет. После секундного разочарования я хватаю гамбургер, разворачиваю его и делаю огромный укус, прежде чем его у меня отберут.

Юрий с удовольствием смотрит на меня:

— У американцев такие отвратительные манеры.

Я игнорирую его, с волчьей скоростью поедая гамбургер. В пакете нет напитка, но я не жалуясь, хотя меня и мучает невероятная жажда. Доев гамбургер, я принимаюсь за картофель.

Юрий продолжает наблюдать за мной. Женщина, сидящая рядом с ним, будто не в нашей реальности. Её глаза пустые и стеклянные, и она шмыгает носом, будто ей холодно.

Пока я ем, Юрий вскидывает голову:

— Дай мне руку.

Я замираю. Это ловушка. Я смотрю на него в ожидании.

Он делает нетерпеливый жест:

— Дай мне свою руку.

Дрожа, я делаю то, что он просит. От этого человека можно ожидать всего, что угодно. Он берёт мою руку и начинает рассматривать мои ногти. Затем переводит взгляд на Галину и говорит что-то на русском.

Она услужливо подаёт ему свою руку.

Затем он достаёт нож и улыбается мне.

Мой желудок сжимается.

Галина продолжает сидеть, будто зомби.

— Думаю, мы пошлём Николаю небольшое сообщенище, как бы говоря — «поторопись». Что скажешь, *сучка*?

Я тяжело глотаю. Мне нужно знать, что это означает, но меня охватывает страх.

— Что ты собираешься сделать?

Он изучает руку Галины, поворачивая лицо в разные стороны. Она покрыта тёмными пятнами в нескольких местах и выглядит, как чешуйчатая гангрена.

— Она слишком влюблена в *крокодила*. Дешёвое средство, чтобы починить то, что сломано.

Он отпускает руку и жестом велит ей подать ему другую руку.

Галина делает это так же легко и безучастно, как и раньше. Будто не понимает, что в другой руке у Юрия находится нож. Интересно, понимает ли она хоть что-нибудь.

Он осматривает вторую руку Галины, а затем смотрит на мою руку. Потом осторожно проводит ножом по её безымянному пальцу.

— Хорошо, что у неё осталось несколько приличных пальцев, да? Это делает наше сообщение проще.

— Какое сообщение?

— Сергей сказал, что мы не можем покалечить тебя. Его покупатель хочет свой товар целиком. Я понимаю это, но думаю, что Николаю нужен стимул, так ведь? А что может стать большим стимулом, чем палец любимой женщины?

В ужасе, я сжимаю руки в кулаки и прячу их между ног:

— Нет!

Стоящий у дверей Василий делает ленивое предупреждение на русском.

Юрий закатывает глаза и машет на меня рукой, игнорируя другого убийцу:

— Глупая *скотина*. Разве ты не слышала, как я сказал, что не могу навредить тебе?

Он направляет нож в лицо Галины:

— А вот она должна много, очень много денег *Братве*, и ей больше ничего не остаётся, кроме как расплатиться своей собственной плотью.

Он усмехается над рукой женщины:

— Своей гнилой, погрызанной *крокодилом* плотью.

Пока я наблюдаю, он осторожно кладёт руку Галины на стол.

Женщина, должно быть, точно в состоянии зомби, учитывая, сколько внимания она уделяет происходящему вокруг. Она безучастно смотрит вперёд, а её рот изогнут в слабом намёке на улыбку.

Когда нож Юрия опускается над её пальцем, я вскакиваю на ноги:

— Нет! Пожалуйста, не надо!

— Не переживай, — говорит Юрий со злой улыбкой. — Она настолько обдолбанная, что даже ничего не почувствует, и это заставит твоего Николая работать быстрее, верно?

Выгода для всех.

Его нож висит прямо над её костяшкой.

Я вскакиваю и бегу обратно в безопасность ванной комнаты, но успеваю услышать, как Галина начинает кричать.

Я бросаюсь к раковине, и меня рвёт, пока внутри ничего не остаётся.

Я сижу в кресле и жду следующего рейса. Мне удалось получить единственное оставшееся место. Поэтому я смогу приехать уже завтра, в ином случае задержка была бы слишком долгой. Я сплю, несмотря на тесноту: с одной стороны сидит постоянно кашляющий мужчина с сопливым носом, а с другой девушка, которая надеется, что я покажу ей Москву по приезду. Я заставляю себя. Отказываюсь верить словам Сергея, безжалостно отгесняя крики и уродливые слёзы Дейзи. Он так небрежно говорил об её изнасиловании и продаже извращенцу-сифилитику в Дубаи.

Ничего из этого не имеет значения. Важно только то, что она ещё жива. Пока она дышит, моя единственная забота — спасти её. А после...

Ну, а после я отомщу всем в доме Петровича, кто касался её. От Гонконга до Нью-Йорка и во всех тёмных уголках — всем станет известно, что если вы прикоснулись к чему — то, что принадлежит Николаю, то месть настигнет и вас, и вашу семью. Это будет не просто смерть, а месть в виде нищеты и постоянной боли. Близкие люди будут возвращаться к вам оторванными конечностями и глубокими наркоманами, и каждый день вы будете видеть их трупы. Вы начнёте медленно понимать, что достаточно было оставить меня в покое, и всего этого можно было бы избежать.

Такое сообщение я оставлю Сергею, *Братве*, всем.

Но чтобы всё это сделать, мне нужно выспаться.

И я сплю.

Я готов к ужасу, который ждёт меня в аэропорту. У ворот ко мне приближается пышная стюардесса авиакомпании Атлант-Союз. Издалека она выглядит неплохо, но уже вблизи заметны признаки использования *крокодила* — большие зелёные пятна вокруг подбородка и возле ушей. Скоро она уже не сможет скрыть эти следы даже косметикой, ведь её кожа станет серой, как ткань, будет умирать и отслаиваться, пока не останутся одни лишь кости.

— Господин Андрюшко?

— Да, — киваю я, подтверждая.

— Это для Вас.

Дрожащими руками она протягивает мне коробку. Её зрачки крошечные, а слёзы в глазах грозят пролиться в любой момент. Я не хочу брать эту коробку, хочу просто пройти мимо и начать свою миссию, но всё равно протягиваю руки.

Желудок проваливается камнем вниз, и каждый шаг по парковке даётся мне с трудом, будто ноги налиты цементом. Я выбираю машину в задней части парковки, взламываю замок и завожу двигатель. Немного отъезжаю, а затем заглядываю в коробку. Внутри я вижу устройство с жидкокристаллическим экраном и окровавленную ткань. Мои руки дрожат, разворачивая её. Увидев внутри отрезанный палец, я открываю дверь и выхожу из машины, чтобы проблеваться. То немногое, что я проглотил, брызжет на мёрзлую землю у обочины дороги. «*Боже мой, Дейзи. Что же я с тобой сотворил?*»

Я быстро возвращаюсь в машину и начинаю смотреть на экран, где Юрий засовывал палец в рот моей Дейзи. Я вижу, как слёзы ужаса охватывают её при мыслях, что ей

придется сосать член этого человека. Человека, с которого будет содрана вся кожа, как только я до него доберусь.

Я не хочу смотреть остальную часть видео, но заставляю себя. Теперь действие происходит в какой-то комнате, звук отключён, и я не могу слышать её криков, но вижу, как над пальцем заносится нож. Я плачу, когда крупным планом вижу отрезанный палец Дейзи, но слёзы и гнев не спасут её. У неё девять пальцев, ну и что? По крайней мере, она жива.

Я заставляю себя просмотреть видео более десяти раз, чтобы найти любые зацепки. Палец выглядит обезвожено, и мне не нравится ни один из них на руке Дейзи, хотя смерть конечности изменяет её внешний вид. Я выталкиваю эти мысли из своей головы. Ничего из этого мне сейчас не поможет.

Наконец, я еду на запад. Там у Александра есть безопасный дом, в котором есть снаряжение и оружие, что даст мне время, чтобы всё спланировать. Взять цитадель Сергея штурмом практически невозможно. Там будет с десятков наёмников внутри, охранники снаружи и, вероятно, дополнительные внутри. Местоположение телефона Дейзи по — прежнему фиксируется внутри его поместья. Вполне возможно, что телефон находится у Сергея, но Дейзи спрятана где-то ещё. Он должен знать, что я иду, поэтому и отступил в свой замок.

Часовая поездка занимает у меня всего полчаса. Бензин почти кончается, когда я приезжаю к убежищу. В целях предосторожности, я делаю несколько кругов вокруг дома, прежде чем найти подземный вход в задней части. Александр и я копали его в течение пяти лет, и об этом никому не известно. Я легко прохожу по нему, почти проползая через три установленных внутри растяжки. Интересно, когда здесь в последний раз был Александр.

Туннель затхлый, сквозь доски ползают насекомые, которыми мы обшивали стены. В конце грязного туннеля есть небольшой подвал с генератором. Он чуть слышно напевает, указывая, что на втором этаже используется электричество.

Здесь кто-то есть.

У меня нет пистолета, но в ремне спрятана гаррота (прим. ред.: удушающее холодное оружие ближнего боя, состоящее из прочного шнура с ручками на концах). Одной рукой я достаю её, а другой тянусь к лестнице, чтобы ослабить блокировку. Лестница с усилием поддается, и я вижу открытый люк. Я быстро возвращаюсь в тоннель, чтобы избежать рикошетных выстрелов, но ничего не слышу. Ударом включаю генератор, поднимаю лестницу обратно и бегу к выходу из туннеля.

Образ Дейзи, нашедшей свой первый оргазм с помощью моего языка, прижатого к её трепещущему клитору, дразнит меня где-то на границе сознания. Нет. Не сейчас. Я всегда был хладнокровным. Дейзи вернула меня к жизни, и она не должна умереть. В мире не хватит способов, чтобы отомстить Сергею и всем, кто ей навредил.

Мне хочется закричать от гнева, но я понимаю, что сейчас мне необходимо проглотить свои эмоции.

Сверху до меня доносятся ругательства:

— Чёрт побери, Николай. Почему ты не можешь войти через чёртову парадную дверь, как все нормальные люди?

Это Дэниел. Несмотря на отсутствие модулятора голоса, я всё равно как-то узнал его.

Возможно, даже прибор не смог изменить его тембр, а может, он просто звучал именно так, как я и представлял. На заднем плане присланного мне видео был слышен мужской голос как звуковое сопровождение к слезам и страданиям Дейзи.

Одним из тех мужчин может быть Дэниел. То, что он находится в убежище, вызывает у меня подозрения. Моя рука сжимает провод крепче. Я могу убрать Дэниела, не потому, что знаю, что я быстрее и сильнее, а потому, что он как-то связан с Дейзи. У Дэниела такого стимула нет.

Звуки наверху эхом отражаются в моём сердце. Тело напрягается от воспоминаний о видео. У меня руки чешутся сжать горло Дэниела, пока его лицо не посинеет. Я закрываю глаза и глубоко дышу, чтобы восстановить контроль. Нельзя допустить ошибку. Я глубоко дышу. Вдох. Выдох.

Он там. Я могу его слышать. Ещё несколько шагов. Не важно. Я могу и сам настигнуть его в пять шагов. За моей спиной есть выход, что даёт мне преимущество.

Любому, кто захочет схватить меня, нужно будет спуститься в подвал, а механика тела сработает так, что ему придётся согнуть колени. Отсюда я смогу ударить по ногам и повалить противника на землю, а затем всего одним движением обезоружить, используя своё тело в качестве щита. Все эти картинки калейдоскопом проносятся в моей голове. Замах, атака, выстрел и поворот. Замах, атака, выстрел и поворот.

— Это я, Дэниел. Мне казалось, ты догадаешься. Слушай, в качестве знака доброй воли я собираюсь бросить тебе глок, хорошо? Не твой любимый пистолет, но и не молоток, верно? Кому такое не понравится?

Я раздумываю над этим. У глока нет никаких внешних предохранителей. Из-за этого его удлинённый ударник называют нападающим, поэтому его можно быстро и легко снять с предохранителя, даже если рука ранена.

Сверху из открывающегося люка мигает свет, и через секунду в грязь падает глок. Я подталкиваю его к себе ногой. Никаких выстрелов не следует. В тусклом свете тоннеля мне с трудом удаётся разглядеть пистолет, и я дважды встряхиваю его. Звучит и выглядит нормально.

Я проверяю магазин и стреляю вверх, в отверстие люка.

— Чёртов Иисус Христос, — слышу я визг Дэниела.

У меня остаётся двенадцать пуль. К шуму сверху добавляется ещё один голос. Он принадлежит русскому. Так, два человека, двенадцать пуль. Вопросов нет. Я раздумываю о том, чтобы выйти из тоннеля и обойти дом вокруг.

— Слушай, ты, горячая голова, что заставит тебя подняться наверх, не стреляя в нас?

Ничего, кроме Дейзи. Я поднимусь только в том случае, если у них Дейзи, но я молчу.

— Ладно, слушай. Здесь я и Василий. Нас только двое. Я бы сказал, что мы оба безоружны, но это ложь. Я знаю, где Дейзи. Гарантирую тебе, что ещё час назад она была в порядке. Ей не навредили, разве что морально, но в целом у неё всё хорошо. Гораздо лучше, чем у её светловолосой соседки.

— Рейган, — бормочу я.

— Кто это?

— Соседка, которую вы взяли. Её зовут Рейган, — говорю я.

— Да, Рейган. Они избавились от неё, и я не знаю, где она. Я не мог дать обнаружить своё укрытие и покинул Дейзи. Николай, палец, который тебе прислали, принадлежит не ей. Обещаю тебе. Он от другой девушки, у которой были проблемы с Юрием, и таким образом она заплатила. Василий был там.

— Я хочу послушать Василия.

— Иди сюда, мудака, — слышу я, как Дэниел кричит своему товарищу.

— Что? — говорит тяжёлый голос с сильным акцентом. Это может быть Василий, а может и десяток других людей, но я продолжу играть в игру Дэниела ещё какое-то время.

— Почему? — кричу я.

— Почему я здесь, а не со своим дядей Сергеем, и не насилую твою милую подружку — девственницу? — кудахчет он. — Даже не знаю, похвалить тебя за находку такого драгоценного камня или отругать за мужскую несостоятельность, раз ты не использовал его.

Я не сдерживаюсь и стреляю вверх ещё раз. Одиннадцать пуль. Два киллера. Всё ещё достаточно.

— *Мудак*, — ругается Василий.

«К чёрту и тебя, *придурок*», — думаю я.

— Заткни пасть, Василий. У нас нет времени на это дерьмо, — рычит Дэниел.

Мой слух улавливает звуки драки, затем пристыженный и угрюмый голос Василия. В этой игре ставки на двоих. Если бы у этих сумасшедших не было Дейзи, я бы даже решил, что это забавно, но не сейчас.

Я сжимаю приклад глока так сильно, что его рисунок отпечатывается на коже. Как же мне хочется разрядить в этих двоих весь магазин, пока вся кровь из них не вытечет на пол.

— Разберитесь уже там! — кричу я, теряя терпение.

— А, Николай. Я думал, там уже никого нет, — с прохладцей говорит Василий.

— Тем не менее, Александр был прав. Сергей — неподходящий лидер для *Братвы*.

Продажа наших женщин и повсеместное использование *крокодила* — всё это убивает нас. Лишь ослабляет, а не делает сильнее, однако даже эти вещи ещё можно простить. Но убийство Александра, похищение твоей женщины и настраивание тебя против нас? *Нет*.

Сергей просто не создан быть лидером. Через поколение или плюс-минус, как сказал Александр, *Братва* распадётся. Так что мы поможем тебе спасти Дейзи, а ты сможешь убить Сергея. Тогда ты уйдёшь. На пенсию. Оставишь *Братву*. Никаких убийств. Никакой работы.

О Николае Андрюшко будут уничтожены все записи. Ты и твоя Дейзи перестанете для нас существовать, как и мы перестанем существовать для вас. Это наши условия.

Я глажу свой приклад. Всё это из-за того, что Александр настраивал *Братву* на то, что Сергей не подходит на роль лидера? Мою Дейзи похитили просто потому, что Сергей чувствовал опасность потери своего места как главы *Братвы*? Он ещё глупее, чем я думал.

Тем не менее, я всё ещё не уверен.

— Что заставит тебя почувствовать себя в безопасности и подняться наверх, Ник? — спрашивает Дэниел. — Чем больше времени ты торчишь в этом тоннеле, тем больше риск для Дейзи.

Он прав. С каждой пробегающей минутой Сергей может изменить своё мнение и сам навредить Дейзи, но если это ловушка, то я потеряю шанс спасти её.

— Ты не сможешь одолеть *Братву* в одиночку, — возвращается Василий в игру. — В лучшем случае это станет для тебя суицидальной миссией, а в худшем, ты умрёшь ещё перед воротами, а Дейзи пустят по кругу, пока она сама не захочет покончить с собой.

Передо мной два варианта — плохой и ещё хуже, и я выбираю плохой, потому что у меня всё равно нет выбора. Я выхожу из задней части тоннеля. Через щель мне могут выстрелить в голову, и я жду, что моя голова взорвётся, словно дыня. По крайней мере, у входной двери у меня будет небольшое прикрытие. Я иду вперёд, к маленькому коридору, и дверь распаивается.

Я отхожу немного в сторону, а Дэниел и Василий выходят ко мне. Их руки опущены по

сторонам и пусты, но готовы к действию. Я опускаю Glock.

Рост Дэниела — шесть футов и пять дюймов, он выше меня минимум на три дюйма.

Василий и я примерно одного роста. Они оба в форме и держатся легко, что свидетельствует о том, что они знают, как использовать своё тело в качестве оружия. Возможно, я смог бы справиться с одним, но не с двумя. Вопреки всему, я подаю Дэниелу левую руку в качестве жеста согласия.

Он принимает его и сжимает мою руку.

— Я делаю это не по доброте душевной, — говорит он. — У меня своя цель, и мне понадобится твоя помощь.

Я это понимаю. Обмен выгодой важен для меня. Я киваю и захожу внутрь, показывая спину двум опасным хищникам. Это потрясающий жест для хорошего доверия.

Внутри я вижу батарею оружия. Пулемёты, пистолеты, револьверы, ножи и куча С-4 два фута высотой. Мне ни за что не выбраться отсюда живым.

Дэниел видит, как я плююсь на С-4:

— Верно. Мне пришлось сдвинуть всё это дерьмо, чтобы твои чёртовы беспорядочные выстрелы не разорвали нас всех на куски.

Я пожимаю плечами:

— Тебе нужно было лучше подготовиться, чтобы достичь этой цели, но хватит об этом. Каков план?

ДЕЙЗИ

Я прячусь в ванной, настолько изнурённая, что сворачиваюсь калачиком и засыпаю, не заботясь о грязной разбитой плитке. Сегодня я и так достаточно хапнула микробов от Юрия. Проходят часы, а может, и дни. Я теряю счёт времени и сплю, но мои сны наполнены Ником и пистолетами. Ник стреляет в мою мать. Ник держит Галину, пока она наблюдает, как ей отрезают палец.

Эти сны не приносят мне отдыха. Я просыпаюсь замёрзшей, голодной и больной.

Юрий всё ещё там, поэтому я сплю дальше, ожидая Ника или смерти.

Не знаю, на что из этого надеюсь больше.

Я просыпаюсь от тряски, чей-то ботинок пинает меня. Щурясь, я поднимаю глаза и вижу огромного блондина, который стоял у входа в склад.

— Вставай.

Я поднимаюсь, чувствуя боль в каждой косточке своего тела. При этом у меня кружится голова и немного шатает. Огромная рука хватается меня и ведёт наружу, вытаскивая из ванной комнаты. Юрий сидит за карточным столом. Никаких признаков Галины. Хотя здесь достаточно темно, я вижу ржавое пятно на столе и не могу отвести от него взгляд.

Интересно, отправили ли они палец Нику? Какая у него была реакция? Будет ли он сожалеть или его лицо останется холодным и без эмоций, как лица мужчин, которые окружают меня сейчас? Или его глаза станут такими печальными и одинокими, в какие я влюбилась когда — то? Станет ли он несчастным, получив то, что сочтёт моим пальцем? Или ему будет наплевать? Действительно ли я знала настоящего Ника?

И я понимаю, что именно это пугает меня больше всего. Не то, что Ник — убийца с

ужасным прошлым, настигшим и меня, а то, реален ли мужчина, в которого я влюбилась, и вообще знаю ли я его в действительности. Просто я всё ещё люблю его и хочу, но не уверена, что знаю настоящего Ника.

— Пошли, — говорит Юрий, прерывая мои размышления.

Он держит в руках верёвку, и я понимаю, что мои руки опять свяжут. Он мерзко улыбается:

— Ты сделаешь мне приятно, если будешь сопротивляться.

Но я не делаю того. Лишь перекрещиваю запястья, выворачивая руки, и жду. Моё онемение и покорность напоминают мне Галину, и я вздрагиваю от понимания этого.

Юрий кажется разочарованным моим послушанием. Он плотно связывает мои запястья передо мной, а затем толкает меня вперёд. Он что-то кричит светловолосому мужчине, и мгновение спустя рядом со мной открывается капот.

— Куда мы едем? — мой голос звучит приглушённо в душном мешке.

— Ты везучая, — говорит Юрий. — Сделка прошла. Мы отвезём тебя в аэропорт, чтобы ты смогла удовлетворить нового хозяина.

Он смеётся:

— Может, после того как он устанет от тебя, мне позволят пустить тебя по кругу, а?

Я вздрагиваю и горблю плечи, будто таким образом смогу уклониться от этих ужасных людей. Василий что-то говорит, а Юрий отвечает ему неприятным тоном. Блондин подталкивает мою руку.

Меня ведут к машине.

Гигантские руки Василия сильнее, но и добрее, чем у Юрия. Он не столько засовывает меня в машину, сколько просто подталкивает в правильном направлении. Я снова оказываюсь на заднем сиденье, и дверь закрывается. Я слышу, как мужчины усаживаются спереди, и мы едем.

И едем.

И едем.

Я снова сплю. Мне сложно бодрствовать, ведь дышать в мешке жарко и душно. Моя голова раскалывается на части, и я думаю, что со мной что-то не так. Всё, что мне хочется — это спать, возможно, из-за того, что сон для меня сродни побегу. А сейчас я так одинока.

— Останови здесь, — слышу я голос и быстро просыпаюсь.

Юрий говорит что-то на русском, и Василий отвечает. Я улавливаю слова «Кока-кола» среди русских слов, и чувствую, как машина тормозит.

Юрий вздыхает и бросает пару яростных фраз, но автомобиль останавливается. Одна из дверей открывается и закрывается, а затем до меня доносится хруст гравия под чьими-то ногами.

Я в напряжении жду на заднем сиденье. Неужели мы... остановились перекусить? Это кажется безумием.

— *Боже мой*, — говорит Юрий на русском, и я воспаряю духом, потому что слышала такое и раньше.

Он давит на клаксон и кричит что-то на русском. Я не понимаю, злится ли он, так как второй человек долго не возвращается, или что-то ещё. Мешок на моей голове завязан крепко, и я пытаюсь незаметно пошевелить подбородком, чтобы из него выскользнуть. Мне отчаянно хочется понять, что происходит.

Мгновение спустя дверь открывается и с силой захлопывается. Я слышу хруст гравия

под ногами Юрия и как он кричит на кого-то по-русски. Его голос звучит яростно. Теперь я остаюсь в машине одна и могу безопасно попробовать снять мешок. Я активно моргаю и просматриваю обстановку вокруг.

В машине только я. Мы припаркованы за пределами АЗС, расположенной непонятно где. Я сразу же хватаюсь за дверную ручку, но она не поддается. Чёрт. Разочарованная, я оборачиваюсь и пытаюсь пробить заднее сиденье, чтобы добраться до багажника. Может, там будет домкрат, которым я смогу разбить окно.

Когда мои уши улавливают звуки борьбы, я останавливаюсь и сильно прижимаюсь к тонированным стёклам машины.

Я едва могу разобрать, что там происходит. Кто-то борется. Юрий? Кто бы мог бороться с Юрием? Моё сердце наполняет надежда. Ник? Но мужчина вдалеке темноволосый и слишком высокий, чтобы быть моей любовью. К моему удивлению, этот человек берёт Юрия в захват и с силой сдавливает ему шею. Юрий мгновение крутится, а затем обмякает, и вот мужчина держит в руках его безвольное тело, а затем оттаскивает его за заднюю часть здания.

Мне кажется, что я перестаю дышать. О, боже! Кто-то... кто-то только что убил Юрия? Что это означает для меня?

Я падаю вниз на сиденье и пытаюсь скрыться. Моё дыхание от испуга учащается.

Если убийца меня не видел, то оставит автомобиль в покое, и я смогу сбежать. Высокого блондина нигде не видно, и он не вернулся к машине. Возможно, он мёртв, как и Юрий.

Что же мне теперь делать?

Когда я слышу открывание двери, это кажется мне зловещим предупреждением, и меня охватывает страх. Кто-то проскальзывает на переднее сиденье. Я по-прежнему прячусь настолько, насколько это возможно, всё ещё надеясь, что он просто ищет деньги и через секунду уйдёт. Но двигатель заводится и машина стартует.

— Ты в порядке, Дейзи?

Это голос того американца — убийцы со склада. Одного из мужчин, который привёл Галину для Юрия.

Я осторожно сажусь подальше от разделяющей нас перегородки и изучаю его затылок:

— Кто ты?

Он фыркает:

— Ты можешь звать меня Дэниел. Меня послал Николай.

Моё сердце подпрыгивает:

— Ник?

Я пытаюсь дышать, и меня накрывает волна облегчения:

— Но...

Я испуганно прикусываю язык. Как я могу знать, можно ли доверять этому человеку?

Он ведь может соврать мне, чтобы заполучить от меня больше информации. Но даже если он убьёт меня, я всё равно ничего не скажу. Я просто смотрю на него.

— Юрий ранил тебя? — спрашивает Дэниел. — Конечно, сейчас я ничем помочь не могу. Просто дай мне знать, чтобы я смог предвидеть реакцию Ника на это дерьмо и держаться от него подальше.

— Где Рейган?

— Кто такая Рейган? — спрашивает он, как будто его это совсем не заботит.

Он включает поворотник, выворачивая с автозаправочной станции.

— Моя подруга. Блондинка, которая была со мной, когда нас забрали.

Он пожимает плечами:

— Точно. Если я не ошибаюсь, то её продали на чёрном рынке пару дней назад.

Прости за это, но она — следующая проблема. Сейчас же моя проблема — Ник, а Ник хочет тебя, и поэтому я здесь, — он посылает мне тонкую безрадостную улыбку в зеркало заднего вида. — Предай *Братву*, свергни этого сумасшедшего сукина сына, и жизнь станет чертовски прекрасной.

Я перевариваю это. Он считает сумасшедшим Ника или кого-то ещё? Ещё одна история, о которой я не в курсе. Происходит так много вещей, в которых я ничего не понимаю. От этого болит голова и сердце. Я нажимаю ладонями на лоб, и это отдаётся резкой болью в носу.

— Куда мы едем?

— В Москву, в отель, — он снова бросает взгляд в зеркало заднего вида. — Воссоединение Ромео и Джульетты.

НИКОЛАЙ

Лучшее оружие в бою — то, что ты достаёшь неожиданно, как сюрприз. Обман — одна из разновидностей сюрпризов. Древнекитайский трактат об искусстве войны Сунь-Цзы гласит: «Война — это путь обмана, поэтому если ты и можешь что-то, то покажи своему противнику, будто не можешь». Сергей — преступник, жаждущий признания от людей, обладающих богатством, рождённых в золоте с нефтью в кармане, и тех, кто владеет крупной технической компанией, управляющей Европой. Этих людей чествуют в журналах и называют олигархами.

Сергей, чьи финансовые ресурсы могут соперничать с нефтяными магнатами, никогда не завоюет такого уважения, как его сверстники, потому что он всего-навсего пиявка. Он организывает сделки, но ничего в них не вкладывает. Оружие, которым он торгует, запятнано чужой кровью. Он транспортирует грязь из богатой Украины в Россию. На Украине он оставляет огромные дыры, которые заполняет мусором. Это наследие Сергея.

Разрушение и отходы.

И вдруг я понимаю, что двигало Александром. Для всех, кто любил *Братву*, — а Александр любил — падение Сергея в пропасть с продажей девушек больным иностранцам и подсаживанием на препараты своих же людей означало гибель *Братвы*. Вскоре не останется ничего, кроме дырки от бублика. Он никогда не сможет трахать приличных женщин или пить водку в шикарных клубах, ведь он всегда был другим.

У меня не осталось верности к банде, но для Василия — это вся его жизнь. Верность Дэниела более замкнутая, но я намерен доверять ему, несмотря на его преданность и цели. Если я хочу увидеть Дейзи живой, у меня нет другого выбора, кроме как опереться на чужое плечо.

Ведь легче схватить одного мужчину на публике, чем женщину, запертую в ловушке.

Меня раздражает ожидание, так как всё это занимает слишком много времени. Василий вернулся в штаб-квартиру *Братвы*. У него нет причин ехать на склад, пока его не позовут. Я

никому не доверяю. Моё доверие едва ли распространяется на Дэниела и Василия, хотя оба уверяют меня, что Сергей серьёзно намерен сохранить девственность Дейзи для продажи.

Сделка может состояться уже на этой неделе.

Семья Магвенодовых — моя приманка. Магвенодовы — те, кем стремится стать *Братва* или, по крайней мере, Сергей. Глава семьи Магвенодовых — миллиардер с домами в Лондоне, Гонконге и Нью-Йорке. Они владеют британской футбольной командой и обедают с князьями и царями. Их имена шепчут с завистью и благоговением, и для них нет закрытых дверей.

У старшего сына семьи печальный вкус на парней, что в России ещё хуже, чем поедание *дезоморфина* за обеденным столом. Лучше разрушать своё тело наркотиками, чем быть развратником. Мне неловко, что придётся использовать Льва, но я и так в отчаянии. Не знаю, одобрит ли Дейзи использование таких ресурсов для её освобождения. Мои методы могут быть сомнительными, но они всегда эффективны.

Я решительно подавляю в себе любые потуги совести. Происки в квартире любовника, фотографирование, будто я низкосортный *шпион* — это унижает нас обоих. Но я бы сделал это, даже если бы мне пришлось есть мусор, чтобы спасти Дейзи.

Я жду у выхода почти весь вечер. Отца Льва, на самом деле, больше должны беспокоить интимные романтические свидания его сына — как парень Льва готовит для него ужин или как Лев дарит мужчине шубу, — а не их сцены сексуального характера. Ведь у отца Льва тоже есть свои извращения, но они более приемлемы для общества. Тем не менее, ориентация его сына подходит для шантажа.

— Лев Дмитриевич Магвенодов, — спокойно говорю я, когда он выходит из здания.

Бездумный взгляд изменяется и становится настороженным. Этот человек не идиот, ведь тот, кто поджидает у выхода из дома твоего любовника, не принесёт хороших новостей.

Я ждал в тени, на случай, если Магвенодов решит стрелять и бежать, но он не делает ни того, ни другого. Вместо этого он идёт прямо ко мне, и из-за того, о чём я собираюсь его попросить, во мне растёт неловкость.

— *Как Вас зовут?* — спрашивает он.

— Я — Николай Андрюшко, — отвечаю.

— *Вы потерялись?*

— *Нет*, я не потерялся.

Я останавливаюсь и принимаю взвешенное решение. Достая из-за спины камеру, вынимаю из неё карту памяти и прячу в карман. Если у него есть мозги, то он поймёт, какие у меня рычаги, а если он так глуп, чтобы не распознать опасность, ему же хуже.

— Мне нужна Ваша помощь.

Я выхожу из тени и держу руки открытыми, давая ему понять, что не представляю угрозы.

— И что я получу взамен? — спрашивает Магвенодов.

— А что Вам нужно?

Магвенодов смотрит на окна квартиры своего любовника:

— Мне всё равно, какие фотографии Вы сделали. Я испытываю лишь облегчение от того, что не нужно больше прятаться.

Не на такой ответ я рассчитывал, и потому выжидаю. Смело и умно, но не для такого терпеливого человека как я.

Магвенодов вздыхает:

— Чего Вы хотите? Денег? Связей?

— Нет. Я хочу, чтобы Вы встретились с Сергеем Петровичем. На публике. Завтра утром в десять.

— Бандит? Во что Вы пытаетесь меня втянуть?

— У меня есть... — я подбираю слова, понимая, что всё делаю правильно, — любимый человек, которого похитила *Братва*. Послезавтра Сергей Петрович перестанет существовать, а *Братва* будет Вам должна и сделает что угодно.

— Вы можете давать мне такие обещания?

Магвенодов достаёт пачку сигарет и вытаскивает два свёртка, предлагая один мне. Я протягиваю ему зажигалку. Когда он начинает прикуривать, я думаю, что не такой уж он и умный. Он дал мне оружие и склонил передо мной голову. Не всех воспитывал Александр.

— Да, — я глубоко затягиваюсь, вдыхая никотин, как кислород. Магвенодов курит медленно, не спеша, будто наслаждаясь кружечкой кофе после обеда. Я начинаю терять терпение и хочу перейти к следующему шагу.

Он медленно кивает, как бы внутренне соглашаясь с самим собой:

— Хорошо, я это сделаю.

— Отлично. Завтра, в ресторане гостиницы Балчуг, в десять, — даю я инструкции. — Если Вы не придёте, Вам будет плохо.

Предупреждения излишни, а потому Магвенодов закатывает глаза:

— Не держите меня за ребёнка. Вам нужна услуга, и я её предоставлю, — он слегка ударяет себя в грудь. — В Балчуге мы сможем смотреть на Кремль, пока будем есть. Это так пошло.

— Вам нужно лишь занять его минут на двадцать. Ничего ему не предлагайте. У Сергея Петровича от одной только иллюзии возможности коленки затрясутся. В ресторане прозвучит сигнал тревоги, когда всё произойдёт. Убедитесь, что Вам никто не помешает.

Магвенодов кивает, но я заставляю его повторить инструкции:

— Ничего не предлагать и не вмешиваться.

Я коротко киваю в знак подтверждения. Магвенодов отворачивается и собирается уходить, но я хватаю его за запястье:

— Завтра Вам надо подумать о Лондоне или Швейцарии. Там дышать будет легче.

И затем я ухожу, растворяясь в тени. Следующий шаг игры сделан. Позади я оставляю свой единственный козырь, но это приносит мне чувство облегчения. Я оставил Магвенодову карту памяти с изобличающими фотографиями.

Мой номер в гостинице «Метрополь» тщательно обставлен. Я скатываю ковёр «Обюссон», полностью покрывающий вековой паркетный пол. После революции в этих комнатах жили большевики, и есть какой-то знак в том, что Сергей встретит свою судьбу именно здесь.

Я принёс сюда набор, включающий в себя полиэтиленовую плёнку, пистолет, купленный на улице после моей встречи с Магвенодовым, таблетки цианида, а также чёрный вещевой пакет, который подойдёт для транспортировки тела. Беглый взгляд по комнате убеждает меня, что всё в порядке. Мне не хватает только двух частей — Дейзи и Сергея.

Так как я никогда не смог бы попасть в дом Сергея самостоятельно, мне нужно его выманить. Поэтому пришлось оставить Дейзи Дэниелу и Василию. Я больше часа спорил с этими двумя, но Дэниел был очень решителен в том, чтобы не оставить нам шанса на воссоединение. С болью в сердце, я поехал на встречу с Магвенодовым.

Сейчас в роскошном гостиничном номере нет никого, кроме меня, но мне всё равно. Я не хочу спать, зная, что Дейзи в опасности где-то там. Неизвестность пронзает моё тело, словно тысячи кинжалов, ведь с ней может случиться всё что угодно. Я использую все известные мне способы, чтобы привести своё тело в состояние спокойствия. Завтра мне нужно быть свежим и готовым ко всему. В конце концов, меня окутывает дремота.

Я просыпаюсь несколько часов спустя. Утро ещё не наступило, но отдыха мне хватит.

Должно хватить, потому что больше мне его неоткуда взять. Я приезжаю на встречу с Петровичем и сижу в арендованном седане, наблюдая за движением. Наверное, Дейзи было очень страшно, когда они собирались отрезать ей палец. Во мне кипело желание разорвать эту машину, но я должен был сидеть и ждать.

Проходит довольно много времени, и я боюсь, что Сергей не захочет встречаться с Магвенодовым, ведь он может разозлиться из-за столь быстрого приглашения, совсем не соответствующего королевскому балу. Я с облегчением вздыхаю, когда вижу кавалькаду из трёх выезжающих машин. Сергей может быть и зол, но не упустит шанс вылизать олигархам сапоги.

Я еду за ними по Москве около тридцати минут. Затем ускоряюсь и обгоняю три автомобиля, провоцируя в пяти милях от них столкновение между полуприцепом и эвакуатором. Полуприцеп опрокидывается. Оба водителя выходят из своих автомобилей и начинают друг на друга орать. Обломки прицепа оказываются разбросанными по всему шоссе. Водители разворачиваются, чтобы избежать простоя. Эта путаница позволяет мне легко съехать на обочину, оставить украденный автомобиль и побежать к автоколонне Сергея.

Моё сердце бешено колотится, когда я отчаянно бегу вдоль обсаженного деревьями шоссе и благодарю листву, скрывающую меня. Машины всё ещё едут, но движение уже замедляется. Я знал, что у меня мало времени и нужно действовать быстрее. Водители будут пропихивать свои транспортные средства куда угодно, а Сергей поедет даже по канаве, лишь

бы не останавливаться. Он не захочет опаздывать на встречу со Львом Магвенодовым.

Благодаря ежедневным тренировкам, обжигающий воздух вырывается из моих лёгких наружу. Холодный воздух затрудняет дыхание, но я заставляю себя бежать быстрее и быстрее, пока не вижу впереди кортеж. Это зрелище заставляет меня ускориться ещё больше. Я бегу мимо скользящих рядом автомобилей, зная, что попадаю в камеры слежения.

Натянув шапку ещё ниже и подняв воротник, я пытаюсь скрыться, насколько это возможно.

Я подбегаю к последнему в кортеже внедорожнику, отделённому от майбаха Сергея двумя машинами. Это обстоятельство мне на руку. Я бросаю тяжёлый металлический диск в переднюю часть машины, и он ударяется об капот. Водитель предсказуемо бьёт по тормозам и смотрит вперёд. Я быстро подбегаю к автомобилю и открываю дверь. С пассажирской стороны никого нет, а в машине только водитель. Я не думаю о том, что делать в такой ситуации. Это ещё один признак болезни в *Братве* Петровича. Лень Сергея и отсутствие внимания к деталям приведут *Братву* к падению.

— Ты перебираешься на пассажирское сиденье или я вынесу тебе мозги, — быстро говорю я на русском солдату Сергея.

Он отрывает руки от руля и кивает. Я не смогу выкинуть из машины мёртвого человека. В России много видеорегистраторов, и съёмки этого происшествия в последствии легко могут оказаться в интернете.

Водитель Петровича делает то, что ему сказано, а я сажусь на сиденье и веду машину.

Он неловко горбится на пассажирском сиденье лицом к моему пистолету.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я.

— Двадцать пять, — отвечает он.

Больше, чем мне, но он до сих пор наивен и не может собраться в этой ситуации.

— Тебе известно, кто я?

Он качает головой. Машины не спеша движутся одной линией, но в России это никого не смущает. Никто не таращится на аварию, поскольку такие дорожные происшествия не редкость.

— Я — Николай Андрюшко.

Я слышу его резкий вдох.

— Так ты слышал обо мне?

— *Да*, Александр говорил. То есть кое-кто говорил, — пищит молодой человек.

Он такой молодой и неопытный, таких, как он, даже неприятно убирать.

— Девушка, которую Сергей привёл в штаб, принадлежит мне.

Тишина. Я думал, что малыш-солдат слишком напуган, чтобы говорить, но когда он, наконец, решается, тон его голоса становится выше:

— Твоя?

— Ты трогал её? Видел? Ты смеялся над её страхом? — выплёвываю я.

Это нечестно, но мне больше не на кого сорваться.

— Не-не-нет, — заикается он. — Я не видел её. Знаю только, что привели кого-то важного, но кого — не знаю.

Мы приближаемся к городу, и я спорю с самим собой, что же делать с этим ребёнком.

Я ненавижу себя за то, что нужно убить его, так как он вмешался в это дело. Он ещё такой зелёный, даже не знает, как нужно использовать капсулу с цианидом.

На светофоре я ударяю его по голове глоком. Он теряет сознание и оседает. Я снимаю с

него шляпу и пальто, чтобы издалека быть похожим на водителя. Функция кортежа Сергея — простое обеспечение безопасности автомобиля. Телохранители из его машины пойдут с ним в ресторан, а водители кортежа останутся снаружи.

К счастью, Сергей не отклоняется от типичного плана и входит в ресторан, даже не взглянув в сторону последнего внедорожника. Я оставляю машину заведённой, выпрыгиваю из неё и иду к первой машине. Взломав замок, я залезаю на заднее сиденье и точным ударом по голове вырубая водителя. Затем смотрю на пассажира, и его я тоже не знаю.

«Сергей использует для прикрытия новобранцев?» — качаю я головой.

Братва Петровича катится в ад. Дядя Сергея никогда бы не использовал неприрученных солдат для выполнения этой задачи. Он бы знал имя каждого человека в каждой машине. Они бы работали на него по меньшей мере десять лет. Для пехотинцев Петровича охранять главу банды было бы огромной честью. Присутствие в автомобилях малоизвестных личностей — яркий признак коварного заболевания внутри *Братвы*, и поэтому действия Василия становятся мне более понятными.

Как и Александр, Василий предан *Братве*, а не Сергею. И то, что он содействует свержению главы, равносильно скорее сохранению организации, чем восстанию.

Теперь дышать мне стало немного легче. Василий — человек слова. Дейзи будет доставлена ко мне в безопасности, и для того, чтобы сделка состоялась, мне нужно убрать Сергея, скрывая причастность Василия.

Я вырубая второго солдатика. Меня не волнует, что им придётся отчитываться Василию о том, что темноволосый украинец просто взял и напал на них. Послезавтра Николай Андрюшко перестанет существовать. Я пришёл за смертью только одного человека.

Сергея.

Остаток утра проходит без сучка и без задоринки, так гладко, что я даже начинаю волноваться. Официант, подкупленный мной, подменивает сахар на соду. Сергей пьёт кофе с якобы сахаром и немедленно его выплёвывает. Но «Перье» (прим. ред.: «Perrier» — французский бренд минеральной воды класса премиум), с которого он всегда начинает свой завтрак, вступает в реакцию с содой, и на губах Сергея появляется пена.

— О, боже! У него бешенство! — кричит один из олигархов, а другие встают и медленно отходят.

— Что за болезни Вы сюда принесли? — возмущается Магвенодов и отталкивается от стола.

Сергей поднимает руки, как бы умоляя богатых олигархов.

— Никакие! — кричит он, но никто ему не верит.

На самом деле Сергей для них лишь паразит, а пена у его рта — лишнее тому доказательство. Я бы посмеялся, если бы не хотел так сильно открутить его голову.

Его охранники пытаются ему помочь, но они отделены персоналом. Я достаточно легко проскальзываю в эту суматоху и ввожу шприц с кураре обоим телохранителям и самому Сергею. Это паралитический препарат, добываемый из виноградной лозы в тропических лесах Южной Америки, который не причиняет почти никакого вреда, но в течение некоторого времени делает жертву неподвижной.

Когда Сергей обмякает, я без особых усилий вытаскиваю его из ресторана.

Сотрудники и посетители думают, что я один из его охранников, который пришёл ему на помощь. Если бы только они знали правду.

Я тащу Сергея в отель, а его тяжёлое тело становится неуправляемым и почти

парализованным. Я усаживаю его в майбах и везу в гостиницу.

Выделенный для постояльцев верхних этажей гостиницы «Метрополь» лифт весьма удобен. Доставляя свою посылку, я никого не встречаю. Сергей просыпается и ядовито смотрит в мою сторону, а я почти ликую.

— Ты выглядишь несчастным, Сергей. Это из-за того, что ты не можешь двигать конечностями, или потому, что все олигархи России думают, что ты болен собачьим бешенством?

Я даже не пытаюсь подавить смех. Моя шутка бесит его ещё сильнее. Я перетаскиваю его в коридор. Затем иду в комнату, выставляю в её центр тяжёлый стул из красного дерева и беру полиэтиленовую плёнку и клейкую ленту.

— Знаю, что ты думаешь: «Просто подожди, Николай, пока мои конечности не зашевелиятся, и я раздавлю тебя, как щенка».

Я щёлкаю перед ним языком и наблюдаю, как по его языку катится слюна. Кураре улетучивается. Я спорю с самим собой, давать ли ему ещё одну дозу, но решаю, что не стоит.

Он плюхается в кресло. Я привязываю его руки и ноги к стулу клейкой лентой, а затем пишу Дэниелу:

Дело сделано.

В ответ я немедленно получаю:

Окей.

Я сажусь на диван и демонстрирую Сергею глок, а потом начинаю чистить и разбирать его. Он немного больше, чем я хотел бы купить для Дейзи, но я помог бы его держать, если бы она захотела выстрелить в Сергея. Интересно, как долго это продлится. С пропажи водителя Петровича прошло полчаса, но я думаю, что Василий уже организовал транспорт для Дейзи. Возможно, новость о похищении Сергея уже достигла штаба. Чтобы эффективно повести банду дальше после кончины Сергея, Василий должен появиться так, будто не имеет с его смертью ничего общего.

— Почему ты не убиваешь меня? — выдавливает из себя Сергей.

Кураре уносится прочь.

— Потому что это для Дейзи.

Он слабо покашливает и наклоняет голову, чтобы сплюнуть в сторону лишнюю слюну. Плевок издает слабый звук, приземлившись на пластик.

— Она слишком слаба и никогда не сделает этого.

Его голова перекачивается на другую сторону.

— Ты меня удивляешь, Сергей. Зачем ты это сделал? Зачем так рисковать? — рассуждаю я и описываю головой полукруг, сначала в одну сторону, растягивая мышцы шеи, а затем в другую, чтобы снять напряжение.

— Рисковать? Убив Александра? — Сергей снова сплёвывает, только на этот раз слюна повисает на его нижней губе.

Он выглядит грязным, как нищий на улице.

Упоминание Александра убивает моё юмористическое отношение к Сергею. Я начинаю расхаживать по комнате, хотя не должен показывать своего волнения, но всё равно делаю

это.

— Ты знал, что Гарри был болен и пересаживал органы от наркоманов, алкоголиков и ВИЧ-инфицированных пациентов. Ты знал, что, толкая своим людям *крокодил*, убиваешь их.

Это поступки глупого человека, недостойного звания лидера.

— Вот, что они тебе наговорили? Александр думал, что бизнес *Братвы* слишком грязный для нас. Возможно, он говорил, что нам нужно отказаться от некоторых дел.

Александр показал себя слишком слабым, чтобы быть наставником *Братвы*, — Сергей пытался иронизировать, но в его состоянии это выглядело так, будто его что-то задело.

— У тебя совсем нет чувства братства, — издеваюсь я. — Александр скорее отрезал бы свой член, чем предал *Братву*. А ты убил его лишь потому, что он говорил то, чего ты слушать не хотел. А затем ты подставил под угрозу всех, кто прикасался к Дейзи.

Я нагибаюсь над ним и тычу в лицо пистолетом:

— Дейзи должна увидеть, как ты умрёшь, чтобы спокойно спать по ночам и не бояться темноты.

— А где будешь ты?

— Рядом с ней, — говорю я, думая, что буду *держат* её за руку и помогу спустить курок.

— Да ты не достаточно силён, чтобы лишить её девственности, не то, что страха.

Насмешки Сергея не могут меня задеть, я скриплю зубами от усталости слушать его и загружаю программу отслеживания.

ДЕЙЗИ

Я настороженно наблюдаю, как Дэниел въезжает на парковку перед отелем. Здесь тихо и вокруг никого нет. Я не доверяю этому человеку. Как я смогу снова доверять кому — то? Все вралли мне. Даже Ник. Честно говоря, его враньё причиняет мне больше всего боли.

После всего этого мне кажется, что я никогда его по-настоящему не знала.

Я не шевелюсь, когда машина останавливается. Затаив дыхание, я наблюдаю за тем, что будет делать этот новый мужчина. Он сказал, что работал вместе с Николаем на лидера *Братвы*, но я не знаю, могу ли доверять ему или его словам. Ник, который был для меня Ником Андерсом, теперь стал Николаем — киллером из *Братвы*.

Дэниел подходит к моей двери и открывает её для меня. Я выхожу из машины, но каждый мускул в моём теле кричит об осторожности. Он видит мою напряжённость и наклоняется со словами:

— Я отвезу тебя к Николаю, маленькая девочка. Не в твоих интересах сбегать. Тебе некуда идти.

Он прав, но это не останавливает мои мысли от поисков вариантов побега. Я не отвечаю, а просто поднимаю свои связанные запястья. Он достаёт нож, и я жду, но он всего лишь разрезает верёвки.

— Пошли, — говорит он. — Держись рядом и веди себя тихо. Мы пройдем через задний вход.

Дэниел заводит меня в лифт для персонала в гараже, а затем мы заходим в заднюю дверь. Проходя сквозь кухню и помещение, похожее на прачечную, мы сталкиваемся с

людьми в униформе, но они сознательно избегают зрительного контакта с нами. Они ведь видят моё избитое лицо и опасного человека рядом, поэтому им проще притвориться, что нас не существует. Так им, наверное, проще, и я их не виню.

Затем снова служебный лифт. Дэниел нажимает на кнопку и ждёт рядом, прикрывая меня. Я бессильно рассматриваю его куртку, выискивая пистолет. Интересно, смогу ли я его выхватить до того, как он схватит меня за запястье?

Да, и что потом?

Подражаться в холле отеля? Сказать управляющему, что меня похитили?

А... потом? Отправят ли они меня обратно в Америку или позвонят своим властям?

Что, если мужчина, от которого я хочу сбежать, и *есть* власть?

Я растеряна и загнана в угол. Я сжимаю руки в ожидании какого-нибудь знака, инстинкт подскажет мне, что делать. Лифт позвякивает, сообщая, что мы приехали.

— Пошли, — говорит Дэниел и кладёт руку мне на плечо.

Я вздрагиваю и отшатываюсь назад:

— Не прикасайся ко мне.

— Прости, — говорит он и поднимает руки вверх, показывая, что не имеет в мыслях ничего дурного. — Пошли быстрее, пока Николай не решил, что мы слишком долго, и не убил Василия.

Моё сердце леденеет от повседневности звучания и обыденности его слов. «*Пошли, пока Николай не убил Василия*». Как будто для Ника это проще простого. Для моего Ника.

Дэниел идёт на два шага позади меня, наверное, для того, чтобы контролировать мои движения, если я попробую ускользнуть. Мы проходим по коридору к номеру 786. Это последний номер на этаже, что предполагает больше приватности от соседей. Дэниел стучит в дверь один раз, затем быстро три раза и снова один.

Это мне знакомо. У нас с отцом тоже была собственная система стуков, чтобы дать знать, что пришли свои. Дверь сразу же открывается, и Ник сгребает меня в охапку. Я лишь мельком успеваю на него посмотреть. Он выглядит усталым, жёстким и даже яростным. Его руки дрожат, и он с трудом контролирует себя, а из горла вырывается какой-то животный звук. Я прижимаюсь к нему и чувствую себя в безопасности. Хотя знаю, что это звучит смешно — безопасность в руках человека, который убивает людей, чтобы жить.

Здравый смысл снова просыпается во мне, и я отталкиваюсь от Ника.

Он прижимает меня крепче и хватается руками за моё лицо. Его дикие глаза изучают мои травмы на лице — разбухший нос и разбитый рот. Его пальцы осторожно скользят по ушибам. После долгого напряжения он поднимает мою руку и внимательно её изучает. Когда его пальцы задерживаются на синяках вокруг запястья, он успокаивается, видя, что все мои пальцы на месте.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он выхватывает пистолет и направляет его в лоб Дэниелу. Все в комнате замирают.

— Николай, — предупреждающе говорит Дэниел с неизменным выражением лица. — Ты же знаешь, мы заодно.

— Ты позволил причинить ей боль, — рычит Ник. — Ты позволил прикоснуться к моей Дейзи.

— А что мы могли сделать? Защищать её перед Сергеем и Юрием? — голос Дэниела спокоен и бесстрашен, будто бы Ник не намеревается выстрелить ему в лицо. — Включи мозг, говнюк. У неё все пальцы. Её не изнасиловали. Она в порядке.

Ник тяжело дышит, и его лицо постепенно очищается от ярости. Рука с пистолетом дрожит в воздухе, и я понимаю, что он изо всех сил пытается сохранить контроль.

Дэниел кидает на меня взгляд, и я понимаю, что он ждёт, когда я что-нибудь скажу.

— Ник, ты пугаешь меня.

Мне не нужно подделывать дрожь в голосе, потому что в этот момент я в ужасе.

Мой голос прорывается сквозь его бессмысленный гнев. Пистолет опускается и возвращается в кобуру под курткой. Ник поворачивается ко мне и его руки снова обволакивают моё лицо:

— Дейзи, — стонет он и наклоняется, чтобы нежно меня поцеловать, но помня о разбитой губе. — Моя сладкая Дейзи.

На этот раз я не могу расслабиться в его руках, даже когда он притягивает меня ближе и обнимает. Все мои мысли сейчас сосредоточены на том, что этот человек — убийца. Он только что чуть не убил человека лишь потому, что думал, будто тот сделал мне больно. Он готов убить за мою разбитую губу.

За что же ещё Ник может убить?

Кажется, он чувствует, что я сжимаюсь от его объятий. Ник делает шаг назад, а его глаза с усилием изучают меня, и они полны надежды, тоски и облегчения.

— Тебе больно?

Я качаю головой. Мне не очень больно. Хотя я и в синяках, в ужасе и чувствую, что меня предали, я не пострадала.

— Где Рейган?

— Никто не знает. Мы найдем её, но позже. Сейчас есть вещи поважнее.

Его рука тянется ко мне, будто он хочет коснуться меня, но отдергивает её.

— Мне придётся прервать это сладкое маленькое воссоединение, — шутя, говорит Дэниел на совершенном английском, — но где Сергей?

— В комнате.

— Ещё живой, — говорит Дэниел, и, судя по голосу, он этим недоволен.

— Да, эта месть только для Дейзи. Я отдаю его ей, — он снова достаёт пистолет и протягивает его мне. — Это только для неё.

Дэниел бормочет разные американские ругательства. Ник посылает ему яростный взгляд.

Я смотрю на предлагаемый мне пистолет, а затем на Ника. Ника, которого, как я думала, знала.

— Ты хочешь, чтобы я убила кого-то?

— Не *кого-то*, — говорит Ник, и его акцент становится резче. Это верный признак того, что он волнуется. Он берёт мою руку и кладёт её на пистолет, удерживая своей. — Это ублюдок, который украл тебя у меня и который украл Рейган. Я даю тебе шанс отомстить, чтобы ты могла спокойно спать по ночам.

— Ник, — плачу я и пытаюсь освободить руку, но его пальцы плотно сжимают мои.

— Я не собираюсь никого *убивать*.

— Чувак, отпусти её, — тихо говорит Дэниел. — Она не такая как мы. Посмотри на неё. Ты её пугаешь.

Когда он говорит это, Ник будто впервые видит меня. Словно только сейчас понимает, что мне не нравится идея убийства Сергея и что моё нежелание делать это сильнее, чем страх похищения.

Медленно и со страхом отдаляясь от Ника, я вижу, как свет в его глазах медленно угасает, а надежда, смешанная со страхом и любовью, умирает. Теперь в его глазах остаются только печаль, грусть и тоска.

— Так, — холодно и спокойно говорит он, — Сергей рассказал тебе, кто я, *да*? И теперь ты боишься меня.

— Ты — киллер, — говорю я. — Ты убиваешь за *деньги*, — эти слова кажутся мерзкими на вкус. — Почему ты не сказал мне?

— А что я должен был тебе сказать, моя маленькая Дейзи? — в его голосе так много боли и ненависти к себе. — Что я хочу целовать тебя и заниматься с тобой любовью, но недостойн тебя? Лучше ничего не говорить. Легче просить прощения, чем разрешения.

Я трясусь головой. Это ночной кошмар. Всё это просто кошмар. Я хотела оказаться дома, проснувшись в обнимку с Ником, чтобы Рейган спала в соседней комнате и всё было по — старому, до того, как мне открылась истина.

Но этого уже не вернёшь.

Когда я узнала правду о том, кем является Ник, мне захотелось посмеяться над собой, что я не заметила его настоящего. В каждом его движении чувствуются повадки хищника. У него холодные и расчётливые глаза. Он держит пистолет так, будто родился с ним. Его тело покрыто странными и опасными татуировками. По его собственному признанию он вырос в семье «плохих» сослуживцев. Он богат и всегда платит наличными. Он арендовал жильё и автомобили, чтобы наблюдать за человеком.

И он наблюдал за мной. Он всегда появлялся в нужный момент.

Это настолько очевидно. Абсолютно очевидно, что я чувствую себя глупой.

Рука Ника быстро отстраняется, и у меня нет другого выбора кроме, как схватить пистолет.

Его глаза будто просят меня увидеть его изнутри, но мой разум и тело слишком избиты и несчастны, чтобы я это заметила, ведь Ник оказался вовсе не тем, кем я его считала.

Он касается рукой моей щеки, и я вздрагиваю. Он вздрагивает в ответ.

— Я знал, что не смогу тебя удержать, — говорит он. Его голос становится хриплым от волнения. — Такая красивая и невинная душа. Я так долго хотел быть с тобой. Хоть и знал, что это неправильно, однако меня это не волновало. Я надеюсь, что когда-нибудь ты простишь меня.

В моих глазах стоят слёзы, а я всё ещё дрожу, держа в руках пистолет.

— Сергей твой, делай с ним, что угодно, — говорит он мне. — Что бы ты ни выбрала, я пойму. Я разбираюсь в монстрах.

Ник прочищает горло и откашливается. Я вижу, как в его горле ходит кадык, и не могу заставить себя отвернуться.

— Если ты не уничтожишь монстра, который навредил тебе, он будет расти в твоих снах с новой силой, и ты никогда не сможешь чувствовать себя в безопасности. Каждый день своей жизни ты будешь выглядывать из-за угла и ждать его появления. Ты будешь приходить домой по вечерам и бояться тёмных углов своей квартиры. Такие безобидные вещи, как шкаф, станут сосредоточением страха. Я привёл Сергея для тебя, чтобы ты почувствовала тяжесть металла и скорость пули, которые станут свидетелями его смерти.

Так ты сможешь спать по ночам спокойно и не бояться выходить на улицу, — он приподнимает мой подбородок так, чтобы мы смотрели друг другу в глаза. — Посмотри мне в глаза, и ты увидишь правду, ведь я сделал это для тебя.

Его правда звенит в моих ушах. Он будто рассказал о жизни моего отца, а может быть, и о собственной. Знаю, он делает всё это для меня. Даже если я не понимаю всего, моё сердце знает, что слова Ника — правда. Если он и способен любить, то он любит меня и не хочет бояться этого.

Его руки нежно собирают в горсти моё лицо:

— Но что бы ты ни решила, котёнок, я поддержу тебя.

Из горла Дэниела вырывается протестующий звук, но Ник затыкает его гневным взглядом и тот замолкает. Ник поворачивается ко мне и молчаливо молит, глядя в глаза:

— Это твой выбор. Его жизнь в твоих руках. И я буду чтить твои желания.

— Даже если я его отпущу?

— Да, даже так.

Хотя я не хочу этого. Мне кажется, что его нужно передать в полицию, чтобы там приняли справедливое решение. Это будет умно. Хорошо, что даже сейчас я контролирую ситуацию.

Я киваю Нику, и он тепло смотрит на меня.

Я сглатываю. Мне хочется, чтобы он забрал у меня пистолет, но подозреваю, что это станет концом. Ник возьмёт его и исчезнет из моей жизни так же тихо, как и вошёл. Я не уверена, что готова к этому, и поэтому сильнее сжимаю пистолет.

НИКОЛАЙ

Трахал я всё это.

Дейзи смотрит на меня, как на крысу в московской канализации, будто я не лучше, чем Сергей. Дейзи необходима еда и отдых, а не принуждение убивать человека. Её тело дрожит, когда рука сжимается вокруг пистолета, и она выглядит как опавший листок.

Я извлекаю пистолет из её рук. Сначала она издаёт протестующий звук, но затем позволяет мне. Я осторожно отвожу её к дивану, и она ложится на него.

— Отдохни немного, Дейзи. Поговорим позже.

Из неё вырывается мягкий низкий всхлип, разрывающий меня на части. Я прикусываю щеку, чтобы загнать подальше гнев на Сергея. Я укладываю её и накрываю покрывалом. Его тепло и обволакивающий комфорт дивана позволяют ей расслабиться.

Опустившись рядом с ней на колени, я глажу её лоб и радуюсь, что она не вздрагивает от моей руки. Ведь, что бы она обо мне ни думала, я по-прежнему смогу её утешить, если она позволит мне прикоснуться. Этого достаточно. Если я буду знать, что она живёт в безопасности, для моего счастья этого будет достаточно.

— Ник, мужик, — слышу я от Дэниела, который сидит в одном из кресел. — Тебе надо научиться быть более тонким.

Жестом я призываю его к тишине, чтобы не беспокоить Дейзи.

— Я собираюсь заказать нам еды, — говорю я ей.

— Я буду стейк слабой прожарки, — Дэниел складывает свои грязные сапоги на инкрустированный золотом журнальный столик. — Так, чтобы услышать слабое «му-у», когда открою блюдо.

Дейзи передёргивает от этого заявления:

— Как грубо, — бормочет она.

Я принимаю её участие как положительный знак. Пока она охотно остаётся со мной — это хорошо. Даже если она больше не любит меня, то хотя бы не ненавидит.

— Тебе стоит уйти, Дэниел, — говорю я, листая меню обслуживания номеров.

— Не могу. Мы не закончили дело, — он кивает головой в сторону комнаты с Сергеем, хотя в этом нет необходимости. Дейзи и так знает, о чём мы говорим.

— Ты имеешь в виду Сергея? — спрашивает она.

— Да, — я снова присаживаюсь рядом с ней. — Но нам нужно топливо. Блины? Мясо? Капустный суп?

ДЕЙЗИ

Я изумлённо смотрю на него. Ник предлагает мне еду, будто мы в отпуске. Будто это нормально, заказывать еду в номер, когда в соседней комнате сидит похищенный человек, ожидая, пока я его убью.

Я не могу переварить это, поэтому поднимаю руки ко лбу и говорю:

— Ник... я...

Я не знаю, что сказать. В моей голове столько мыслей. Ник хочет, чтобы я убила человека в соседней комнате. Нашего врага. Но ведь именно это и делают плохие парни. Они убивают.

Я всегда считала себя хорошим человеком. Но, глядя на Ника, понимаю, что влюбилась в человека, которого даже с весьма развитым воображением нельзя назвать «хорошим человеком».

Он — убийца. И это ужасно, ведь я всё ещё хочу его.

Хочу свернуться калачиком в его руках, чтобы он гладил мои волосы и бормотал мне на ушко нежности на русском, как будто всё в порядке. Его прикосновения всегда могли сделать вещи вокруг лучше, чем они на самом деле были.

Становлюсь ли я хуже из-за своего желания быть с ним?

Кажется, он не понимает всей моей печали. Он по-прежнему сидит на корточках передо мной и гладит мои плечи и лицо, поглядывая на меня.

Это всё тот же Ник, как и раньше, с его собственническими прикосновениями.

И вдруг я чувствую... что просто плохо приняла это. Всё это время я жаждала убийцу.

«Нет», — поправляю я себя. Я жаждала Ника. Я знала, что его работа была не совсем правильной. Была уверена, что он компьютерный хакер, но теперь узнала, что он киллер из мафии. Разве для меня это проблема?

Проблема во мне, в моей голове.

Как ни странно, я возвращаюсь мыслями к нашему походу в кино. Это был фильм о супергероях, а я стала ругать и осуждать плохих парней.

Ник был оскорблён и даже обижен. Он пытался объяснить, что плохие парни делали лишь то, что могли. Лучшее не в самой лучшей ситуации.

Тогда я думала, что он просто спорил со мной, но, может быть, он говорил о себе.

«Я слишком быстро осуждаю людей», — понимаю я. Ник знаком мне не так хорошо, как я думала, и не могла ненавидеть его за это.

Я не могу ненавидеть Ника. Я до сих пор безнадежно влюблена в него.

В плохого парня.

Интересно, как это повлияет на меня?

НИКОЛАЙ

Дейзи так долго молчит, что я начинаю волноваться. Я ласкаю её руку и повторяю вопрос:

— Еда? Блины? Борщ?

Она раздумывает минуту, и её губ касается лёгкая улыбка, будто она старается успокоить меня:

— Я не знаю, что это такое.

— Блины — это маленькие оладушки с икрой. Борщ — суп из свеклы, — говорю я, поощряя эту улыбку.

Я бы хотел сделать хоть что-нибудь, чтобы она снова выглядела счастливой.

Она недолго обдумывает сказанное:

— Наверное, блины. Только без икры. Спасибо, Ник.

Её маленькая ручка касается меня.

Кивнув, я бездумно нагибаюсь и целую её в лоб. Она глубоко вздыхает и обнимает меня своими руками. Забыв о Дэниеле, я жадно впиваюсь в её рот. Чувство ликования переполняет меня. Сначала её губы приоткрываются слегка, но затем сквозь нас просачивается страсть, и мы целуемся так, будто не виделись несколько месяцев, а не дней.

Я обнимаю её, чувствуя тонкие плечи и побои на спине. Меня успокаивает то, что она всё ещё жива и, возможно, любит меня. Я вытаскиваю нижнюю часть её рубашки и глажу крошечный кусочек оголившейся кожи. По ней проходит ответная дрожь, но на этот раз я знаю, что она вызвана не страхом или холодом. Я сжимаю её сильнее и погружаю пальцы за пояс её штанов. Она тихо стонет, и я отвечаю ей таким же необходимым гортанным звуком.

Кашель позади меня разрывает туман охватившего меня желания. Дейзи отрывается от меня и смущённо смотрит в мою грудь. Я поворачиваюсь так, чтобы Дэниел мог увидеть меня, и посылаю ему полный ненависти взгляд:

— Убирайся.

— Не могу.

В этот момент мне хочется пойти и убить Сергея самому, чтобы Дэниел смог оставить нас одних. Вместо этого я целую Дейзи в лоб и заказываю еду в обслуживании номеров: бутылку водки, борщ, две порции блинов с икрой и два стейка.

— Дэниел, сходи и проверь нашего гостя.

Дэниел выпускает тяжёлый вздох, будто моя просьба чрезвычайно обременительна, но без лишних слов встаёт и проскальзывает в другую комнату.

— Тебе нужно что-нибудь?

Я глажу её волосы и заправляю шёлковые локоны за ушко.

— Я достану всё, что угодно.

— Нет.

Она изо всех сил старается сесть, но я нажимаю на неё, отправляя её обратно.

— Я не могу лежать здесь, когда ты стоишь на коленях рядом. Для меня это очень странно. Лучше я посижу.

Она вновь направляется в сидячее положение, и на этот раз я не протестую. Похлопав пустую подушку рядом с собой, она жестом приглашает меня сесть рядом. Я тихо сажусь, а она прижимается ко мне. Я приподнимаю её и усаживаю к себе на колени. Она устраивается, вытянув ноги вперёд и положив голову мне на плечо. Её нос зарывается в мою шею, и мои кости пронзает разряд радости.

— Мне очень стыдно за то, что я не рассказал тебе о себе раньше.

В горле пересыхает, пока я жду её ответа. Она выдыхает, и вместе с этим я чувствую, как расслабляется её тело.

— Не самое лучшее время в твоей жизни, да?

— Верно.

Я так благодарен, что она принимает мои попытки всё ей объяснить.

— Когда мне было пятнадцать, Александр послал меня во Флоренцию, чтобы позаботиться о кураторе небольшого частного музея. Ему было около пятидесяти и его окружали молодые мальчики. Сначала я не хотел выполнять эту работу. Он подбирал мальчиков с улицы, давал им кров, еду и одежду. Я проигнорировал задание Александра и начал наблюдать за ним. Я рискнул встретиться с одним из мальчиков, доставлявшим картину. Вблизи я увидел, что он всего боялся. Он удирает по улице, не глядя никому в глаза, и убежал от меня, когда пытался подойти я.

Дейзи выпускает слабый стон, и я понимаю, что сжимаю её слишком сильно.

— Прости, — бормочу я и ослабляю хватку.

— Ничего страшного. Продолжай, — подталкивает она.

— Так я продолжал наблюдать и увидел, что этот куратор принимал мальчиков с улицы и заставлял их делать друг с другом страшные вещи. Делать и смотреть друг на друга, — я делаю паузу, чтобы голос не подвёл меня. — Ты понимаешь, Дейзи?

— Да, — задыхается она.

Дейзи полна сострадания. И на мгновение я задумываюсь: может быть, я не должен делиться с ней этой историей? Но мне важно, чтобы она поняла.

— Наконец, спустя две недели мне удалось поговорить с одним мальчиком. Я сказал ему, что позабочусь об их кураторе. Но мальчик ответил, что этот монстр всегда будет жить с ним. Я решил, что этот мальчик у них вроде лидера, и сказал, что помогу ему убить монстра. Я сделал это. Результат был грязным, — признался я. — И из-за этого Александр выгнал меня из *Братвы*. Моя верность была запятнана чувствами к ещё кому-то. Он был прав, что заставил меня уйти. И я сделал бы это снова, если бы у меня был шанс. И, Дейзи, я думаю, что твой отец заперся в своей тюрьме потому, что монстр, который забрал твою мать, всё ещё живёт с ним. Я не хочу такого для тебя.

Мы оба замолкаем. Персонал из обслуживания номеров доставляет заказ и уходит.

Дэниел выходит из соседней комнаты, и мы молча едим.

Не знаю, о чём думает Дейзи, но она так спокойна после истории, которую я ей рассказал.

Поев, она идёт в ванную комнату, и я долгое время слышу журчание воды.

— Оставь её одну, чувак, — советует Дэниел, когда я в пятый или пятнадцатый раз подхожу к запертой двери ванной.

Когда Дейзи появляется из комнаты в белом халате, я предлагаю ей одежду, что принес

для неё. Мягкие джинсы, майку и кашемировый свитер. Она берёт их и снова исчезает в ванной, а затем возвращается полностью одетой, но с мокрыми волосами.

Я предлагаю ей рюмку с водкой, но она отказывается.

— Я хочу посидеть на балконе немного.

Я беру одеяло и иду за ней, но не успеваю и порог переступить, как она кладёт руку мне на грудь:

— Я хочу побыть наедине с самой собой, хорошо?

Должно быть, на моём лице отражается беспокойство, потому что она проводит рукой по моей щеке. Я поворачиваю голову и целую её ладонь.

— Да, — говорю я.

— Я буду ждать тебя. Всегда.

Она кивает и закрывает дверь, разделяя нас. Я прижимаюсь лбом к стеклу, до тех пор, пока Дэниел не оттаскивает меня от неё.

ДЕЙЗИ

Несколько минут спустя я возвращаюсь с балкона в номер.

— Могу я... Могу я поговорить с Сергеем?

Я хочу выяснить, куда он дел Рейган.

— Он твой, — резким тоном говорит Ник.

Он указывает на полуприкрытую дверь спальни и отходит в сторону.

Я бросаю взгляд на дверь, а затем снова на Ника, но он не смотрит на меня. Он просто сканирует комнату из соображений безопасности, что позволяет ему не смотреть на меня. Я знаю, что он хочет прижать меня к себе, это видно по его сильно сжатым кулакам, но он даёт мне свободу действий, зная, что мне это необходимо.

Он слишком хорошо меня знает.

Сглотнув, я толкаю дверь и вхожу в спальню. Это роскошная комната с огромным зеркалом, двуспальной кроватью и изящной старой мебелью. Сергей сидит на свободном месте, приклеенный к пластиковому стулу.

Когда он видит меня и пистолет в моей руке, то начинает смеяться:

— Что, — кричит он, — они отправили маленький цветочек завершить дело?

Дрожа, я делаю шаг вперёд. Даже сидящий на стуле с беспомощным взглядом, этот человек вселяет в меня страх. Этот Сергей — злой. Я чувствую, как его злоба просачивается сквозь поры в воздух, которым я дышу.

Я оглядываюсь и вижу, как к двери подходит Дэниел. Он закрывает её и встаёт рядом на страже. Он здесь для того, чтобы убедиться, что Сергей не причинит мне вреда, его присутствие обнадеживает. На мгновение я думаю, что было бы лучше, если бы на его месте был Ник, но ему нужно время, чтобы справиться со своей внутренней борьбой о том, кто он есть.

Я хочу Ника, но меня смущает тот факт, что он ещё и натренированный убийца.

Можно ли разделить его сущности? И будет ли Ник тем, кем он является?

Я медленно подхожу к кровати. С другой её стороны расположен деревянный стол со стулом. Я осторожно кладу пистолет на столик и сажусь на стул. Сергей поскрипывает

скотчем, по-прежнему приклеенный к стулу.

— Где Рейган? — спрашиваю я.

Мой голос очень спокоен. Ник научил меня, что можно звучать бесстрашно даже с дрожью внутри.

Губы Сергея вытягиваются в тонкую уродливую гримасу. Я замечаю подтёки высохшей слюны вокруг его рта.

— Маленькая блондиночка? Ты никогда её больше не увидишь.

— Где она?

Я несу за неё ответственность. Мне нужно знать, где Рейган.

— Даже если бы я знал, *сучка*, я бы никогда тебе не рассказал, — говорит Сергей со снисходительной улыбкой. — Скорее всего, её продали в какой-нибудь бордель на чёрном рынке. Её будут использовать, пока она здорова, а затем продадут на органы. Она умрёт медленной и ужасной смертью, проклиная твоё имя каждый час. Как ты себя чувствуешь, зная это?

Я понимаю, что он просто пытается разозлить меня, но его слова ранят. Я вздрагиваю.

Будто бы чувствуя мою боль, Сергей продолжает, кивая на пистолет:

— То есть он послал тебя сюда, чтобы покончить со мной, да?

— Я не собираюсь убивать тебя, — спокойно говорю я ему. — Я не играю в игры со смертью. Просто хочу узнать, где моя подруга.

— Ты не убьёшь меня, да? — он снова смеётся, будто в этом есть что-то забавное. — Бедный Николай. Одинокий, выброшенный бандой и подобранный невинной девушкой, которая выбила из него того, кем он является на самом деле. Он притащил меня к тебе и вручил тебе пистолет, будто паршивый кот, принёсший убитого грызуна хозяину за поощрение. Он не понимает твоего отвращения к нему за ту работу, что он делает, — на его уродливую улыбку так неприятно смотреть. — Но ведь ты не такая как он, да, маленький цветочек? Мысль об убийстве такого, как я, отталкивает тебя. Даже если бы Николай сделал это без колебаний.

Я ничего не отвечаю. Он прав во всём. Мне любопытно, что ещё он скажет, если я продолжу молчать. Ник использовал ту же технику, как я сейчас поняла. Если он не знает, что сказать, то просто ждёт. Так что я продолжаю молча сидеть и смотреть на Сергея.

— Твой любовник не может порвать с *Братвой*, да? Вот Дэниел, — кивает он на дверь, — он бы без раздумий перерезал мне глотку. Но Николай — романтик. Он отчаянно убедителен, *да*? Должен ли я рассказать тебе историю о Николае?

Я жду.

— Александр не знал, что делать с ним, когда тот был маленьким мальчиком. Он говорил, что у него есть парнишка, которого тренирует на *убийцу*. Хороший, но слишком мягкий. Я спросил, в чём он мягкий? Что не так? И он рассказал мне про этого мальчика. В возрасте двенадцати-тринадцати лет мальчики экспериментируют со *шлюхами*, но одарённый Николай прошёл то же самое в девять лет.

Я моргаю, не выдавая ему какой-либо реакции.

— А знаешь, что рассказывали мне эти шлюхи? Николай всегда выбирал самую старую, ту, которой было за пятьдесят, со старым мешком вместо влагалища. Все задавались вопросом — что же делал девятилетний мальчик с такой женщиной? За ним стали наблюдать. И знаешь, что он делал с этой старой шлюхой, маленький цветочек?

— Нет. Что?

— Он держал её, пока спал, — говорит он с усмешкой в голосе. — А она пела ему перед сном и готовила еду. Он платил старой шлюхе так, будто она — лучшая на земле. Он привязался к ней. Я сказал Александру, что есть способ это остановить.

С каждым его словом на меня накатывает всё большее чувство тошноты. Я представляю, как одинокий, девятилетний Ник, такой отчаявшийся и изголодавшийся по вниманию, должен платить проститутке, чтобы та играла его мать.

— И тогда мы послали его в бордель с заданием — убить шлюху, в противном случае его выгонят из *Братвы*. Он должен был выбрать свою семью. И знаешь, что он выбрал?

— Он позволил ей жить? — говорю я с надеждой, хотя сомневаюсь, что это правда.

— *Нет*, — говорит Сергей. — Она была старой, больной и задолжала *Братве* много денег. Николай нанёс удар, как мы его и обучали. Он существо, которое создали мы, — он снова тонко улыбается. — Без недостатков. И в тот раз он не плакал, этот Николай. Этот человек, которого ты любишь. Он убивает, потому что в этом и есть его жизнь.

Я думаю, что Сергей не прав. Николай убивает потому, что для него это ничего не значит.

Это всего лишь способ достижения цели. Всего лишь то, чему он хорошо обучен. Думаю, было бы хуже, если бы убийства наоборот что-то значили для него.

— Вижу, тебе не нравится моя история, — говорит Сергей.

Он двигается в кресле, отчего я вздрагиваю и инстинктивно подаюсь назад. Это снова заставляет его рассмеяться.

— Почему ты рассказал мне эту историю?

— Потому что мне доставит огромное удовольствие видеть правду в твоих глазах, когда ты будешь смотреть на Николая. Когда ты осознаешь, что он кусок дерьма, созданный *Братвой*. Он никогда не станет нормальным человеком, маленький цветочек. Он знает только то, чему его обучили мы.

Ему не следовало говорить мне это.

Сергей не понимает, но эти слова играют против него. Ника создали так же, как и меня создал мой отец. С изменённым сознанием, немного больная на голову и так же нуждающаяся в любви.

Это неизменно. Я всё ещё вижу ту тоску в глазах Ника, когда он смотрит на меня.

Он действительно всё тот же человек. Просто теперь я знаю правду. Для меня нет секрета и тайны в том, кто он и что он. Это почти благословение.

Ник — тот, кого из него сделали они.

Я — та, кого из меня сделал мой отец.

Я смотрю на Сергея.

— Так скажи мне, — спрашиваю я с любопытством, но спокойно. — Что произойдёт, если я не выстрелю в тебя?

Он смеётся, и на его лицо возвращается глумливая гримаса:

— Маленький цветочек, как ты думаешь, что произойдёт?

Я размышляю:

— Я могла бы сдать тебя в полицию, — но раздумываю ещё и добавляю: — Хотя у тебя достаточно связей для того, чтобы выбраться оттуда. Я права?

Он пожимает плечами, но по блеску в его глазах я вижу, что угадала.

Нет, полиция не остановит этого жирного человека. У него слишком много связей.

— И если ты выберешься, то придёшь за Ником, не так ли? Ты же не позволишь ему

жить, пока дышишь сам. Либо ты, либо он, верно?

Лишь произнеся это, я поняла, что права. Вот откуда в глазах Ника печаль. Он позволил мне выбирать, потому что не верит, что заслуживает жизни. Как и Сергей, он считает себя лишь бесполезным инструментом, предназначенным только для убийств. Он не верит, что достоин любви. И если я отпущу Сергея, то Ник пропадёт. Он уйдёт в подполье и будет ждать, пока кто-нибудь его не убьёт. Он уйдёт в подполье, как мой отец.

Эта мысль поражает меня. Я смотрю на Сергея в кресле, продолжающего ухмыляться, несмотря на связанное тело и беспомощность.

Если я отпущу этого человека, то обреку Ника на ту же самую жизнь, которой жил мой отец, с чувством постоянного страха за плечами. Это будет тюрьма, созданная моими же собственными руками.

Ник никогда не будет свободен.

Я долго думаю и молчаливо смотрю на жёсткое, уродливое и самодовольное лицо Сергея. На его толстые и густые брови.

Ник тот, кто он есть, потому что прошёл собственный путь. Он рос в семье убийц, таких же одиноких, как и он. Он не желал быть таким же. Но ему известна только такая жизнь, он не мог жить иначе. Я понимаю это. Так же, как и его, меня создавали с самого рождения. И меня тоже обучили стрелять из пистолета в случае необходимости.

Я смотрю на оружие, лежащее на столе. Сергей прослеживает мой взгляд и начинает смеяться:

— Такая храбрая, — издевается он. — Николай мог бы тобой гордиться.

Я игнорирую его. Это американский пистолет, глок, не русский, и поэтому мне известно, как его использовать. Я достаю магазин, проверяя патроны. Полный. Основанием ладони толкаю его обратно, будто снова нахожусь в подвале своего дома. Снимаю предохранитель. Мне понадобится только одна пуля.

— Ох, в этом месте я должен дрожать от страха и умолять о пощаде, *да?* — издевательски спрашивает Сергей.

Очевидно, он и не думает, что я это сделаю.

— Ты не будешь умолять о своей жизни, — говорю я спокойно. — Потому что не считаешь, что попал в беду. Не думаешь, что я смогу это сделать. Думаешь, я сдам тебя полиции. Что ж, в таком случае всего несколько звонков — и ты спокойно выйдешь оттуда уже к вечеру.

Я вспоминаю дырявую американскую правовую систему. Насколько легко и быстро любой убийца может выйти, если знает, за какие ниточки дёргать. Мне знакомо это слишком близко. В моей памяти сохранилось то, какой беспомощной я чувствовала себя в тот раз.

Но теперь я не такая.

Сергей ничего не говорит. Он просто иронично смотрит на меня насмешливым взглядом.

Я осторожно приставляю пистолет к голове Сергея и снимаю предохранитель. А затем очень спокойно нажимаю на спусковой крючок.

Я не позволю этому человеку разрушить наши жизни.

Убивая его, я выбираю Ника. Я вижу его тёмную сторону и принимаю её. Я люблю Ника за то, кем он является, а не чем.

Звук выстрела звучит слишком громко в этой комнате, и я закрываю глаза при виде

скривившегося лица Сергея с красным запёкшимся отверстием во лбу.

Я слышу крик из-за двери, и из проёма вываливается Дэниел, будто его кто-то толкнул. Через секунду в комнату протискивается Ник, отталкивая Дэниела в сторону. Он смотрит на убитого в кресле Сергея, а затем его взгляд перемещается ко мне, стоящей с пистолетом в руке. В его глазах не гордость, а вопрос.

Он и вправду не думал, что я это сделаю.

Как и Сергей.

И я начинаю плакать. Сильные, громкие рыдания вырываются из моего горла. Я бросаю пистолет на стол и иду к Нику. Его руки обнимают меня, и я прижимаюсь щекой к его груди.

— Дейзи, — бормочет он. — Любовь моя, ты не должна была.

Знаю, но я сделала это. Я выбрала жизнь без страха и свободу для Ника и для себя. Я думала об аналогии Сергея. *«Он притащил меня к тебе и вручил тебе пистолет, будто паршивый кот, принёсший убитого грызуна хозяину за поощрение».*

Если Ник — кот, ищущий одобрения, то я — побитая собака, которая кусает руку, прежде чем её могут ударить. Но я не буду снова жить в страхе. Не буду. Я не буду создавать такое будущее Нику. Я слишком сильно его люблю.

И тут до меня доходит, что он всё ещё думает, будто я ненавижу его, даже когда он так спокойно гладит мою спину, успокаивая мой плач. Я заставляю его посмотреть в мои глаза.

— Я люблю тебя, Николай, — говорю я ему.

Николай, не Ник.

Мой Николай.

В его одиноких и грустных глазах застывает вопрос:

— Дейзи, ты же знаешь правду. Я — убийца.

— Ты мой, Николай, — мягко говорю я ему. — И то, что ты делаешь, не определяет того, кем ты являешься. Прошное травмировало нас обоих.

На мгновение его глаза становятся подозрительно влажными, а затем он прижимает меня к груди так крепко, что мне становится трудно дышать.

И я больше никогда не хочу покидать эти объятия.

Я не видел Василия до самого отъезда. Он дал нам неделю, чтобы подлечить ушибы Дейзи. Они все поверхностные, но очень болезненные. Мы с Дэниелом отнесли тело Сергея к машине. Он позаботится о нём.

— Свинья, — сказал он.

Но мне было всё равно.

Сейчас всё моё внимание полностью сосредоточено на Дейзи. Она плачет каждую ночь. Я обнимаю её, пока она цепляется за меня. Прежде чем Дэниел уехал, Дейзи взяла с него слово, что тот найдёт Рейган. В её ночных кошмарах страх за себя был перемешан со страхом за Рейган.

— Твоё имя — Дейзи Миллер. Это же персонаж из известной истории, да? — спрашиваю я однажды ночью, когда она не может уснуть.

Не знаю, пришло ли время спрашивать о том, что она пережила в руках банды или убив её главу. Я боюсь спрашивать.

— Нет, — я чувствую мягкое покачивание её головы на своей груди. Я влил в неё немного водки. Это помогает ей уснуть несколько последних ночей. — Я никогда не слышала об этом раньше.

— Да, Генри Джеймс написал о цветке, росшем вне общества, но, тем не менее, прекрасном.

Я решаю не говорить ей, что в той истории Дейзи Миллер с каждым невыносимым флиртовала и на всех смотрела свысока. И все вокруг её высмеивали.

— Там был печальный конец.

— Здорово, — бормочет она. — Меня назвали в честь девушки, которая умерла?

— Да, твои родители знали об этом?

Я глажу её по спине и подношу рюмку с водкой к её губам. Она глотает и прижимается ближе.

— Не думаю, что мои родители когда-нибудь слышали о Генри Джеймсе. Мама говорила, что меня назвали в честь диких ромашек, которые росли на нашей ферме.

— Это идеальное имя.

Хотел бы я ей показать, как сильно люблю её, но её тело всё ещё в ссадинах и болит.

Позже у нас ещё будет время для любви, для нас двоих.

После нашего недельного отдыха Дэниел проводит нас в аэропорт Внуково. Там нас с Дейзи ждёт чартерный рейс в Швейцарию. Скоро здесь наступит зима. Я одел Дейзи в шубу.

А сам ношу только рубашки и джинсы, позаимствованные у Дэниела. Всё, что мы с Дейзи привезли в Россию, останется здесь.

— Я получил наводку по Рейган, — говорит Дэниел Дейзи. Слезы появляются на её глазах при упоминании этого имени.

— Спасибо, — задыхается она.

Дейзи почти бежит вверх по трапу, а я остаиваюсь, чтобы в последний раз оглянуться. Россия — огромная и таинственная земля. На севере есть такие участки, которые

некогда исследовало всего несколько людей. Зимой — это суровое и неумолимое место, но каждую весну появляется листва. И люди там такие же, как и сама земля.

Моё сердце немного болит от мыслей, что, возможно, это мой последний шаг на русской земле. И на Украине. Я глубоко дышу, желая вобрать в себя и сохранить этот воздух, как частичку той земли, из которой я сделан.

— Ты будешь скучать по этому месту, да? — говорит Дэниел, дрожа в своём густом меховом пальто. Да, ему прохладно. Он из другой климатической зоны. Я в своей рубашке не чувствую ничего, кроме свежего воздуха. Чем холоднее ветер, тем он чище.

— Ты видишь суровые пейзажи и гектары снега, а для меня это тёплое снежное покрывало, покрывающее землю, пока та бережёт семена цветов, которые позже воскреснут.

Мы люди устойчивые к выживанию.

По движению его тяжелой куртки я понимаю, что Дэниел пожимает плечами:

— Тогда ты знаешь, на какие жертвы идёшь, и знаешь, чего стоит твоё сокровище.

Я киваю. Оставить небольшую часть себя в России ради Дейзи не такая уж и большая жертва. Она — воплощение духа моей родины, красивая, сильная и мощная.

— Я в долгу перед тобой. Позови меня прежде, чем ситуация выйдет за пределы моих способностей.

Моя фраза построена так, что Дэниел не может мне отказать. Он печально кивает в знак согласия.

— Разберёмся. Думаю, скоро я тебе позвоню.

Дэниел подталкивает меня вверх по лестнице. На этот раз уже и я бегу в самолёт.

Оказавшись внутри, сажусь рядом с Дейзи. Самолёт небольшой, но роскошный. Здесь нет никого, кроме меня, Дейзи и пилота. Никто не увидит, как мы улетаем. Я не спрашивал, кто пилот, потому что мне плевать.

— Почему ты не сможешь вернуться сюда? — спрашивает Дейзи, касаясь моей руки.

— Интересы Петровича хорошо защищаются здесь, в Восточной Европе. Его щупальца простираются очень далеко. Я обменял убийство Сергея на то, чтобы выйти из бизнеса и не вернуться.

Дейзи издаёт сдавленный звук, но я спешу её успокоить:

— *Нет*, не плачь, котёнок. Теперь ты мой дом.

* * *

Перелёт в Цюрих проходит очень быстро. Всё это время я не могу думать ни о чём, кроме обнажённой Дейзи в постели. Я переживаю и вынужден напоминать себе, что мы оба живы. Её аромат заполняет мой нос, а мысли о ней, раздетой и в разных позах, невыносимо мучают меня.

Мне трудно подняться с кресла, когда мы приземляемся. Я закрываю глаза и на мгновение думаю о Сергее, обглоданном свиньями. Дэниел пообещал мне, что оставит тело на свиноферме, где его съедят животные. Этого достаточно, чтобы убить мою эрекцию.

Я едва замечаю пышное убранство отеля *Wang Au Lac*, но Дейзи разглядывает хрустальные люстры и мраморные полы с изумлением.

— Тебе нравится?

Она кивает, а потом добавляет:

— Я не собираюсь к этому привыкать.

— Мне тоже нравится, — признаю я. — Это значит, что я буду окружать тебя таким каждый день.

— Но я *могу* привыкнуть к этому.

— И хорошо, моя Дейзи, — я страстно целую её в вестибюле этого степенного отеля.

Она краснеет, когда я отрываюсь от неё. Мне приходится прятаться за ней, чтобы не шокировать несколько человек своей эрекцией. Когда мы оказываемся внутри гостиничного номера, я обнимаю Дейзи.

Она глубоко вздыхает:

— Ник, я хочу, чтобы ты любил меня.

— Я люблю, — говорю я и сжимаю её крепче.

— Нет, я имею в виду физически.

Сначала я не понимаю о чём она говорит, но её щёки начинают краснеть, пока она смотрит на меня. Внезапно до меня доходит смысл её слов, и мой член снова мгновенно твердеет.

— Да, да, Дейзи.

Я мягко целую её виски и лоб, боясь отступить и надеясь, что она серьёзно.

Она покусывает губу и краснеет ещё сильнее:

— Почему-то я чувствую себя очень неловко после всего этого.

— Не надо.

Я веду её в спальню. Пышный интерьер этого отеля кажется идеальным местом.

Отсюда открывается вид на парк с озером и Шанценграбенский канал, но нас не интересуют эти декорации.

— Мы оставим всё это в прошлом.

Я сажусь на кровать и начинаю раздеваться. Я хочу открыться ей и показать своё несовершенно тело. Пуговицы на рубашке становятся слишком маленькими. Я расстёгиваю две и спешно стаскиваю рубашку. Затем снимаю брюки, носки и трусы. Мой член торчит и жаждет её. Я сжимаю его, чтобы вернуть себе контроль, и слышу её довольный вздох.

— Хочешь его, котёнок?

Когда она смотрит на моё обнажённое тело, её глаза блестят, а лицо краснеет.

Меня переполняет такое облегчение, что мне хочется упасть, а не лечь. Но вместо этого я удерживаю свои колени и завожу руки за голову.

— В России тело человека рассказывает о его грехах и победах.

Я напряжён. Ведь, несмотря на то, что она знает, кто я, она не знает, что я делал. А я собираюсь рассказать ей всё, как есть, чтобы двигаться дальше, не оглядываясь назад.

И я начинаю рассказывать ей о татуировках, покрывающих моё тело:

— Звёзды на коленях означают, что я не преклонюсь ни перед одним правительством.

Отметины на костяшках показывают, что я убивал. Кинжал на шее — убивал за деньги. Знак на плече показывает уровень моего положения в банде. Все эти отметки показывают людям, что я не тот, с кем стоит связываться, — я делаю паузу, закрываю глаза и молюсь о силе. — Если бы я мог, я бы пришёл к тебе безупречным.

— А надпись на груди? — мягким голосом говорит она, не шевелясь.

— Смерть — милосердие.

Я всё ещё боюсь открыть глаза. Я чувствую на себе её взгляд, что ещё больше удлинняет

мой член. Я не могу реагировать на неё по-другому, да и не хочу. Мне нужно, чтобы она знала, что я желаю её всегда.

Секунды бегут одна за другой. Что, если я сделал ошибку и неправильно понял её?

Что, если моё истинное я отпугнет её от меня? Как Александра. Долгие годы я был один.

Даже не знаю, что буду делать, если Дейзи отвергнет меня.

Когда Дейзи встаёт, я слышу шорох египетского хлопка. Она приближается ко мне, и я чувствую тепло её тела. Её рука проводит по моей правой груди и соску, а я не могу остановить дрожь.

Её пальцы проводят дорожку под моей рукой к спине, где виднеется голова волка.

— А это? — спрашивает она, обдавая мою кожу теплом своего дыхания.

— Я — *вор*, волк, хищник, — хрипло отвечаю я.

Эти лёгкие прикосновения излучают больше эротики, чем голая женщина, танцующая передо мной. Или две обнажённые женщины, вытворяющие друг с другом непристойности.

Её пальцы скользят по мне, заинтересовывая. Что же она со мной делает? Я едва могу сглотнуть. А затем чувствую прикосновение её губ где-то посередине спины.

— О, Ник, — говорит она прямо передо мной. — Мой Николай. Я люблю тебя. И количество татуировок, как и количество плохих вещей, сделанных тобой в прошлом, не имеют для меня никакого значения. Я только начинаю понимать твою жизнь, но я хочу провести остаток своей в обучении с тобой.

Её слова пронзают меня насквозь, будто нож. Я поворачиваюсь и захватываю её в объятия. Мой рот настигает её прежде, чем она успевает сказать хоть слово или вздохнуть. Я пожираю её рот, будто это лучший деликатес на земле. Мой язык проникает вглубь мокрой пещерки.

Я подхватываю её под ноги и возвращаю нас обратно на постель. Матрас радостно обнимает нас. Ядвигаюсь от рта Дейзи вниз к подбородку, где нахожу её бешено бьющий пульс. Я кусаю её шею, и её бёдра поднимаются, нажимая на меня.

Я просовываю своё бедро между её ног, и она начинает скользить по нему. Её влажность настолько очевидна. Я спускаюсь ниже языком по её ключице.

Её руки хватают мою голову, и она неистово трётся об меня. Я чувствую, как слабею перед ней. Мне необходимо оказаться внутри неё, неважно как, языком или членом. Я немного отстраняюсь от неё и слышу в ответ:

— Нет, Ник.

— Ш-ш-ш, котёнок. Дай мне тебе помочь.

Её руки снова возвращаются к моей голове, когда она облегчённо кивает, тяжело дыша.

— Я позабочусь о тебе. Сейчас я подарю тебе облегчение, а когда ты будешь готова, намного больше.

Я весело улыбаюсь ей:

— То, которое ты никогда не забудешь.

— Правда?

Она качает головой, и её рот радостно дёргается.

— Ты собираешься болтать об этом всю ночь, или уже сделаешь хоть что-нибудь?

Моя Дейзи. Такая бесстрашная и такая непосредственная в своём голоде. Интересно, что же я такого сделал, что Боги так улыбаются мне.

— О, я сделаю что-нибудь, — уверяю я её. — Но сначала мы избавимся от твоей

одежды.

— На мне нет никаких отметин, — говорит она, глядя на меня сквозь кружевной щит своих ресниц.

Этот взгляд может поставить на колени любого мужчину. Хорошо, что я уже лежу рядом с ней, а не то бы упал к её ногам.

— Я оставлю их, — обещаю я.

Шёлковая рубашка, которую я купил в аэропорту, слабо сопротивляется, когда я разрываю её к низу.

Дейзи задыхается, а затем смеётся от моего рвения:

— Ник! Это была моя единственная рубашка, — говорит она, хватая разорванный шёлк.

Я скольжу рукой по её груди. Её соски твёрдо стоят, готовые к моему рту. Я игнорирую её комментарии об одежде и кусаю её за сосок сквозь ткань. Мой котёнок любит задор, поэтому её акция протеста стихает, а руки бросают рубашку, чтобы вновь заскользить по моим плечам. Прикосновение её пальцев к моей коже отправляет меня в рай.

Я сжимаю одну грудь и легонько ущипываю её за сосок, пока мой рот скользит по другому через кружево лифчика. Свободной рукой я нащупываю застёжку. Вскоре её бюстгальтер снят, а перед моим взглядом предстаёт красивейшая обнажённая грудь, умоляя меня прикоснуться. Я покрываю её холмики влажными поцелуями, а затем посасываю сосок её правой груди.

Дейзи стонет от удовольствия, беспокойно двигая ногами.

— У тебя невероятно красивая грудь, котёнок. Я бы мог провести весь день между этими холмами, — я хватаю её грудь и горячо целую. — Я бы облизывал и посасывал их, пока бы ты тёрлась о моё бедро.

— Боже, Ник, пожалуйста, — стонет она.

— Пожалуйста, что? — дразню я её.

— Мне больно, — говорит она.

— Это причиняет тебе боль?

Я мягко целую её левую грудь.

— Нет, но ты не заполняешь меня. Я чувствую пустоту *гораздо* ниже.

Её слова подобны солнцу, взошедшему надо мной.

— Как красиво ты сформулировала просьбу, — говорю я. — Как же я могу не пососать твою киску, когда ты так хорошо просишь?

Она слегка ударяет меня ладонью:

— Ник, это не то, что я сказала.

Я качаю головой и улыбаюсь. Никогда не думал, что секс может быть таким.

Радостным и игривым, но по-прежнему эротическим.

— Значит, я читаю между строк?

Как я и предполагал, она смеётся, но её хихиканье быстро обрывается, когда я продвигаюсь к её промежности. Я снимаю с неё юбку, которую мы купили, и нахожу под ней крошечные стринги. Они едва прикрывают её сексуальный курган. Я оттягиваю их в сторону, чтобы посмотреть на влажность её губок между бёдер.

— Ты так аппетитно выглядишь, котёнок. Не могу дождаться, чтобы попробовать.

Я поворачиваю свои пальцы и рву её стринги.

— Если ты будешь уничтожать всю мою одежду, мы останемся на мели, — говорит Дейзи, но по движению её бёдер я вижу, что её мало заботит обрывок этой ткани.

— М-м-м, — всё, что она говорит.

И вскоре я тоже лишаюсь дара речи, начиная вылизывать её нектар. Широкой поверхностью языка я провожу по её губкам сверху вниз, и томно бью языком, будто кот, пьющий молоко.

Её клитор выступает вперёд, как бы умоляя, чтобы я его пососал. И я размещаю свой рот над ним, сжимая в это время руками её грудь. Её бёдра захватывают мою голову в ловушку, а руки неистово теребят мои волосы.

Я не остаиваюсь.

Я сосу, лижу и покусываю, пока её стоны не превращаются в крики. Наконец, она освобождённо вздрагивает от моего языка.

Я опускаю палец в её мягкие опухшие ткани, касаясь её невинности. Гладкой и плотной.

Она инстинктивно сжимает бёдра.

— Нет, — молит она. — Не надо. Подожди. Это слишком для одного раза, Ник.

— Нет, котёнок, мы только начали.

И я начинаю снова. Скольжу одним пальцем внутрь и неглубоко трахаю её самым кончиком. Её промежность освобождает мне путь, и я скольжу дальше, наблюдая за её реакцией на боль, минимизируя её.

Её тело поблёскивает, покрытое потом, и я хочу облизать каждый его дюйм. Её лицо — это сосредоточение концентрированной эротики. Её нижняя губа зажата в зубах. Я добавляю второй палец, чтобы усилить её оргазм. Её дырочка ужесточает контроль над моими пальцами, и я просовываю третий. Хотя три пальца всё равно не сравнятся по объёму с моим членом, я стараюсь сделать всё для неё как можно более безболезненным.

Большим пальцем я работаю над её клитором. Мои пальцы двигаются в установленном ритме. Её груди подпрыгивают, и я не могу сопротивляться их призыву. Я склоняю голову и начинаю сосать сначала одну, потом другую, по-прежнему орудуя пальцами.

Её тело напрягается, а бёдра сжимают мою руку. После чего она расслабляется, снова и снова выкрикивая моё имя. Это самый лучший звук, который я когда-либо слышал.

Я продолжаю гладить её во время оргазма, и чувствую, как мышцы её киски снова напрягаются в ещё одном облегчении. Теперь она дрожит и плачет.

— Боже мой, боже мой, — шепчет она, мотая головой из стороны в сторону. Я медленно достаю из неё пальцы, нажимая на губы её влагища. Её потряхивает ещё несколько спазмов, пока я целую её лицо, слизывая слёзы. Когда толчки её оргазма прекращаются, она перекачивается ко мне, и я крепко её обнимаю.

— Что это было? — спрашивает она в изумлении. Я давлюсь от смеха.

— У тебя был оргазм, — говорю я.

— Но он уже был у меня раньше, разве нет?

Он так восхитителен в своём недоумении, что я мог бы смеяться над этим минут пять, если бы мой член не болел так сильно от желания оказаться в ней. Поэтому из-за боли в паху я обхожусь слабой усмешкой.

— Да, но они могут варьироваться по интенсивности, — я натягиваю на неё одеяло и встаю, чтобы принести для неё мокрую мочалку. — А я всегда сделаю для тебя всё в лучшем виде, — самодовольно говорю я из ванной.

— Это правда? — она всё ещё ошеломлена, и моя грудь гордо раздувается от того, как же хорошо я заставил свою женщину кончить. Я отжимаю полотенце и прикладываю его к

запястью, чтобы проверить температуру. Не слишком горячее.

— Что ты делаешь? — она смотрит на меня с любопытством.

— Забочусь о своей киске, — говорю я ей, после чего ложусь рядом с ней и прикладываю полотенце между её ножек.

— Это нормально, да? — в её голосе чувствуется неопределённость. — Мне кажется, будто я ничего не знаю.

— Да, — уверяю я её.

Я тяну простынь так, чтобы выставить её прекрасное тело на обозрение. Дейзи накрывает застенчивость, и она старается прикрыть лобок и грудь. Вместо того чтобы убирать её руки и объяснять, что она не должна стесняться меня, я переворачиваю её на живот, обнажая прекрасную спину и ягодицы. Я выдавливаю немного отельного лосьона в руки и начинаю втирать его в её тело. Её мышцы тугие, возможно оттого, что она не чувствует себя свободной в своей наготе.

Длинными движениями я успокаиваю её мышцы и нервы, растирая и нажимая в разных местах. Её лопатки искривлены, маленький бицепс выпирает чуть ниже спины. Она становится мягче и расслабляется, тогда я начинаю изучать её эрогенные зоны. Провожу пальцами по её бокам, груди и ягодицам. Проходя по внутренней поверхности бедра, я позволяю кончикам моих пальцев слегка коснуться её влагища. Она беспокойно ёрзает на простынях, но пока её возбуждение — лишь маленькое пламя, а я хочу, чтобы оно стало ревушим огнём. Я хочу увидеть, как влага разукрасит её бедра, и услышать её сдавленные вздохи. Я хочу, чтобы этот первый раз запомнился ей как восхитительное удовольствие, а не боль.

Центр внимания моего массажа спускается вниз, где я сосредотачиваюсь на чувствительных и нежных щиколотках и ступнях. Она особенно чувствительна к прикосновениям вокруг спины, к коленям и внутренней поверхности бёдер. Все части её тела я растираю пальцами, исследую языком и ртом, избегая самых очевидных эрогенных зон. Дейзи стонет, то ли от восторга, то ли от раздражения, а может, и от того, и от другого.

— Ты убиваешь меня, — говорит она и замирает, понимая, что сказала. Слово «убивать» вызывает у неё плохие воспоминания. Я хмурюсь ей в спину, но ложусь рядом и обхватываю её руками.

— В этом мире есть плохие люди, и иногда их нужно удалять, чтобы они не распространяли свой вред на других.

Она вздрагивает, и я обнимаю её крепче.

— Это когда-нибудь пройдёт? — спрашивает она.

— И да, и нет. Сильное чувство вины исчезнет, но ты никогда не забудешь этот момент, — я раздумываю над тем, что ещё сказать, но у меня нет никакого опыта в утешении тех, кого я люблю. У меня нет опыта в любви к кому-то. — Думаю, когда-нибудь ты обретёшь мир в душе, но это нормально, что ты не чувствуешь покоя сейчас.

— Я знаю, что не должна чувствовать себя виноватой. Не должна. Ведь он продал Рейган, и только Бог знает, куда. Он хотел причинить мне вред и убить меня. Я не должна чувствовать себя виноватой, но это всё равно гложет меня.

Я слышу сдавленные рыдания. Она поворачивает голову, утыкается мне в шею и тихо плачет. Её слёзы слово иглой укалывают мою кожу.

— Ш-ш-ш, котёнок, — шепчу я снова и снова, обнимая её.

Слёзы стихают. В конце концов, Дейзи выпутывается из моих рук и ложится на спину.

— Прости, — говорит она, не в силах посмотреть мне в глаза.

— Тебе не за что извиняться.

Я поворачиваюсь так, чтобы видеть её. Необходимость прикоснуться к ней перебивает всё остальное. Я тянусь к ней и кладу голову ей на плечо. Мы лежим в тишине некоторое время, пока нас не затягивает сон.

Просыпаясь, я чувствую прикосновения мягкой руки между ног и нежных губ на шее.

На мгновение я думаю, что всё это мне снится, но открываю глаза и вижу хрупкую руку на мне. Дейзи.

Её пальцы разжимаются и движутся назад, но я останавливаю это движение. Вместо этого я сжимаю её руку и показываю, как двигаться на моём уже твёрдом члене.

— Тебе нравится грубее, чем я думала, — говорит она.

«Ты и понятия не имеешь, котёнок», — думаю я. Но тихо говорю ей:

— Да, крепче, и немного сильнее.

И мы вместе начинаем гладить меня. Я притягиваю её рот к своему, и мы начинаем хищно целоваться, широко открыв рты. Мой оргазм вырывается длинными прозрачными струями, смазывая наши ласки. Я издаю низкий и громкий стон, когда она тянет сильнее.

— Да, именно так, — задыхаюсь я, ещё долгое время не в состоянии что-либо сказать.

Я вытираю руку отброшенным полотенцем.

— Ты всё ещё твердый, — замечает она.

Мой член дёргается в подтверждении.

— Да, — говорю я. — И так будет, пока я не окажусь внутри тебя.

В её голубых глазах зажигается огонёк страсти.

— Тогда войди в меня, — приглашает она меня, и я буквально чуть ли не кончаю от такого приглашения.

Это всё, чего я ждал.

— У меня трясутся руки, — и я поднимаю ладони, чтобы показать ей свой лёгкий тремор. — Ты помогла мне кончить, так что теперь я смогу достаточно себя контролировать, чтобы доставить тебе удовольствие.

Она изумлённо качает головой:

— Ник, ты не должен так сильно стараться.

— Должен, — я обхватываю её голову руками. — Ты должна пристрелить меня, если я перестану стараться. Никаких стараний не будет достаточно для тебя. Доставлять тебе удовольствие — это величайшая привилегия в мире.

По выражению её лица можно сказать, что она не верит мне. Но это чистая правда.

Я припадаю к ней губами и целую, пока у неё не заканчивается дыхание. Я снова начинаю изучать её тело, и в этот раз отмечаю, что её правая грудь более чувствительная, чем левая. Я мну её грудь руками и сжимаю кончики сосков. Когда-нибудь их будет сосать наш ребёнок.

Расстояние между нами сокращается, и я собираю смазку с её влагилица, намазывая ей свой член. В этот раз мои пальцы легко скользят внутри неё, наш прошлый раз подготовил её для меня. Её ткани так тесно обнимают, что я прикусываю губу, чтобы не кончить.

Её руки исследуют мои плечи и зарываются в мои волосы. Такие нежные и любящие прикосновения. Их никогда не будет много. Я приподнимаюсь на локте и целую её снова и снова, лаская её всю пальцами. Ладонью я касаюсь её лобковой кости, и она кричит от удовольствия.

— Я должен попробовать тебя снова.

Я толкаю её, и размещаюсь между её ног, как будто она деликатес, а я самый голодный мужчина. Когда она кончает, я выпиваю весь её сок.

Пока она вздрагивает от оргазма, я достаю с тумбочки презерватив и открываю его. Я зачехляю себя и трусь головкой о её чувствительные ткани. Она смотрит на меня огромными глазами, дрожит и хватается за простыни. Я слегка нажимаю для продвижения вперёд, она очень плотная, ведь я уже разрабатывал её сегодня.

— Когда-нибудь, очень скоро, я возьму тебя без всяких преград, да?

Она кивает:

— Скоро я начну принимать таблетки.

— Или, может, мы сделаем ребёночка? — я глажу её животик. — Когда-нибудь?

Она задыхается от шока, её глаза блестят:

— Когда-нибудь.

Я не могу больше себя сдерживать. Такое тесное сцепление её киски с кончиком моего члена — самая изысканная мука. Я медленно толкаюсь вперёд и чувствую, как её ткани уступают мне дорогу. Глазами я сканирую её лицо на присутствие каких-либо признаков боли, чтобы остановиться, но ни одного не замечаю. Наконец, я вхожу в неё полностью, и этого уже так много. Я хочу остаться в ней навсегда.

— Я не хочу выходить из тебя, котёнок. Никогда.

— Тогда не выходи, — её руки порхают по моей спине, будто рисуя. — Мы можем заниматься любовью в этом прекрасном отеле, пока не умрём.

— Это отличный конец, — соглашаюсь я.

В конце концов, инстинкты берут верх, и я начинаю двигаться. Первое движение моего члена в ней вызывает гортанный стон у нас обоих. Это самое великолепное чувство. Я снова вхожу в неё.

В этом мире сейчас существуем только я и она. Я приподнимаю её до практически вертикального положения, и её маленький клитор трётся о мой пах. Одной рукой, плотно связанной с её волосами, я придерживаю её голову, чтобы страстно поцеловать. Другой рукой сжимаю её ягодицы, приподнимая вверх и снова опуская вниз. Снова и снова мы давим друг на друга, пока она не начинает дрожать вокруг меня. Я ощущаю сокращения её влагалища вокруг своего члена и слушаю её крики прямо мне в лицо. Когда её немного отпускает, я продолжаю двигаться, пока сам не достигаю облегчения, изливаясь в барьер между нами.

Очень нежно я укладываю её на подушку, чтобы она отдохнула. Пряди волос скрывают её лицо, и я убираю их. Она слишком устала, чтобы выдать нечто большее, чем слабую улыбку. А я чувствую себя так, будто только что залез на высокую гору. За эту улыбку я мог бы пробежать хоть тысячу миль. Быстро избавившись от презерватива, я возвращаюсь в постель, вытягиваю из-под неё одеяло и поворачиваю её ослабленное тело к себе.

Она что-то бормочет, а затем проваливается в сон. Я разглядываю потолок и благодарю всех богов, давая клятву беречь её и делать счастливой до тех пор, пока дышу.

— Что мы будем делать сегодня?

— Во-первых, мы отправимся в район Парадеплац, где ты получишь свой банковский счёт, — я прикладываю палец к её губам. — Не спорь. Мы это сделаем.

— Я с тобой вовсе не из-за твоих денег.

Рот Дейзи так искривляется, что я не могу удержаться от поцелуя. Я глажу языком её губы, пока она не приоткрывает ротик, увлекая нас на несколько минут.

— А потом мы пойдём в Банхофштрассе, где ты выберешь мне всю одежду, начиная от трусов, которую я буду носить до конца своих дней. А я помогу тебе выбрать шелка и кружева, которые будут скрывать твои тайные места, когда мои губы и руки не смогут.

Дейзи краснеет и качает головой, но она улыбается:

— Надеюсь, у тебя много денег, потому что я точно знаю, как их потратить.

Я откидываюсь на мягкие подушки.

— Я не знаю точно, сколько у меня денег, но думаю, достаточно, чтобы прикупить нам несколько вещей.

Позже, сидя на балконе в отеле, я люблюсь рекой и потягиваю кофе, когда сюда, словно шторм, влетает Дейзи, размахивая банковской книжкой:

— Ты когда-нибудь заглядывал сюда?

Я пожимаю плечами:

— Да, но какое это имеет значение? Долгое время я не покупал ничего, кроме еды или необходимого оружия, не заботясь о количестве.

Дейзи закрывает глаза, будто теряя терпение:

— Там же миллионы. Мы не сможем потратить все эти деньги, даже если будем каждый день затариваться в Банхофштрассе.

— Ну, тогда нам не о чем беспокоиться.

Отсутствие у меня беспокойства, в свою очередь, очень беспокоит Дейзи. Так, что я забираю книжку из её рук и кладу на стол:

— Я не хочу волноваться о том, что у меня есть, пока у меня есть ты, *котёнок*. Я буду счастлив жить хоть в коробке, пока ты будешь в этой коробке со мной.

Я притягиваю её к себе на колени.

Она переделалась в шёлковый длинный наряд, что мы купили в одном из магазинов с золотыми буквами, которыми засорён торговый проспект. В некоторых из этих магазинов не было ценников, что помогло мне покупать одежду для Дейзи без лишних споров. Я обходился лишь лёгким скольжением кредитной карты, незаметным для Дейзи. Это намного всё упрощало.

Я сижу, касаясь ртом своей любимой части её шеи, где бьётся пульс. Живое свидетельство её страсти. Посасывая её, я чувствую, как трепещет и ускоряется её сердцебиение. Подозреваю, если я сейчас просуну свою руку ей под юбку, то её нежные розовые шёлковые трусики окажутся влажными.

— И всё равно, я думаю, что должна пойти на работу, когда мы вернёмся, и нам обоим нужно научиться обращаться с деньгами, — говорит Дейзи, но по её сердцебиению я понимаю, что она не ругается. Она отклоняет голову так, что я получаю более широкий доступ к её шее.

— Тебе больно, котёнок?

Хотя я взял её только один раз, кончила она несколько. Мой смелый вопрос заставляет её заёрзать на моих коленях, на что предсказуемо отвечает мой член.

— Нет, не очень, — произносит она, немного задыхаясь.

Сдаётся мне, что недавно проснувшееся тело Дейзи так же голодно, как и моё. Мои пальцы скользят вверх по её бедру, оголяя ножки. Возбуждение между ними так очевидно.

Она накрывает мои пальцы, надавливая ими на барьер в виде тонкой ткани на её клиторе. Я отвожу материал в сторону и слегка тру её. Она стонет, и я тяну её за подбородок, чтобы поцеловать. Мои пальцы нажимают на её всё ещё тугой проход, когда я трахаю её рот своим языком, пока она не начинает хныкать мне в рот.

— Давай посмотрим, как там дела в ванной? — предлагаю я, поднимая её на руки.

— В ванной?

Она немного разочарована.

— Да, я хочу трахнуть тебя в ванной под струёй горячей воды.

Я не оставляю ей времени на протест, крепко целую, и направляюсь в ванную комнату.

Мы не выходим оттуда, пока наша кожа не сморщивается, а в отеле не заканчивается горячая вода.

Вернувшись в штаты, мы отправляемся в мою квартиру. Пустую и одинокую, с пылью по углам и испорченной едой в холодильнике. Без Рейган всё не так. Я до сих пор не знаю, где она и что с ней случилось. Меня пугает случившееся с моей подругой, я вижу это в кошмарах, не дающих мне спать по ночам.

Нас не было шесть недель. И мы до сих пор ничего не слышали о Рейган. «Дэниел справится с этим», — говорит Ник. Мы должны верить, что он вернёт Рейган в безопасное место. Нам остаётся лишь запастись терпением. Под дверь просунуто несколько просроченных уведомлений, в том числе и о выселении. «Прекрасно». И хотя это уже не имеет никакого значения, вид этой бумажки расстраивает меня. Что бы я ни делала, на жизнь Рейган это влияет не самым лучшим образом.

Ник спускается вниз, чтобы попросить ключи у домовладельца.

Возвращается он с самим домовладельцем, ворчащим о кокетливых девушках и безответственных арендаторах. А Ник тем временем стоит, стиснув зубы, и теряет терпение.

Наконец, домовладелец позволяет нам войти. Внутри повсюду разбросан мусор, будто в квартире побывал наркоман, искавший какие-то ценности.

На кровати я нахожу телефон Рейган. Всё ещё сломанный. Мне придётся зарядить его, чтобы обзвонить людей. Её парня. Бэкку. Её родителей. Все эти плохие новости вызывают у меня слёзы, но сейчас я должна быть сильной.

Ник не оставляет меня ни на секунду. Он растирает мне спину и помогает собирать вещи.

Собрав всё, что нам нужно, мы выплачиваем хозяину квартиры двухмесячную ренту и дополнительно за месяц вперёд, как он сказал, за доставленные неудобства. После этого мы отправляемся в питомник, где Ник оставил собаку мистера Брауна. У меня никогда не было собаки. Но я понимаю, что он, как и Ник, остался сиротой. Эти двое должны быть вместе.

Кроме того, это может помочь моему отцу.

Ник обещал, что Дэниел найдёт Рейган, но что может один человек, против целой сети *Братвы*. Я могу никогда больше не увидеть подругу и не услышать, как она в своей весёлой манере подшучивает надо мной, называя меня Поллианной.

Упаковав свои вещи, я собираю и её. Они будут храниться у меня до её возвращения.

Ник уверяет, что она вернётся, ведь Дэниел эксперт в своём деле. Мне остаётся только верить и ждать. Поэтому я упаковываю всё.

Ведь я собираюсь домой.

Я понимаю, что всё случившееся со мной в Москве, сделало меня другой. Я всё ещё чувствую ту радость от бесконечных солнечных людей. То удовольствие от прогулки по улице за руку с Ником, и то наслаждение от такой простой вещи, как совместный обед.

Но я потеряла свою прежнюю невинность. Маленькая часть меня сломалась. И если Ник — это тьма со светом внутри, то я — свет с тёмной сердцевиной. И это делает нас столь совершенно подходящими друг другу.

Ник отнёс телефон Рейган в сотовый магазин, и теперь у нас есть доступ к её

контактам. Разговор с родителями мучителен. У меня нет ответов на все их вопросы. А парня Рейган, кажется, это совсем не интересует, он даже не заходил в квартиру. Несколько дней уходит на то, чтобы освободить это место от наших вещей. Я специально делаю всё медленно, отчасти потому, что надеюсь, что со дня на день вернётся Рейган, а отчасти потому, что наслаждаюсь спокойным времяпрепровождением с Ником.

Мой милый, разбитый Ник.

Несмотря на то, что я знаю правду о нём, он убеждён, что рано или поздно я каким-то образом достигну критической точки и отвернусь от него. По ночам он обнимает меня, и мы много разговариваем. Я рассказываю ему о своём детстве, грустных воспоминаниях, связанных с отцом, а он мне о своих мишенях. Для меня это всегда парад ужасных людей: продавцы органов, наркоманы, главы мошенников. Ни одного невинного. Он рассказывает истории о своих татуировках и их значении, будто их вид может прогнать меня.

Но я без комментариев выслушиваю его истории и целую каждую татуировку, когда мы занимаемся любовью. Пройдёт много времени, прежде чем Ник поймёт, что достоин моей любви. Но я терпелива. Как возможно не любить человека, который смотрит на меня с таким обожанием в глазах? Который молится на моё тело и душу? Который относится ко мне, будто я самое ценное, к чему он когда-либо прикасался? Который не верит, что имеет право дышать со мной одним воздухом?

С каждым днём я люблю Ника всё больше и больше. Я не беспокоюсь о его прошлом.

Вместе мы построим наше будущее, общее будущее.

* * *

Он согласен вернуться со мной домой. Произошедшее в Москве на многое открыло мне глаза, не только обо мне, но и о моём отце. Теперь я знаю, что не стоило допускать такую ситуацию. Я не должна была сбегать из-под контроля отца, но установить свой собственный. Его бессознательный контроль был рождён страхом, и я позволила ему управлять мной. Теперь же я отказываюсь жить в страхе. Я хочу вернуться к отцу и поддержать его, помочь вернуться в реальный мир.

И у меня есть обещание Ника быть рядом со мной на каждом шагу этого пути.

Мы берём в аренду седан, в который упаковываем несколько моих вещей и вещи Рейган. У Ника всего одна сумка с одеждой. Мне грустно видеть, что у моего несчастного убийцы нет личных вещей, за исключением оружия, которое он тщательно прячет в машине.

С момента смерти Сергея прошло уже несколько недель. Дэниел обещал стереть нас из всех сетевых баз данных, чтобы Ник был свободен в перемещении без неожиданных атак.

Он никому больше не позволит меня похитить.

Мне нравится его покровительственная защита, а я не хочу, чтобы меня снова похищали.

Когда мы подъезжаем к ферме моего отца, она предстаёт перед нами одинокой и заброшенной, как никогда. Краска на досках облуплена, трава во дворе выросла по колено, но окна по-прежнему заколочены листьями из древесины.

Подъезжая, Ник недоверчиво смотрит на меня:

— Ты жила в этом месте, Дейзи?

Я киваю. Это место вызывает у меня комки в горле. Для меня это больше похоже на

тюрьму. Это место слишком печальное. И одинокое. Я хочу всё исправить, ведь теперь я не одинока, на моей стороне Ник и его любовь в сердце.

Припарковав автомобиль, Ник обходит его и открывает мне дверь. Я притворяюсь, будто не замечаю пистолета под его курткой, потому что Нику удобнее всё контролировать.

И это как раз то, что мой отец сможет понять. Ник помогает мне выйти из машины, и мы подходим к двери, сцепив пальцы и держась за руки. Я стучу условным сигналом, чтобы дать отцу знать, что это я.

Спустя несколько мгновений слышится грохот всех шести замков. Дверь открывается, но в темноте нет никого, чтобы нас поприветствовать. Так мой отец всегда открывает двери: прячась за ней на случай, если там нарушитель.

Это заставляет Ника насторожиться, и его рука тянется к пистолету в пиджаке, но я успокаиваю его, похлопывая по руке, и делаю шаг вперёд:

— Отец?

— Дейзи?

Это голос моего отца. Он звучит постаревшим и уставшим. Мы заходим внутрь, и Ник захлопывает дверь. Как только мы оказываемся внутри, зажигается свет.

— Ты пришла домой, — говорит отец, выходя вперёд. В его голосе звучат слёзы.

Я обнимаю его, удивлённая этим близким контактом. Мой отец так долго не прикасался ко мне, по крайней мере, с любовью. Его обычно аккуратный вид сменила растрёпанность, а в гостиной царит полный беспорядок. Отец будто стал разваливаться на части с тех пор, как я ушла. Я чувствую себя виноватой и посылаю Нику несчастный взгляд через плечо.

— Да, но я не останусь, — говорю я ему. У меня нет желания снова жить под этой крышей. — Это Ник. Мы приехали вместе. Вниз по дороге сдаётся дом, и мы переезжаем туда.

А ещё мы собираемся пожениться и завести детей, как я предполагаю, потому что мне тоже нравится держать всё под контролем. Хотя я пока ещё не рассказала о своих планах Нику. Он всё ещё думает, что не достоин их. Я дам ему время понять, что никуда не денусь.

Отец плачет, а я глажу его по спине, бормоча какие-то слова. Теперь я понимаю его, как никогда до этого. Я говорю, что не оставлю его, и мы сможем начать всё сначала.

Сейчас я знаю о себе достаточно, чтобы взять всё под контроль. Всё, чего я хочу.

Рядом с Ником я могу быть сильной и достаточно бесстрашной за себя и за своего отца. И когда мой отец совладеет со своим сокрушительным террором, мы все, втроём, начнём двигаться дальше. Я хочу пойти в колледж. И хочу, чтобы Ник тоже пошёл и больше не думал, что ничего не стоит. Мой Ник любит искусство, ведь он так часто вспоминает того куратора музея. Я хочу, чтобы он пошёл на художественные курсы. Они ему точно понравятся.

Это новое начало для нас всех.

Я думаю обо всём этом. А ещё думаю о Рейган, с которой говорила об этом всего несколько недель назад. *«Ох, Рейган, — думаю я. — Прости меня. Я молюсь, чтобы Дэниел поскорее тебя нашёл».*

— Не говори со мной об этом мужчине.

Мы с Дейзи арендовали небольшой домик ниже по дороге от дома её отца. Мы осели здесь, но у меня есть обязательства вне этого места. Дейзи хочет, чтобы я просто забыл, но я человек слова.

— Почему, Ник?

— Это то, что я делаю. Убиваю людей за деньги. Помнишь? Ты сказала: «Ник, я понимаю. Ничего из того, что ты сделал, не заставит меня разлюбить тебя». Это было ложью, да?

Мой худший кошмар — что ужасы той ночи в России начнут исчезать, а отвращение Дейзи возрастет и она уйдет от меня. Возможно, это проверка для нас обоих.

— Нет! Нет, я говорила правду. И да, Ник. В мире есть люди, которых стоило бы убить. Те, что похитили Рейган и меня. Или, может, тот бухгалтер, за которым ты следил. Я не знаю, но знаешь ли ты? Это съедает тебя изнутри, Николай. Я вижу. Как долго ты будешь играть роль судьи, присяжных и палача, прежде чем полностью потеряешь меня?

Она знает, что, называя меня *Николаем*, режет на живую. Я отворачиваюсь и продолжаю собирать сумку. В этот раз маскировка мне не понадобится. Хирурга можно убрать издалека на пути домой. Я вычислил оптимальное расстояние, изучив ветер и местность по спутниковым снимкам. Снайперский выстрел — идеальный выбор. Немногие ожидают такого в машине по дороге домой.

— Тогда я уже потерял.

Я должен устоять против её грусти. Мне заплатили за эту работу, и я должен её закончить.

— Ты ошибаешься, Николай, — её лицо обращено ко мне, а взгляд серьёзный и доверчивый. — Я безоговорочно люблю тебя. Ты можешь поехать в Сиэтл и убить этого врача. Вероятно, это необходимо. И ты можешь вернуться ко мне, потому что я *никогда* не перестану любить тебя. Мне просто интересно, когда ты начнёшь любить себя.

Я беру сумку и в тишине иду к выходу. Положив руку на ручку, я спрашиваю:

— Ты будешь... — слова застревают. Я прочищаю горло и делаю ещё одну попытку:

— Ты ещё будешь здесь, когда я вернусь?

Я боюсь посмотреть на неё, боюсь увидеть прощание на её лице. Но прежде, чем я успеваю выйти, она бросается мне на шею и целует в щеку.

— Я буду здесь, любовь моя. И тебе лучше вернуться ко мне.

Я готов. Полностью. Сумка падает из моих рук, и я поворачиваюсь, чтобы прижать её поближе к сердцу.

— Я вернусь к тебе таким же человеком, — обещаю я.

Она целует меня с таким рвением, что на месте наших ртов должны остаться синяки.

Я приветствую эту боль, жестокость и страсть. Я хочу вырезать сердце из груди и подарить его ей. *«Возьми меня, люби меня».*

— Да, Николай, да, — отвечает она. Я даже не понял, что сказал это вслух. На глазах проступает влага, и я заставляю себя оторваться.

На то, чтобы добраться до места, уходит два дня, ведь мне нужна винтовка, а я не мог лететь. В Сиэтле холодно, дождливо и влажно. Я останавливаюсь в отеле на окраине города, оплатив наличными. Заставляю себя уснуть, а утром всё подготовить.

Разбираю оружие и чищу. Прочищаю дуло и проверяю пули. Собираю оружие и осторожно ложу в сумку. Я расправляю грудь. *«Нести смерть — это милосердие»*, — говорю

я себе.

Я надеваю рубашку с длинными рукавами, джинсы, чёрные носки и влезая в чёрные сапоги. План прокручивается в моей голове снова и снова. В три часа дня мистер Блу выйдет из больницы и поедет на юг к Рейнер Бич. Через двадцать минут он попадёт в зону поражения. И у меня будет тридцать секунд, чтобы спустить курок.

Утро проходит так, как и планировалось. GPS-трекер — тот самый, который я поместил в свою машину два месяца назад, ещё до того, как Дейзи похитили и моя жизнь бесповоротно изменилась, — сейчас начинает мигать. Я отслеживаю по телефону длину маршрута до места назначения. Затем натягиваю на себя маску из голливудского набора, создающую иллюзию, будто я немного лысею. Просто мера предосторожности. Никто и не сможет увидеть меня, но кто знает.

Я размещаюсь в заброшенном доме и начинаю ждать. У меня в голове идёт обратный отсчёт.

Десять.

Девять.

Восемь.

Палец на курок.

Четыре.

Вдох.

Два.

Голова хирурга дёргается назад, а кровь и мозги окрашивают сиденье позади него. Я убираю палец со спускового крючка и прислушиваюсь. Вокруг меня раздаются едва заметные шумы, будто мышка пробежала. *Дэниел.* Я опускаю ружьё и бегу вверх по лестнице, но к тому времени, как я туда добираюсь, никого уже нет. Только кусочек белой бумаги, лежащий у окна.

Я нашёл её.

P.S. Расценивай это, как ранний подарок на свадьбу, подозрительный улюдок.

Я сворачиваю записку, засовываю её в карман и возвращаюсь вниз. Подняв ружьё, я целую его. *Дейзи.*

Моя Дейзи.

Я хочу быть лучше. Для неё.

Покинув здание, я направляюсь прочь из Сиэтла, назад к Дейзи.

* * *

Она ни о чём не спрашивает меня, когда я ложусь к ней в постель. Только начинает страстно меня целовать и стонать, когда я принимаюсь вылизывать её между ног, пока она не кончает. Её пальцы с тяжестью впиваются в мою спину, пока я часами двигаюсь между её ног. Её трусики, насквозь мокрые от желания, отброшены в сторону, а мои яйца в бешеном темпе бьются о её ягодицы. Я тяну её голову назад, чтобы одновременно трахать её рот

языком.

На следующее утро, завтракая, она смотрит на меня тяжёлым и осторожным взглядом.

— Нам нужно установить ванну, — говорит она.

Я мгновенно соглашаюсь. Тело Дейзи расслабляется в воде, в желании. Я тут же твердою, вспоминая время, которое мы провели в ванной комнате отеля в Цюрихе.

Я ищу в интернете ванны:

— Эти неплохие, — говорю я, указывая на модели с несколькими струями.

— Это не ванны, — говорит Дейзи, теребя мои волосы, будто я невинный ребёнок. —

Это джакузи.

— Мы поставим обе, — решаю я.

— Хорошо, — говорит она, хихикая без всяких ссор о цене. Я в восторге, но это подозрительно.

— Почему ты не спрашиваешь меня о Сиэтле, маленький котёнок?

— Потому что люблю тебя, Ник, — честно отвечает она.

Она как Мадонна, сладкая и загадочная. Её любовь ко мне безусловна, и я не могу больше позволять ей думать обо мне плохо. Я должен позволить ей любить меня, так же, как люблю её сам.

— Не я убил его, — признаюсь я и достаю записку, оставленную Дэниелом. — Дэниэл закончил работу. И оставил это.

— Ох, Ник, — она прижимает к груди записку. — Теперь она в безопасности?

— Да, — говорю я ей, хотя не очень уверен. Она тает от меня. Её руки порхают по моей груди, лаская и поглаживая.

— Я завязал с убийствами, Дейзи. Теперь я весь для тебя.

Её глаза блестят, а лицо светится:

— А что ты будешь делать?

Я пожимаю плечами:

— Не знаю. Может, пойдём в колледж вместе? Научимся чему-то новому.

Это правильные слова, судя по её восхищенному лицу:

— Мне бы хотелось этого.

— Но сначала найдем кучу ванн и потрахаемся там.

Она хихикает:

— Сотни ванн.

Мой пах стягивает.

Мы немного улучшили дом, но думаю, нам обоим известно, что это временно. Дейзи стремится вернуться в город и поступить в колледж. Хотя отец тянет её назад. Не специально, но она волнуется. Её отец не пережил того же ужаса, что и Дейзи с Сергеем. И хотя я обещал ей больше не убивать, ради счастья и свободы её семьи я совершу одно последнее убийство.

Поиски молодого парня, убившего мать Дейзи, отнимают не так уж много времени. Я хочу обсудить это с Дейзи, потому что не смогу ей снова солгать.

— Твой отец, Дейзи, — говорю я одним зимним вечером, сидя перед камином, и беру её руки в свои. Приятный запах горящего дерева наполняет наш семейный домик и подгоняет меня быстрее начать этот разговор, чтобы скорее снять с неё одежду, и заняться с ней любовью в свете костра.

Она морщится при упоминании отца. Она надеялась, что его восстановление пойдёт

быстрее.

— Что с ним?

— Его разум мучается из-за потери твоей матери, его неспособности защитить её и боязни убийцы. Я понимаю, что это.

Она опускает взгляд на наши сцепленные руки:

— Думаю, я знаю, что ты собираешься сказать, Ник. И, возможно, ты прав. Но я не смогу сделать это снова. Не смогу...

Её голос затихает. А я целую её в лоб.

— Знаю. Предоставишь это мне, *да*? — я целую её в обе щеки.

— *Да*, — выдыхает она по-русски. Мне нравится, когда она говорит по-русски для меня, даже если это всего одно слово.

— Давай больше не будем говорить об этом, — говорю я. — Я хочу, чтобы твой рот занялся другими делами.

— Какими? Едой? — дразнит она меня. — Нет, *Ник*. Может, *позже*.

— А если прямо *сейчас*?

— Это мне нравится.

И я продолжаю любить её прямо здесь.

На следующее утро я покидаю её прежде, чем она просыпается. Я всё ещё могу спать несколько часов в сутки. Моё тело не нуждается в большем. Её отец не пойдёт добровольно, и я подготавливаю шприц с кураре, чтобы засунуть его в автомобиль и взять с собой. Я рад, что Дейзи спит и не может видеть, как я даю наркотики её беспомощному отцу. Хотя это для его же блага, ей было бы тяжело смотреть на это.

— Отец Миллер, — объясняюсь я с ним, усаживая в седан, что я снял специально для этого случая. — Я отвезу тебя к человеку, который убил твою женщину. Тебе страшно, но, когда ты увидишь его смерть, к тебе придёт мир. Это милосердие. Обещаю.

Его глаза утрачивают часть животного страха, но он всё ещё не уверен. Не знаю, так ли он силён, как Дейзи.

Дорога в Миннеаполис коротка, и мы сидим некоторое время в машине, пока действие кураре не заканчивается.

— Он там? — отец Миллер жестом указывает в сторону трёхэтажного дома.

— Да, он живёт в подвале, ворует деньги и тратит их на наркотики. Иногда сам проворачивает делишки, но чаще это его используют. Когда мы войдём внутрь, ты не должен ни к чему прикасаться. Там побывал немало больных людей.

Только звук тяжёлого дыхания отца наполняет машину в течение нескольких минут.

Боюсь, у него случится сердечный приступ или инсульт. Тогда всё это будет напрасно. Как бы я смог тогда вернуться домой к Дейзи? Я наблюдал за отцом в течение месяца и говорил с ним. Он с жаром говорил о мести за жену. Но у него никогда не было средств.

Его руки дрожат, когда он касается ручки двери. Теперь я понимаю, откуда у Дейзи взялись силы. Я становлюсь свидетелем нечеловеческих усилий, когда её отец выходит из машины, это ведь его первый шаг на открытом воздухе за многие годы. Наверное, надо было взять Дейзи, чтобы она просто смогла увидеть это.

Выйдя из машины, мы медленно, но уверенно отправляемся внутрь. По грязным ступенькам до зелёной двери с облупившейся краской. Замок легко отключается.

— Для безопасности, — говорю я отцу, доставая из кобуры пистолет.

Я делаю шаг назад, а затем открываю дверь. Никакой опасности. Наш парень ещё не

проснулся.

Я проверяю гостиную, кухню, гардеробную и ванную комнату, прежде чем оказаться перед закрытой дверью в конце коридора. Наверное, это спальня. Приложив палец к губам, я жестом прошу отца уйти с линии огня. Он отходит, по-прежнему дрожа, но его мужество достойно восхищения.

Я открываю дверь в спальню и кричу в качестве предупреждения:

— Мистер Блэк, вам посылка.

— Нет здесь никакого чёртового Блэка, — бормочет голос внутри.

— Мы не уйдём, пока вы не выйдете, — кричу я.

— Я же говорил, деньги будут только в субботу.

Мистер Блэк должно быть думает, что мы — дилеры. Я готов терпеливо ждать, пока мистер Блэк выйдет, не отец — нет. Он выхватывает из моей руки пистолет и направляется в комнату.

Я слышу визг и, зайдя в комнату, вижу, как мистер Блэк прижимается к стене, обнимая руками свою шею:

— Кто ты, чёрт тебя дерит? — и вдруг на его лице отражается понимание: — Ты — тот старый мужик, чью жену я убил в четырнадцать. Тупая сука не хотела отдавать мне кошелёк.

Это были его последние слова.

Отец поднимает руку и разряжает в тело мистера Блэка весь магазин. Его палец продолжает рефлекторно нажимать на курок. Щелчки возведения курка остаются единственным звуком в комнате.

Я подхожу и вытягиваю пистолет из его рук.

— Всё кончено, отец. Пойдём.

Миллер поворачивается ко мне, его глаза красные от слёз:

— Я убил бы его ещё миллион раз.

Его голос срывается, а тело опадает на моё. Печаль и боль в его голосе разрывают меня. Я отказываюсь представлять то безумие, что пришлось бы мне испытать, потеряй я вдруг Дейзи.

Я хлопаю его по плечу, хотя и не умею утешать людей:

— Теперь ты можешь быть свободным.

— Спасибо, Ник, — говорит он мне и содрогается в рыданиях.

Приложив немного усилий, я возвращаю нас с отцом в машину и отвожу домой. Он бы хотел побыть в одиночестве какое-то время.

Когда я возвращаюсь, Дейзи задаёт мне только один вопрос:

— Всё кончено?

Я киваю, и мы больше никогда не возвращаемся к этой теме.

* * *

Весной мы находим квартиру в городе. Отец Дейзи понемногу поправляется. Иногда он сидит на крыльце, а иногда даже гуляет по периметру участка. Я установил систему безопасности для него и Дейзи, надеюсь, когда-нибудь он сможет выйти отсюда. А Дейзи чувствует себя комфортно в своей новой жизни.

Я нашёл продающееся здание и организовал его покупку. Об этом я расскажу Дейзи позже. Мы можем перебраться туда уже в конце следующей недели. Дейзи не терпит переехать, и мы отправляемся в мебельный магазин, чтобы выбрать предметы интерьера для нашего дома. Наш дом. Я могу без конца это повторять, ведь до Дейзи у меня никогда не было дома.

— Дейзи, мне нравится этот стул. Нам стоит купить его домой.

— Дейзи, когда придем домой, сделаешь те картофельные оладьи?

И по ночам:

— Дейзи, стены нашего дома достаточно толстые. Ты можешь кричать так громко, как тебе хочется.

Через неделю мы получаем наши ключи, и Дейзи вручает мне два брелка. На одном висят ключи от моего Дукати, а на другом от нашего дома. Приезжают грузчики, чтобы занести кровать. Она массивная, из дерева.

— Я думаю, мы сможем спать на ней всей семьёй, — размышляет Дейзи, пока четверо мужчин из службы доставки пытаются занести матрас на чердак на третьем этаже.

Я надеюсь, что она имеет в виду семью со мной.

В эту ночь мы сидим на полу в окружении свечей. Остальная заказанная нами мебель прибудет только завтра, а верхний свет кажется нам слишком ярким. В этом здании ещё многое нужно будет исправить. Мне будет, чем заняться.

— Я купил этот дом, — признаюсь я ей.

— Неужели? — смеётся она с восторгом.

Её глаза танцуют. Хотя, может, в этом стоит винить отблески от свечей. Несмотря ни на что, она прекрасно выглядит. Я едва могу попробовать китайскую еду на вынос. Это ничто иное, как огненный перец, но мне всё равно. Я не могу оторвать глаз от Дейзи.

Позже, мы лежим на кровати, где страстно любим друг друга. Крики удовольствия заполняют весь чердак, пока мой язык, а позже и член, наслаждаются пребыванием между её ножками. А затем, потные и запыхавшиеся, мы просто лежим, и я думаю, какой же чудесной стала моя жизнь.

Я позволяю царству снов захватить меня, где я беру Дейзи снова и снова и снова.

ДЕЙЗИ

Ник убрал свою последнюю цель.

Я ласкаю его грудь, когда мы лежим в нашей огромной постели в нашей квартире. «В нашем доме», — поправляю я себя. Понятия не имею, что мы будем делать с этими квартирами, но идея мне нравится. Может быть, оставим квартиру для отца, если он захочет жить поближе к нам и продаст ферму. Он может даже взять с собой собаку. А возможно, мы придержим квартиру для Рейган.

На всякий случай.

Прошёл уже месяц с последних известий от Дэниела о Рейган. Мы знаем, что она в безопасности, но домой она так и не вернулась. Я испытываю сильное чувство вины перед своей бедной прекрасной подругой, чья вина только в том, что она жила со мной в одной квартире. Она не заслужила всего того, что приготовила ей судьба, и это не даёт мне спать

по ночам.

Я не рассказывала Нику про ночные кошмары о Рейган. Хотя подозреваю, что он и так знает об этом. У Ника есть достаточно причин для беспокойства. Иногда по ночам он рассказывает мне истории, решив найти ту, что отпугнёт меня от него. Сегодня как раз такая ночь.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе, — говорит он, — о немецком священнике, которым я занимался в Берлине?

Он рассказывает мне о нём за ужином. Священник был педофилом и отмывал церковные деньги. Он привлёк внимание криминальных кругов России, являясь одним из немногих католиков в системе. Он ушёл почти сразу, хотя Ник говорит, что он всё время умолял оставить его в живых.

Ник не пожалел его.

Я выслушиваю рассказ без комментариев, зная, что Ник чувствует себя обязанным рассказать мне эти ужасные вещи о своём прошлом. Знаю, он думает, будто не достоин моей любви. Но я знаю всё, и никогда не буду осуждать его.

Братва вырастила Ника хладнокровным киллером, лишённым чувств, созданным для убийства за деньги и не думающим ни о чём.

Или он просто верит в это. Но мой Ник, мой Николай — не холодный. Он не бесчувственный. Он думает о своих жертвах каждый раз, когда ложится в постель рядом со мной.

Я чувствую напряжение в его большом теле, когда он прижимается ко мне в темноте.

В те ночи, когда он так близко, я знаю, что его мучает внутри.

В такие ночи я могу показать, как сильно забочусь о нём.

Моя рука гладит его девиз на груди. «Смерть — милосердие».

— Ты всё ещё веришь в это? — спрашиваю я.

Лаская, его рука гладит мою, и он прижимает мою ладонь к сердцу.

— Впервые в жизни я не уверен в этом.

Этот ответ радует меня. Ник так долго жил с этим, что нынешняя его неуверенность мне нравится. Значит, его взгляд на мир меняется. Значит, он совсем не то существо, которое из него сделали.

Я скольжу рукой по его груди и ласкаю сосок, дразня его. Я хочу поиграть с его телом.

— Ты устал? — спрашиваю я с хрипловатой дрожью в голосе, вызванной отнюдь не сонливостью.

Я слышу его мягкий свет в темноте:

— Почему ты спрашиваешь?

— Думаю, мы могли бы опробовать нашу новую кровать.

Я прикусываю губу и двигаюсь рукой вниз, по его животу, к его члену. Боже, как же я люблю секс с Ником. Это всегда смесь грубых движений и бесконечной нежности, каждый раз новая и прекрасная.

— Так ты не устала?

Он всегда так волнуется обо мне. Будто я хрупкий цветок. Сегодняшний день был изнуряющим из-за переезда, но я чувствую, как здесь, в постели, мои силы возвращаются.

Мы начинаем нашу новую жизнь вместе.

И я хочу начать её правильно. Я скольжу руками по его члену, лаская головку. Он уже готов. Моему Нику достаточно только намёка, и он уже готов к сексу. Знание того, что я

могу привести его к эрекции всего двумя словами, заставляет меня чувствовать себя желанной.

— Я не устала, — говорю я ему и добавляю: — И ты, насколько я могу судить, тоже не очень-то устал.

Я склоняюсь над его грудью и мягко пощипываю грудь.

Он стонет, прижимая меня ближе. Я знаю, что он любит, когда я прикасаюсь к нему так. Мой рот движется по его груди, целуя и достигая его сосков.

Я чувствую толчки, которыми отвечает его тело. А потом он переворачивает меня на спину, забирая контроль.

— Если моя Дейзи хочет удовольствия, — говорит он низким голосом с гудящим акцентом, — я дам ей его.

Возбуждение возгорается мне, и я беспокойно шевелюсь под ним. Я немного разочарована тем, что в новой квартире так темно. Мне нужно видеть, как его накаченное татуированное тело нависает надо мной. Я ласкаю руками его тело, когда его руки забираются под мою ночную рубашку, исследуя моё тело. Через секунду я чувствую его дыхание на своей груди, а затем горячие голодные поцелуи.

Я задыхаюсь от ощущений, когда его зубы истязают мои соски, которые затем успокаивает язык. Ник любит мою грудь, хотя она вряд ли могла бы многих впечатлить. Он любит всё во мне. Его язык превращает мои соски в затвердевшие пики, заставляя меня задыхаться и стонать его имя. Мои ногти оставляют следы на его плечах. Я знаю, как он любит дикость, смешанную с нежностью.

— Моя Дейзи, — стонет он и начинает целовать низ моего живота, — прекрасная, драгоценная и дивная Дейзи. Я никогда не устану от твоего вкуса.

Его сексуальные слова заставляют мой пульс биться чаще, а ноги дрожать в ожидании продолжения.

Ник скользит ниже, и я чувствую его горячее дыхание на моей промежности. Это его любимое занятие — вылизывать мою киску, пока у меня не случится как минимум одного, а то и двух оргазмов. Иногда и больше. Однажды ночью он захотел проверить, сколько раз я смогу кончить, и так нежно вылизал все мои мельчайшие щёлочки, что моё тело пришло в шок от оргазмов. На следующий день у меня была смешная походка.

Тогда он был очень доволен собой. Ему нравится, когда я теряю голову от страсти, для него это сродни награде.

Хотя сегодня я не хочу бесконечных часов сексуального изнеможения. Я хочу почувствовать, как его плоть толкается внутри меня. Я хочу грубого соития наших тел, и хочу его прямо сейчас. Так что я легонько пинаю его ногами, показывая своё нетерпение.

— М-м-м, — хрипло говорит он. — Ты уже намочила для меня, *душа* моя? Думаю, я должен попробовать и узнать это.

Конечно же, он знает, какая я мокрая сейчас. Я чувствую влажность своих бёдер, когда извиваюсь в предвкушении, пока его дыхание греет мою промежность. Но когда его язык оказывается там, я чувствую, как дёргается мой клитор.

Сдавленные вздохи вырываются из моего рта. Звуки ускользают, и я воспаряю к небесам. Мне никогда не привыкнуть к этим ощущениям. Никогда.

Наоборот. С каждым разом ощущения всё волшебнее и сильнее.

Ник бормочет что-то по-русски, а потом облизывает меня сильнее, водя языком от клитора до влагалища. Он вылизывает и сосёт мою плоть, пока я не начинаю стонать от

необходимости оргазма. Секс с Ником никогда не был тихой и лёгкой рутинной. Это всегда фейерверки и взрывы. Мне нравится, что он способен так легко раздражить меня и получить от этого удовольствие.

Мои бёдра вырываются вверх, когда его рот доводит меня до первого за эту ночь оргазма. Мой рот изгибается от удовольствия, пока он сосёт мой клитор. Я запускаю пальцы ему в волосы, придерживая его голову в нужном месте.

— О, Николай, — вырывается у меня. — О, да! Николай!

Ему нравится, когда я произношу его полное имя. В ответ я слышу рычание, а его движения становятся ещё интенсивнее и быстрее.

Я кончаю, крича его имя в кульминации.

Затем он движется на меня, и его большой член скользит по мне. Я чувствую, как он трётся о мои бёдра и влагалище. Я готова к нему, несмотря на едва закончившийся оргазм, но я хочу большего. Когда его рот достигает моего, я начинаю жадно сосать его язык, показывая, насколько я голодна.

— Моя Дейзи, — говорит он, шевеля губами напротив моих. Затем он входит в меня, будто поражая копьём.

Я задыхаюсь от удовольствия, что дарит мне его член, и обхватываю его шею руками.

Я прижимаюсь к нему ближе, а он яростно долбит меня между ног, что в считанные минуты приводит меня к ещё одному сокрушительному оргазму.

Он почти сразу же догоняет меня, и я слышу, как он кончает с моим именем в стоне.

От оргазма внутри меня будто разражается землетрясение. Сейчас нас не разделяет презерватив, ведь я на таблетках. Когда-нибудь мы будем готовы и двинемся дальше. Я буду Дейзи Андерс — женой Ника Андерса. Но пока что я медленно двигаюсь рядом с моим Ником. Для меня это ново — быть любимой, и я хочу насладиться всем, что происходит между нами.

Ник падает на меня сверху. Самые вкусные килограммы под липкой от пота кожей. Я глажу его, зная, что он ничего так не любит, как эти прикосновения после секса. Я обнимаю его ногами, вцепившись в него, словно паукообразная обезьяна, потому что я так люблю вес его тела на моём.

Он переворачивается на бок, но я не отпускаю его, а просто зарываюсь в него:

— Я люблю тебя, Николай.

Я говорю ему это каждый день, и думаю, что он должен слышать это так часто, насколько это возможно.

Его руки сжимают меня сильнее.

— Дейзи, — бормочет он. — Моя сладкая прекрасная Дейзи. Я люблю тебя больше жизни.

Его рука скользит по моим волосам и прижимается к щеке. Я обожаю эти ласки после секса. Я так рада, что Ник не один из тех мужчин, что отворачиваются и спят.

Хотя сегодня он задумчивый. Долгое время он гладит мои волосы и молчит. В конце концов, он спрашивает:

— Ты не жалеешь о жизни со мной? С человеком с окровавленными руками? Ведь я убивал людей, и невинных в том числе.

В его голосе столько грусти.

— Нет, — говорю я с отчаянием. И это правда. — Ты сделал меня свободной, Ник. И мой отец теперь свободен от страха, — я наклоняюсь и целую его. — Всё это благодаря тебе.

И я люблю тебя.

— Ты слишком хорошая Дейзи, — его голос пресыщен эмоциями. — Как же мне повезло, что ты оказалась в моей жизни?

— Мы созданы друг для друга, — говорю я ему, и прижимаюсь щекой к его груди. — Разве тебе так не кажется? Всё в жизни случилось так, чтобы мы встретились в определённое время в определённом месте. Если бы не та твоя последняя цель, я бы никогда не встретила тебя. Как же я могу сожалеть об этом?

Я целую его девиз на груди:

— Это связало нас вместе.

Он прижимает меня сильнее.

Когда-нибудь Ник поверит в то, что я говорю. А до тех пор я буду обнимать его, снова и снова повторяя слова любви, пока он не растает и не поймёт, как сильно я его обожаю.

Мы оба достаточно терпеливы, Ник и я. Мы оба знаем, что такое ждать удовольствия.

Я прижимаюсь ближе к телу моего татуированного любовника и целую его кожу до тех пор, пока он не переворачивает меня на спину. И мы занимаемся любовью, пока в окна не пробивается дневной свет.

А потом мы засыпаем. Вместе.

<<<Конец>>>

Больше книг на сайте - Knigoed.net